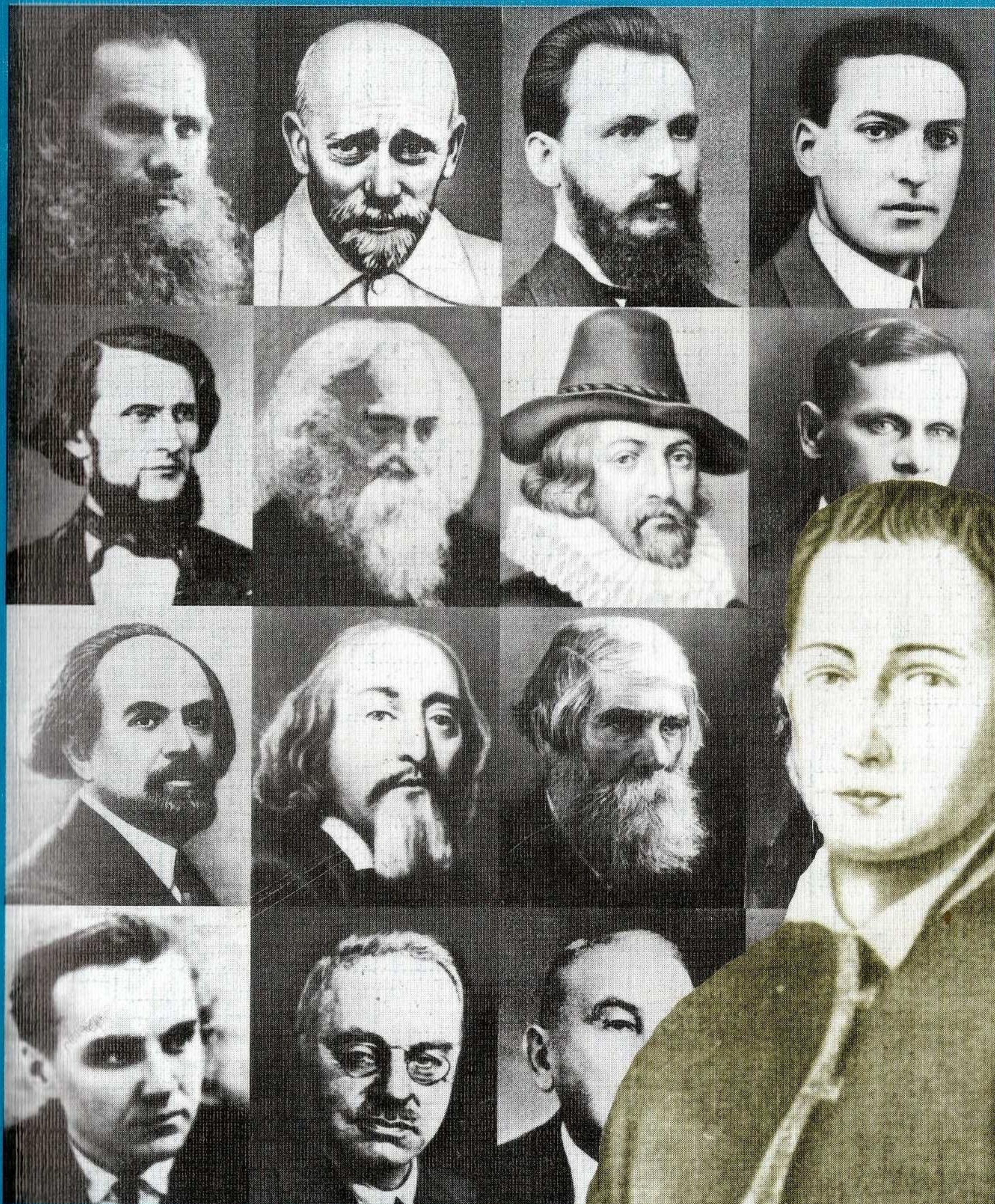

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ СКОВОРОДА

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Амонашвили Ш.А. — глава Издательского Дома

Асмолов А.Г.

Бордовский Г.А.

Дарчия М.Д.

Загвязинский В.И.

Зуев Д.Д. — главный редактор

Кезина Л.П.

Матросов В.Л.

Неменский Б.М.

Ниорадзе В.Г.

Никандров Н.Д.

Петровский А.В.

Рябов В.В.

Саргтания В.Ш.

Шадриков В.Д.

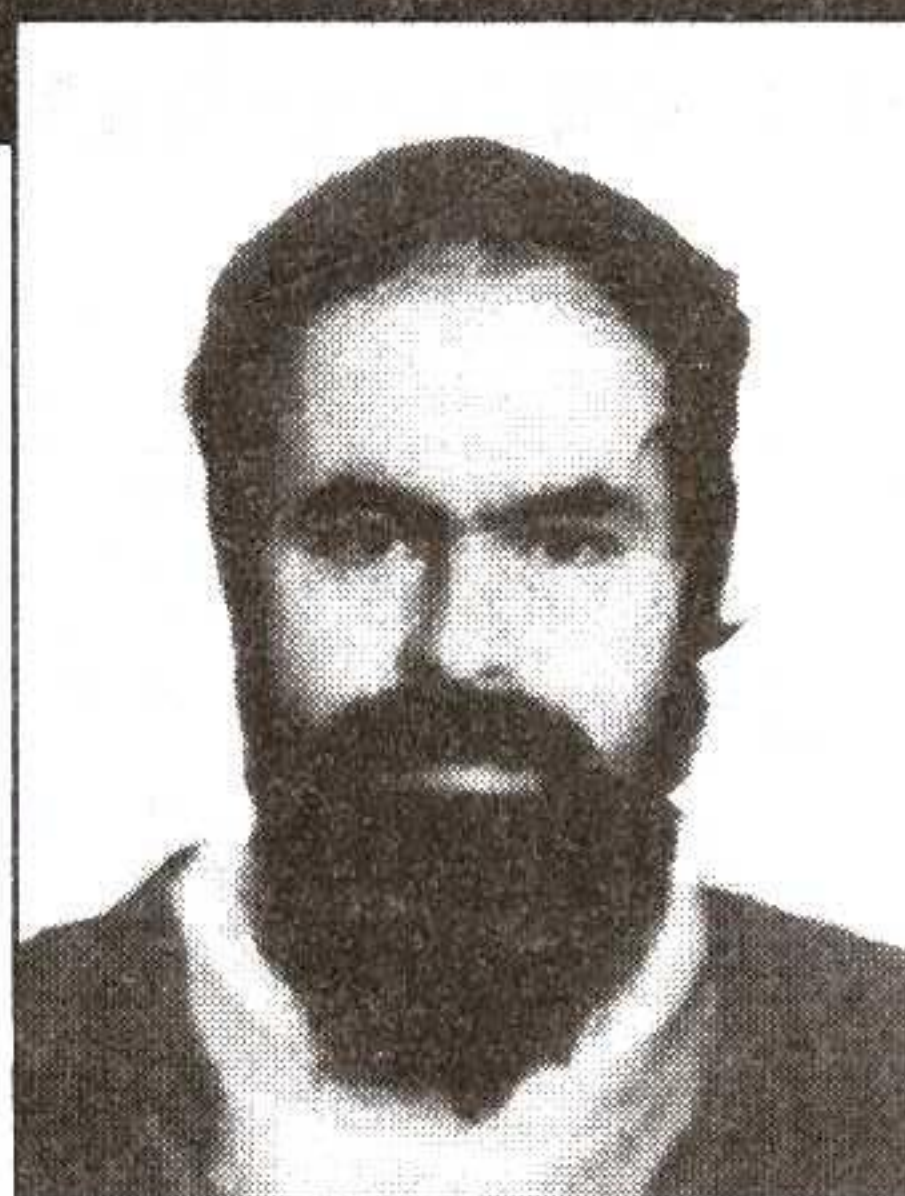

**ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ
МОСКВА**

СОСТАВИТЕЛЬ И
АВТОР ПРЕДИСЛОВИЯ

ПЕРВЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

**Щедровицкий
Дмитрий
Владимирович**
Теолог-библеист

**Цыплаков
Петр
Николаевич**
Учитель,
г. Переславль-
Залесский

**АНТОЛОГИЯ
ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ**

СКОВОРОДА

**ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ**

**МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

**МОСКВА
2002**

ББК 74.03

С44

«Федеральная программа
книгоиздания России»

Сковорода.— М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 2002.—
С. 224 (Антология гуманной педагогики).

Очередной том «Антологии гуманной педагогики» призван дать читателю представление о философско-религиозном учении и педагогических взглядах великого украинского мыслителя Григория Сковороды. Его сочинения способствуют осознанию смысла жизни, «наведению мостов» между учителем и учеником для их совместного духовного восхождения.

противоположным образом: смысл в том, чтобы войти в свой внутренний мир, познать себя самого, в себе найти Бога, чей Образ отражен в зеркале нашей бессмертной души, и обрести те нерушимые максимы сознательного бытия, те божественные моральные заповеди, облекшись в кои как в броню, можно уже смело выходить в мир внешний для познания его, для одоления в нем зла и утверждения праведности, для успешного исполнения своей изначальной человеческой миссии. Ибо, как сказал Лев Толстой, «дверь открывается только внутрь — на себя».

Одним из величайших учителей этого направления был Григорий Саввич Сковорода. Его жизнь — редчайший для Нового времени феномен полного совпадения реальной деятельности с идеальной целью, точного соответствия поступка замыслу. В отличие от кабинетных философов и педагогов-теоретиков — им же несть числа, — Сковорода воплощал свои идеи в непосредственной практической деятельности, обучая детей и взрослых, вел жизнь странника-созерцателя, сознательно уподобляясь древнегреческим философам — прежде всего киникам и, отчасти, стоикам и эпикурейцам. Последних украинский мыслитель рассматривал не сквозь призму позднейшего понимания, т.е. не как проповедников вседозволенности и гедонизма, но как своего рода «учителей счастья», утверждавших, что истинное благо возможно обрести лишь внутри себя, а отнюдь не через чувственные наслаждения. Не случайно самого Иисуса Христа Сковорода именует «еврейским Эпикуром», находя в евангельском учении тот же призыв к самопознанию и поискам счастья в собственной душе:

Так живал афинский,
Так живал и еврейский
Эпикур — Христос.

Из «Сада Божественных песней»

Вот почему, ведя жизнь скитальца и странника, Сковорода, ощущавший и постоянно провозглашавший себя подлинным христианином, подражал не только греческим философам, но и апостолам, ведшим, как известно, страннический образ жизни, а также ветхозаветным пророкам, о которых сказано: «...И радовались, и говорили о себе, что они странники и пришельцы на земле...» (Евр. 11, 13).

Григорий Сковорода явился на свет в селе Чернухи Лубенского полка (позднее Лубенской округи Киевского наместничества) в 1722 г. в казацкой семье среднего достатка, принадлежавшей к мещанскому сословию. По свидетельству верного ученика, а впоследствии и биографа М.И.Ковалинского (из составленной им в 1794 г. «Жизни Григория Сковороды» мы и приводим дальнейшие сведения), родители будущего философа «честностью, правдивостью, странноприимством, набожеством, миролюбивым соседством отличались в своем кругу». Все эти

черты характера и основы общения с людьми не только унаследовал, но и развил до высшей степени человеколюбия и самоотверженности их сын Григорий. Он уже в семилетнем возрасте отличался от сверстников особой набожностью, склонностью к музыкальным занятиям (в том числе к церковному пению) и к изучению различных наук, а также непреклонностью воли — «твердостью духа». Именно последнее качество Сковорода впоследствии ставил себе в заслугу, подчеркивая, что верность единому избранному пути истины дарует человеку внутренние мир и радость, «блюдет в покое» его душу (ср. изречение пророка Исаии: «Твердого духом Ты хранишь в совершенном мире, ибо на Тебя уповает он» — Ис. 26, 3). В возрасте 12 лет, в 1734 г., Григорий по собственному желанию был отдан отцом на обучение в знаменитую Киево-Могилянскую академию, основанную еще в 1632 г. Одним из преподавателей академии был выдающийся сподвижник Петра I, философ, поэт и общественный деятель Феофан Прокопович. Его ученик Конисский, читавший курсы логики, этики, физики и «метафизики», оказал сильное влияние на юного Григория. В освоении наук, по свидетельству М.И.Ковалинского, Сковорода «скоро превзошел сверстников своих успехами и похвалами». Отчасти обучению в академии, но гораздо более собственным усилиям и любознательности украинский мыслитель обязан тем, что усвоил знание как классических греческого, латинского, отчасти древнееврейского, так и нескольких новых европейских языков, глубоко изучил наследие греческих и римских авторов — Платона, Аристотеля, Гераклита, Эпикура, Сенеки, Лукреция Кара и других, а также сочинения Отцов Церкви, трактаты средневековых богословов, как православных, так и католических (из последних прежде всего — Фомы Аквинского), познакомился с сочинениями естествоиспытателей эпохи Возрождения и Нового времени (например, Коперника). Из русских писателей он более всех ценил М.В.Ломоносова, чье поэтическое влияние отчасти ощущается в творчестве самого Сковороды («Сад Божественных песен» и другие философские стихи). Но самое сильное, ни с чем не сравнимое влияние на жизнь, мышление и все творчество великого украинца оказала Библия. В некотором смысле большую часть литературного наследия Сковороды можно рассматривать как своеобразный и весьма многогранный комментарий к Книге книг. Библию в академии изучали, разумеется, в свете святоотеческих толкований, но Григорий Сковорода в своих последующих сочинениях весьма далеко отошел от этих раннесредневековых образцов экзегетики и углубился непосредственно в текст Писания, приводя и обосновывая свои, весьма оригинальные и разносторонние толкования священных текстов.

К библейскому учению восходят, им обосновываются самобытные педагогические воззрения Сковороды. Впрочем, философ полагал, что в Библии концентрированно и последовательно

изложены те истины, чьи проблески видны в учениях мудрецов всех времен и народов. Поэтому мысли о правильном воспитании, подобные библейским, мыслитель находил и у жрецов Египта, и у греческих философов, и у китайских мудрецов...

Музыкальные дарования и певческий талант Сковороды обратили на себя внимание высокопоставленных лиц из окружения только что взошедшей на престол императрицы Елизаветы Петровны, и с 1741 по 1744 г. он находился в придворной капелле. Получив чин придворного уставщика, он продолжил обучение в Киево-Могилянской академии. Однако, быстро «одолев» науки, в ней преподававшиеся, молодой мыслитель возжелал увидеть своими глазами иные страны и чужеземные нравы. Случай к тому представился, когда юноша был рекомендован генерал-майору Вишневскому как знаток иностранных языков, а также церковного пения: последнее было необходимо для упорядочения православного служения в некоторых храмах Венгрии, куда Сковорода и вызвался сопровождать Вишневского. Кроме Венгрии, они посетили Вену, Офен, Пресбург и другие города Австро-Венгрии и германских княжеств.

В каждом впервые посещаемом городе философ старался завести знакомства с местными учеными, как теологами, так и естествоиспытателями, и благодаря этому пополнить свои знания. По некоторым сведениям, Григорию удалось объехать и ряд городов Польши и Италии, а в Германии — слушать лекции И.Канта.

Возвратившийся на родину Сковорода, не имея достаточных материальных средств, посещал дома и усадьбы своих друзей и знакомых, задерживаясь у некоторых из них на более длительные сроки, пока, наконец, епископ города Переяслава Николай Стребницкий не пригласил его в местное училище на должность преподавателя поэзии. Однако, поспорив с епископом об основах преподавания (Сковорода был одним из новаторов в русской поэзии середины XVIII в., сторонником силлабо-тонической системы, в противоположность традиционной силлабической), философ был «отставлен» от должности.

М.И.Ковалинский свидетельствует, что Сковорода с большим мужеством переносил и это и все другие выпадавшие на его долю материальные лишения — «скромно, молчаливо, безропотно, не имея тогда, как только две худые рубашки, один камлотный кафтан, одни башмаки, одни черные парусные чулки...». Вскоре, однако, философ получил должность учителя в доме местного дворянина Стефана Томары, взявшись обучать наукам его сына Василия. Удивительно свидетельство о первых проявлениях педагогического таланта Сковороды, приводимое Ковалинским: «Сковорода начал больше возделывать сердце молодого воспитанника своего и, рассматривая природные склонности его, помогать только природе вращении направлением легким, нежным, нечувствительным, а не безвременно обремен-

нять разум его науками, — и воспитанник привязался к нему внутреннею любовью». В этом описании уже налицо все три основные предпосылки воспитания и обучения, на которых, как на обязательнейших, будет настаивать Сковорода в своих философско-педагогических трактатах: это, во-первых, «возделывание сердца», т.е. воспитание внутреннего человека; во-вторых, «помощь природе», т.е. обучение именно тому, к чему ученик имеет природную склонность и внутреннее влечение; и, в-третьих, создание атмосферы взаимного притяжения, «поля любви» между учителем и учеником (что соответствует и педагогическим взглядам древнегреческих мыслителей, в том числе Сократа и Платона).

Однако протест помещика против «равного обращения» учителя с его сыном (учителя в то время рассматривались как люди подневольные, слуги) привел и на этот раз к увольнению Сковороды, который, по словам Ковалинского, остался «без места, без пропитания, без одежды, но не без надежды»...

...Знаменательно и завершение жизни великого философа. Последний раз свидевшись с М.И.Ковалинским, когда тот, разочаровавшись в многолетнем увлечении светской жизнью, вернулся к «исканию мудрости» (перед этой встречей они не виделись 19 лет), утешив, ободрив и наставив своего друга, «воскресив дух его», Сковорода уехал к своему приятелю — помещику Ковалевскому в слободу Ивановку, где и скончался осенью 1794 г. Относительно обстоятельств, сопровождавших переход его в мир иной, между исследователями имеется расхождение. Согласно одной версии, он в течение многих лет «явно не хранил ни постов, ни обрядов христианских, не ходил в церковь» и перед кончиной также «не приобщился, и когда ему предложили приобщиться тайн, он не захотел, сказывая, что это не нужно для него». Казалось бы, это сообщение вполне соответствует самому духу учения и жизни Сковороды, всегда отвергавшего «внешне-обрядовое благочестие» в пользу богопочитания «внутреннего, невидимого, изначального, в Духе и Истине». Однако, согласно иной версии, которой придерживается М.И.Ковалинский, философ, снисходя к религиозным чувствам окружающих и не желая «соблазнить их», «представя себе совесть слабых, немощь верующих и любовь христианскую», все же «исполнил все по уставу обрядному»...

На надгробном камне своем мыслитель завещал начертать следующие слова, подводящие итог всей его подвижнической жизни: «Мир меня ловил, но не поймал». Эта краткая эпитафия была дополнена надписью со стихами, возвышенно и лаконично передающими самую суть духовных исканий и жизненного пути Сковороды. Автором стихов, по всей видимости, был М.И.Ковалинский (см. приложение: «Жизнь Григория Сковороды»).

Основу философствования Сковороды составляет аллегорический метод интерпретации Священного Писания, восходящий

к Филону Александрийскому (I в. н.э.), а через него — к ессеям в Иудее и терапевтам в Египте, прямым предшественникам христианства. Будучи развит в рамках ранней есеевской образной интерпретации Библии в доталмудическую эпоху (жанр «мидраша» — символически-аллегорического «исследования» библейского текста) и разработан апостолом Павлом применительно к евангельско-христианской традиции, этот метод стал одним из направляющих в трудах Отцов и Учителей Церкви (Ориген, Климент Александрийский, Григорий Нисский, Василий Великий и многие другие).

Для учения Сковороды характерно, что символически-аллегорический метод применяется не только при толковании Писания, но и при осмыслении всех сторон человеческой жизни, распространяясь «на весь мир — горный и дольний, ангельский и человеческий, природно-чувственный и разумно-сердечный». «Вся глубина истины» в его произведениях проясняется путем собеседования двух или нескольких «друзей — искателей правды о мире и человеке», — в форме, восходящей, в конечном счете, к платоновским диалогам. Многие произведения философа так и именуются — «Диалогами или разглаголами», а также «Беседами». Цель каждого «разглагола» всегда практическая: выяснить, достижимо ли в жизни человеческой счастье, и если да, то в чем оно состоит и на каких путях обретается.

«Параметры» философских размышлений Сковороды определяются несколькими главными положениями его «мудрствования». Это, прежде всего, учение о двойственной сущности бытия (признание теснейшей взаимосвязи «двух натур — видимой и невидимой», аллегорически изображаемых в виде древесного ствола и его тени); затем — представление о «трех взаимозависимых мирах» (макрокосме, человеке как микрокосме и Библии как «символическом мире»), соотносимом тем не менее с двумя первыми по своей значимости); наконец, понятие о счастье как «сродности», как о воссоединении со своим духовным корнем — Богом — посредством духа и с окружающей природой — посредством тела. Последнее включало в себя учение, которое впоследствии Л.Н.Толстой назовет «опрощением» жизни. А эта часть мировоззрения, в свою очередь, побуждала философа часто обращаться к основам жизни и мышления простого народа, что, в частности, отразилось и на его поэтическом творчестве. Сковорода стал одним из первых русских поэтов, употреблявших в своих творениях не только ломоносовскую, но и исконно народную силлабо-тоническую систему стихосложения. Напомним, что официальной в русской придворной поэзии была в то время система силлабическая, заимствованная из польского языка (с ударением всегда на предпоследнем слоге) и не учитывавшая особенностей языка русского. Приведем в качестве примера тяжеловесные строки Антиоха Кантемира: «Буде речь моя слаба, буде нет в ней чину, // Ни связи, — должно ль о том тужить дво-

рянину?» («Сатира на хулящих учение»). В противоположность таким традиционным виршам, стихи Сковороды, при глубоком религиозно-философском смысле, отличаются лаконичной простотой и часто музыкальностью формы. Некоторые из них стали народными песнями:

Ой ты, птичко желтобоко,
Не клади гнезда высоко!
Клади на зеленой травке,
На молоденькой муравке...

В этих певучих, по-народному непритязательных строках содержится та самая мысль об избегании гордыни, блестящей карьеры и об «опрошении жизни», которая составляет один из «столпов» учения Сковороды.

Приведем несколько строк из другого его стихотворения:

Бездна дух есть в человеке, вод всех ширший и небес.
Не насытишь тем векеи, что пленяет зрак очес.
Отсюда-то скука внутри, скрежет, тоска, печаль,
Отсюда несытость, из капли жар горший встал.
Знай: не будет сыт плотским дух.
О род плотский! Невежды! Доколе ты тяжелосерд?
Возведи сердечны вежды! Взглянь вверх на небесну твердь.
Чему ты не ищешь знать, что то зовется Бог?
Чему не толчешь, чтобы увидеть Его ты мог?
Бездна бездну удолит вдруг.

В этом стихотворении — можно сказать, «программном» не только для поэтического творчества Сковороды, но и для его философии в целом, заключена мысль о тщетности любых попыток восполнить или заменить духовные стремления и нужды человека физическими впечатлениями и наслаждениями. Такие попытки подобны желанию забросать океан пылью или потушить пожар каплей воды — именно потому, что дух человеческий есть «бездна», т.е. бесконечность, в то время как все материальное ограничено и конечно. Проваливаясь, исчезая в «бездне» духа, физические восприятия никогда не заполняют ее, но пробуждают еще более сильное ощущение незаполненности, неудовлетворенности (вспомним библейское: «...Не насытится око зрением, не наполнится ухо слушанием» — Еккл. 1, 8). И один только Дух Божий, также являющий собой Бесконечность — «бездну», соединившись с духом человеческим, будучи «увиден», т.е. вмещен им, способен заполнить и этим осчастливить его (явная аллюзия на слова апостола Павла: «...Дух все проникает, и глубины Божи. Ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия. Но мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога...» (1 Кор. 2, 10–12).

Однако надо подчеркнуть, что глубоко христианское по своей сути учение Сковороды об «отрешении от мира» и упорном поиске Бога совершенно лишено черт уныния, скорби, чрезмерной удрученности греховностью человеческой природы. Напротив, он призывает радоваться красоте и совершенству Божьего мира, весельем духовным прославляя Создателя. Внутренняя радость, по его мнению, — неотъемлемый признак духовной жизни, а печаль — смерти.

Кто печаль в утробе
Носит завсегда,
Тот лежит во гробе,
Не жил никогда.

Наиболее известна широко распространившаяся в народе Песнь 10-я из «Сада Божественных песнопений».

Всякому городу нрав и права;
Всяка имеет свой ум голова...
Всякому сердцу своя есть любовь,
Всякому горлу свой есть вкус каков,—
А мне одна только в свете дума,
А мне одно только нейдет с ума...

Перечисляя всевозможные занятия и профессии, ввергающие смертных в суету мирскую, поэт в качестве рефрена повторяет мысль о своей «одной только в свете думе» — и в конце она оказывается мечтой о приобретении высшей мудрости.

...А мне одна только в свете дума,—
Как умереть бы мне не без ума.

И открывается, что истинная мудрость, неотделимая от чистоты сердца («совесть как чистый хрусталь»), одна только и может торжествовать над смертью, возводя после кончины тела бессмертный человеческий дух в его нетленные обители.

Смерть страшна, замашная косо!
Ты не щадишь и царских волосов.
Ты не глядишь, где мужик, а где царь,—
Все жрешь так, как солому пожар.
Кто ж на ее плюет острую сталь?
Тот, чья совесть как чистый хрусталь...

Таким образом, смерть, уравнивающая «мужика и царя», тщетно трудившихся в мире сем, не страшна лишь одному разряду людей: тем, кто свободной волей соединился с Вышней Премудростью, очистил сердце, сделав его «зерцалом Всевышнего», и уразумел, как говорит Сковорода в другом своем стихотворении и неустанно повторяет в прозе,

Что нужность не трудна,
Что трудность не нужна.

С этим излюбленным афоризмом мыслитель связывает и следующее свое изречение: «Радование есть цвет человеческой жизни — оно есть главная точка всех подвигов».

Прозаические произведения Сковороды сродни поэтическим: все они усеяны библейской, древнеегипетской, античными греческой и римской, украинской и русской фольклорной образностью, все они притчобразны. «Пусть учит без притчей тот, кто пишет без красок» — вот девиз философа.

В качестве примера его многочисленных аллегорических толкований Писания приведем выдержку из «Книги Асхань о познании самого себя»: «Легко могли смотреть сыны Израилевы на поверхность покрывала Мойсеева. Но на Богом прославленный зрак лица его смотреть боялись. Видишь ли, что двойной Мойсей? В одном Мойсее тленный и славный. То же самое делается и на Фаворе. Один Христос сносен очам Петровым, второй страшен. Первого множайшии видели, второго никто, кроме учеников, в то время как дал и отверз им ум разумети писания. Тленного и мертвого все видели, а о живом никто не терпел и слышать. В силу ученики уверились, и присмотрели, и увидели. Первого смертного Христа не хочет знать и видеть его Павел, и сим гораздо разнится от прочих. Слушай, что он говорит: «Тем же и мы отныне ни единого ведем по плоти. Аще же и мы уразумехом по плоти Христа, но ныне к тому не разумеем». Скажи ж теперь, что такое разумеешь чрез сие имя (Христос)? Если разумеешь какую тлень, без сомнения, чрез имя Христово разумеешь пустошь. И се-то есть принимать имя его всеу!..»

В начале приведенного отрывка автор напоминает читателю рассказ из Книги Исхода (34, 30–35): лицо Моисея сияло после его беседы со Всевышним, и народ боялся подойти к пророку. Лишь после того, как Моисей положил покрывало на лицо, окружающие смогли говорить с ним. В этом эпизоде Сковорода усматривает иносказание о двойственной сущности человека — «человеке внутреннем, духовном, нетленном» (т.е. о нашей бессмертной духовной сущности) и человеке «внешнем, плотском, тленном» (т.е. о нашем смертном физическом естестве): «Видишь ли, что двойной Мойсей?» С приведенным эпизодом из Ветхого Завета философ сопоставляет новозаветное повествование о преображении Иисуса Христа на горе Фаворской (Матф. 17, 1–9): как перед преображением, так и после него Петр и другие апостолы могли свободно «взирать на лице Иисусово», во время же самого преображения они «пали на лица свои и очень испугались», подобно израильтянам, узревшим сияние Моисеева лика. Заметим, что, согласно традиционным толкованиям практически всех христианских интерпретаторов, упомянутые ветхозаветный и новозаветный рассказы соотносятся как прообраз и его осуществление, т.е. Моисей предзнаменует Христа. В отличие от этого, по мысли Сковороды, оба — как Моисей, так и Христос — указуют на нашего «внутреннего человека», на бес-

смертный, разумный человеческий дух, скрытый, подобно телу под одеждой, под «покровом смерти и тлена» нашей душевно-физической природы. Призывая познавать именно духовную «главу» человека, а не его материальную «пята», философ сосредоточивает наше внимание на третьем месте из Писания — на этот раз на Втором Послании Павла к Коринфянам (5, 16): «Потому отныне мы никого не знаем по плоти; если же и знали Христа по плоти, то ныне уже не знаем». Такой цитатой Сковорода вновь убедительно подчеркивает, что библейски мыслящий верующий должен воспринимать и себя самого, и других в качестве личностей бессмертно-духовных, находящихся на пути к совершенствованию, а отнюдь не как материально-физические объекты окружающего мира. И как напоминание, вразумление, а для многих и обличение — звучит последняя часть приведенного отрывка: «Скажи ж теперь, что такое разумеешь чрез сие имя (Христос)? Если разумеешь какую тлень... се-то есть принимать имя его все!» Лишенной высшего смысла и значения, духовной жизни, вдохновения и полета — поистине проведенной «все» — может стать вся жизнь человека, который на все окружающее взирает «плотским взглядом», «смотрит мимо», не замечая ни в чем «божественного начала и главизны». Вряд ли нам следует еще раз останавливаться на мысли о разительном отличии такой «животворной», можно смело сказать — «благодатной» педагогики от наставления учеников в основах «диалектического материализма»...

Подобный подход к толкованию Писания характерен для всего творчества Сковороды. Не менее оригинален он и в обращении с другими источниками мудрости, прежде всего с притчами разных времен, народов и культур. Например, в «Разговоре пяти путников о истинном счастье в жизни» приводится в пересмысленном виде знаменитая «Притча о безногом и слепом», восходящая к кругу легенд и образов древнееврейской аллегорической литературы — талмудического «мидраша» («истолкования»), а впоследствии широко использовавшаяся в средневековой словесности как христиан, так и мусульман. Первоначальное содержание притчи таково: слепой посадил безногого к себе на плечи, чтобы тот срывал яблоки в чужом саду. Услышав шаги хозяина, слепой опустил безногого на землю, и оба стали отнекиваться от содеянного: мол, никто из них не мог обогнуть сад, — ведь один не видит, а другой не в силах дотянуться до веток. Тогда умный хозяин поднял безногого и вновь посадил на плечи слепому, сказав: «Вот так вы действовали вместе!» Согласно иудейской метафорике, заимствованной позднее христианством и исламом, безногий в этой притче символизирует душу, слепой — тело, сад — жизнь «века сего», а хозяин — Всевышнего. На Страшном суде как душа, так и тело станут отнекиваться от содеянных грехов: ведь тело без души неспособно мыслить или желать, а душа без тела — действовать в физической реальности.

Но, воскресив человека целиком, т.е. возвратив душу в тело («вновь посадив безногого на плечи слепому»), Бог огласит грешнику свой приговор...

Сковорода совсем в ином ключе объясняет эту притчу, придав ей и сюжетное отличие от традиционного варианта. Прежде всего, у него пропадает негативный смысл соединения безногого со слепым, поскольку они сливаются воедино свои усилия отнюдь не с целью ограбления, а чтобы достичь истины — совместно пройти путь к дому своего Отца Урания (т.е. «Небесного»). Кроме того, исчезает противопоставление души — телу, а вместо него появляется содружество двух «братьев», олицетворяющих главные нравственные качества: безногий — премудрость, а слепой — добродетель. Лишь при взаимной помощи могут они одолеть спасительный путь домой — к чертогам Отца Небесного. Ведь добродетель без премудрости слепа, а мудрость без творения добра бездейственна...

Приведенная притча в оригинальной интерпретации Сковороды могла бы стать эпиграфом ко всей его философско-религиозной системе. А осуществление «закодированного» в притче жизненного содержания — целью всей его педагогической деятельности. Пожелаем же, чтобы взгляды великого украинского мыслителя стали ближе и понятнее еще многим и многим обучающим и обучаемым и чтобы в жизни всех, кто соприкоснется с его драгоценным наследием, осуществилось благословение, оставленное им каждому будущему читателю: «Желаю, чтобы душа твоя, как Ноева голубица, не обретши нигде покоя, возвратилась к сердцу своему, к Тому, Кто почивает в сердце твоём...» А в этом случае, возможно, многие из нас ответят на «заглавный» вопрос философа «Счастье, где ты живешь?..» его же словами:

О счастье, мой свет ясный!
О счастье, мой цвет красный!
Ты мать и дом, ныне вижу, ныне слышу!

Из «Сада Божественных песней»

Д.В.Щедровицкий

СОЧИНЕНИЯ Г.С.СКОВОРОДЫ

НАЧАЛЬНАЯ ДВЕРЬ К ХРИСТИАНСКОМУ ДОБРОНРАВИЮ

Само название трактата говорит о том, что автор рассматривал его как свод самых необходимых, первоначальных сведений этического характера. Трактат предназначался «для отверзания ума учащихся» и призван был способствовать восприятию ими основ нравственности: отсюда и название «дверь». Изучение этики, по убеждению Сковороды, невозможно без предварительного усвоения знаний о Боге и смысле человеческой жизни, о «месте человека во вселенной» (О.Мандельштам). Вот почему большая часть трактата посвящена вопросам теологическим и онтологическим. Трактат, написанный в середине 60-х годов XVIII в., по первоначальному замыслу представлял собой план лекций по этике, которые автору предложили прочитать студентам Харьковского коллегиума. Однако начальство этого учебного заведения устранило Сковороду от преподавания, поскольку пришло к выводу, что его взгляды противоречат официальной идеологии. Некоторые основания для подобного заключения действительно имеются: трактат не содержит общепринятых догматических положений официального православия, не упоминает о Троице, боговоплощении и т.п. В то же время некоторые высказанные в нем мысли могут быть восприняты как критика традиционных церковных ритуалов, например: «Церемония возле благочестия есть то... что на зернах шелуха». Уже само название одной из главок («Закон Божий и предание — разнь»), с одной стороны, заставляет подозревать автора в неортодоксальности, а с другой — вызывает желание заново исследовать, глубже понять основы веры: «У нас везде почти несравненную сию разность сравнивают, забыв закон Божий и смешав с грязью человеческою воедино...» Неудивительно, что подобные высказывания пришлось не по душе начальству Харьковского коллегиума, как чуть ли не посягательство на основы церковного священного предания. Однако Сковорода был далек от подобных намерений и ставил перед собой совершенно иную цель — убедить студентов в жизненной важности познания и исполнения воли Божьей: «Не тот верен государю, кто в тайности его вникнуть старается, но кто волю его усердно исполняет».

Преддверие

Благодарение блаженному Богу о том, что нужное сделал нетрудным, а трудное ненужным¹.

Нет слаще для человека и нет нужнее, как счастье; нет же ничего и легче сего. Благодарение блаженному Богу. Царствие Божие внутри нас². Счастье в сердце, сердце в любви, любовь же в законе вечного.

Сие есть непрестающее ведро и незаходящее солнце, тьму сердечной бездны просвещающее. Благодарение блаженному Богу.

Что было бы, если бы счастье, пренужнейшее и любезнейшее для всех, зависело от места, от времени, от плоти и крови? Скажу яснее: что было бы, если бы счастье заключил Бог в Америке, или в Канарских островах, или в азиатском Иерусалиме, или в царских чертогах, или в соломоновом веке, или в богатствах, или в пустыне, или в чине, или в науках, или в здравии?.. Тогда бы и счастье наше, и мы с ним были бедные. Кто б мог добраться к тем местам? Как можно родиться всем в одном каком-то времени? Как же и поместиться в одном чине и стати? Кое же то и счастье, утвержденное на песке плоти, на ограниченном месте и времени, на смертном человеке? Не сие ли есть трудное? Ей! Трудное и невозможное. Благодарение же блаженному Богу, что трудное сделал ненужным.

Ныне же желаешь ли быть счастливым? Не ищи счастья за морем, не проси его у человека, не странствуй по планетам, не волочись по дворцам, не ползай по шару земному, не броди по Иерусалимам... Золотом можешь купить деревню, вещь трудную, как обходимую, а счастье как необходимая необходимость туне везде и всегда даруется.

Воздух и солнце всегда с тобою, везде и туне; все же то, что бежит от тебя прочь, знай, что оно чуждое, и не почитай за твое, все то странное есть и лишнее. Что же тебе нужно? Тем-то оно и трудное. Никогда бы не разлучилось с тобою, если бы было необходимое. Благодарение блаженному Богу.

Счастье ни от небес, ни от земли не зависит. Скажи с Давидом: «Что мне есть на небесе?»³ И от Тебя что восхотел на земле?»

Что же есть для тебя нужное? То, что самое легкое. А что же есть легкое? О друг мой, все трудное, и тяжелое, и горькое, и злое, и живное есть. Однако что есть легкое? То, друг мой, что нужно. Что есть нужное? Нужное есть только одно: «Едино есть на потребу»⁴.

Одно только для тебя нужное, одно же только и благое и легкое, а прочее все труд и болезнь.

Что же есть оное едино? Бог. Вся тварь есть рухлядь, смесь, сволочь, сечь, лом, круш, стечь, вздор, сплочь и плоть, и плетки... А то, что любезное и потребное, есть едино, везде и всегда. Но сие едино все горстию своею и прах плоти твоей содержит.

Благодарение ж блаженному Богу за то, что все нас оставляет и все для нас трудное, кроме того, что потребное, любезное и единое.

Многие телесные необходимости ожидают тебя, и не там счастье, а для сердца твоего едино есть на потребу, и там Бог и счастье, не далече оно. Близ есть. В сердце и в душе твоей.

В сей ковчег ведет и наша десятоглавая беседа, будто чрез десять дверей, а я желаю, дабы душа твоя, как Ноева голубица³, не обретши нигде покоя, возвратилась к сердцу своему, к тому, кто почивает в сердце твоем, дабы сбылось оное Исаиино: «Будут основания твои вечные родом родов, и назовешься создателем оград, и пути твои посреди успокоишь»⁶.

Сего желает Григорий, сын Саввы Сковороды*.

ТВЕРДЬ БЕСЕДЫ

«Истина Господня пребывает веки»⁷.

«Вовек, Господи, Слово Твое пребывает»⁸.

«Закон Твой посреди чрева моего»⁹.

«Слово плотью было и вселилось в нас»¹⁰.

«Посреди вас стоит, Его же не знаете»¹¹.

AB Очевидно, речь идет не о физической трудности того или иного дела, не об усилиях, связанных с его выполнением, но — о величине того внутреннего противления души, которое приходится преодолевать для осуществления этого дела. Следовательно, сердечная радость — «внутренняя легкость» — свидетельствует одновременно и о расположенности души к данному занятию, и о том, что оно угодно Богу. По мысли Сковороды, Создатель вложил в Свое создание — человека — некое внутреннее влечение к тому делу, ради которого, собственно, душа и послана в наш мир. Поэтому, только познавая волю Божью всем своим существом, стремясь понять Его замысел относительно собственной жизни, человек воспринимает окружающее как нечто глубоко осмысленное и в высшей степени для себя ценное. Напротив, не ощущая Богом дарованной сродности со своим занятием, человек воспринимает все вокруг как нечто ненужное, негодное к употреблению, как «ружьи... лом... вздор».

Глава 1-я О Боге

Весь мир состоит из двух натур: одна — видимая, другая — невидимая.

Видимая натура называется тварь, а невидимая — Бог.

* Следует иметь в виду, что прямые и косвенные библейские цитаты у Сковороды соотносятся с церковнославянским текстом Священного Писания.

Сия невидимая натура, или Бог, всю тварь проникает и содержит; всегда везде была, есть и будет. Например, тело человеческое видно, но проникающий и содержащий оною ум не виден.

По сей причине у древних Бог назывался ум всемирный. Ему ж у них были разные имена, например: *натура, бытие вещей, вечность, время, судьба, необходимость, фортуна* и проч.

А у христиан знатнейшие ему имена следующие: *Дух, Господь, Царь, Отец, Ум, Истина*. Последние два имени кажутся свойственнее прочих, потому что ум вовсе есть невеществен, а истина вечным своим пребыванием совсем противна непостоянному веществу. Да и теперь в некоторой земле называется Бог *иштен*¹². Что касается видимой природы, то ей также не одно имя, например: *вещество, или материя, земля, плоть, тень* и проч.

В Сама идея Бога, как о том свидетельствует совокупный опыт человечества, чрезвычайно плодотворна для самопознания и необходима для правильного нравственного развития. Но как донести идею Бога до ребенка? Мне представляется, что наилучшее средство здесь — аналогия. Ребенок постоянно видит, что многое из того, чем он пользуется в обычной жизни, создано по чьему-то замыслу. Кроме того, он часто наблюдает созидательную деятельность родителей и других людей. В самом себе он чувствует желание творить и производить что-либо и часто осуществляет его. Но, помимо созданного людьми, он видит вокруг целый мир — прекрасный и завершенный, Создателя которого он пока не знает. Именно путем сопоставления творения Божьего с творчеством человека родители и воспитатели могут вызвать в сознании ребенка представление о Создателе всего сущего. При этом имеет смысл обратить внимание ребенка на то, что как мы постоянно заботимся о своих творениях, так и Создатель постоянно заботится обо всем Им сотворенном, особенно же — о людях, потому что они являются носителями Его Образа: обладают разумом, способностью к творчеству, даром любви и сострадания и т.д. Надо сказать также, что для того, чтобы заботиться о Своем творении, Бог постоянно везде присутствует. Далее необходимо обратить внимание ребенка на величественную гармонию и красоту всего сотворенного, неизмеримо превосходящую красоту созданий человеческих (на многочисленных примерах красоты природы — звездного неба, цветов, птиц), а также на целесообразность творения (на примере человеческого тела и т.п.). Из всего этого следует сделать вывод (в доступных ребенку понятиях) о чрезвычайной премудрости Бога.

Глава 2-я О вере вселенской

Как теперь мало кто понимает Бога, так не удивительно, что и у древних часто публично ошибкою почитали вещество за бога и затем все свое богопочитание отдали в посмеяние.

Однако же в то все века и народы всегда согласно верили, что есть тайная некая, по всему разлившаяся и всем владеющая сила.

По сей причине для чести и памяти Его по всему шару земному общенародно были всегда посвящаемы дома, да и теперь везде все то же. И хотя, например, подданный может ошибкою почесть камердинера вместо господина, однако ж в том никогда не спорит, что есть над ним владелец, которого он, может стать-ся, в лицо не видывал. Подданный Его есть всякий народ, и равно каждый признает пред Ним рабство свое.

Такова вера есть общая и простая.

Глава 3-я

О промысле общем

Сия-то блаженнейшая Натура, или Дух, весь мир, будто машицистова хитрость часовую на башне машину, в движении содержит и, по примеру попечительного отца, Сам бытие есть всякому созданию. Сам одушевляет, кормит, распоряжает, починяет, защищает и по Своей же воле, которая всеобщим законом, или уставом, зовется, опять в грубую материю, или грязь, обращает, а мы то называем смертью.

По сей причине разумная древность сравнила Его с математиком или геометром¹³, потому что непрестанно в пропорциях или размерах упражняется, вылепливая по разным фигурам, например: травы, деревья, зверей и все прочее; а еврейские мудрецы уподобили Его горшечнику¹⁴.

Сей промысел есть общий, потому что касается благосостояния всех тварей.

Глава 4-я

О промысле, особенном для человека

Сей чистейший, всемирный, всех веков и народов Всеобщий Ум излил нам, как Источник, все мудрости и художества, к проведению жития нужные.

Но ничем Ему так не одолжен всякий народ, как тем, что Он дал нам самую высочайшую Свою Премудрость, которая природный Его есть портрет и печать.

Она столь превосходит прочие разумные духи, или понятия, сколь наследник лучше служителей.

Она весьма похожа на искуснейшую архитектурную симметрию или модель, которая, по всему материалу нечувствительно простираясь, делает весь состав крепким и спокойным, все прочие приборы содержащим.

Так слово в слово и она, по всем членам политического корпуса, из людей, не из камней состоящего, тайно разлившись, делает его твердым, мирным и благополучным.

Если, например, какая-то фамилия, или город, или государство по сей модели основано и учреждено, в то время бывает оно раем, небом, домом Божиим и прочее.

А если один какой-то человек соизждет по нему житие свое, в то время бывает в нем страх Божий, святыня, благочестие и прочее. И как в теле человеческом один ум, однако разное по рассуждению разных частей действует, так и в помянутых сожителствах, сею премудростию связанных, Бог чрез различные члены различные в пользу общую производит действия.

Она во всех наших всякого рода делах и речах душа, польза и краса, а без нее все мертво и гнусно. Родимся мы все без нее, однако для нее. Кто к ней природнее и охотнее, тот благороднее и острее, а чем большее кто с нею имеет участие, тем действительнейшее, но не понятое внутри чувствует блаженство или удовольствие. От нее одной зависит особенный в созидании рода человеческого промысл. Она-то есть прекраснейшее лицо Божие, которым Он со временем, напечатываясь на душе нашей, делает нас из диких и безобразных монстров, или уродов, человеками, то есть зверьками, к содружеству и к помянутым сожителствам годными, незлобивыми, воздержными, великодушными и справедливыми.

А если уже она вселилась в сердечные человеческие склонности, в то время точно есть то же самое, что в движении часовой машины темпо (tempo), то есть правильность и верность. И тогда-то бывает в душе непорочность и чистосердечие, как бы райский некий дух и вкус, пленяющий к дружелюбию.

Она различит нас от зверей милосердием и справедливостью, а от скотов — воздержанием и разумом; и не иное что есть, как блаженнейшее лицо Божие, тайно на сердце написанное, сила и правило всех наших движений и дел. В то время сердце наше делается чистым источником благодетей, несказанно душу веселящих; и тогда-то мы бываем истинными по душе и по телу человеками, подобны годным для строения четвероугольным камням, с каковых живой Божий дом составляется, в котором Он особливо царствует милостию.

Трудно неоцененное сие сокровище проникнуть и примечать, а для одного сего любить и искать ее нелегко.

Но сколь она снаружи неказиста и презренна, столь внутри важна и великолепна, похожа на маленькое, например, смоквиное зерно, в котором целое дерево с плодами и листом закрылось, или на маленький простой камушек, в котором ужасный пожар затаился. Для оказальности намечали ее всегда признаками, и она, будто какой-то принц, имела свои портреты, печати и узлы, разные в разных веках и народах. Ее то был узел, например змий, повешенный на колу пред иудеями¹⁵.

Ее герб — голубь с масличною во устах ветвию¹⁶. Являлась она в образе льва и агнца¹⁷, а царский жезл был ее ж предметом и прочее.

Таилась она и под священными у них обрядами, например под едением пасхи, под обрезанием и прочее.

Закрывалась она, будто под разнообразным маскарадом, и под гражданскими историями, например под повестью о Исаве и Иакове, о Сауле и Давиде¹⁸ и проч., и одним тайным своим присутствием сделала те книги мудрыми. А в последовавшие уже времена показала она в образе мужском, сделавшись Богочеловеком¹⁹.

Каковым же способом Божия сия премудрость родилась от отца без матери и от девы без отца, как-то она воскресла и опять к своему Отцу вознеслась²⁰ и прочее, — пожалуй, не любопытствуй. Имеются и в сей так, как в прочих науках, праздные тонкости, в которых одних может себе занять место та недействительная вера, которую называют умозрительною. Поступай и здесь так, как на опере, и довольствуйся тем, что глазам твоим представляется, а за ширмы и за хребет театра не заглядывай. Сделана сия занавесь нарочно для худородных и склонных к любопытству сердец, потому что подлость, чем в ближайшее знакомство входит, тем пуще к великим делам и персонам учтивость свою теряет.

На что тебе спрашивать, например, о воскресении мертвых, если и самый дар воскрешать мочь ничего не пользует бездельной душе — ни воскрешающей, ни воскрешаемой? От таковых-то любопытников породились расколы, суеверия и прочие язвы, которыми вся Европа беспокоится. Важнейшее дело Божие есть: одну беспутную душу оживотворить Духом Своих заповедей, нежели из небытия произвести новый земной шар, населенный беззаконниками.

Не тот верен государю, кто в тайности его вникнуть старается, но кто волю его усердно исполняет.

Вечная сия премудрость Божия во всех веках и народах немолчно продолжает речь свою, и она не иное что есть, как повсеместного естества Божиего невидимое лицо и живое Слово, тайно ко всем нам внутрь гремящее. Но не хотим слушать советов ее, одни за лишением слуха, а самая большая часть — по несчастному упрямству, от худого зависящему воспитанию.

Прислушивались к нетленному сему гласу премудрые люди, называемые у иудеев пророками, и со глубочайшим опасением повелеваемое исполняли.

Она начало и конец всех книг пророческих; от нее, чрез нее и для нее все в них написано. По сей причине разные себе имена получила. Она называется *образ Божий, слава, свет, Слово, совет, воскресение, живот, путь, правда, мир, судьба, оправдание, благодать, истина, сила Божия, имя Божие, воля Божия, камень веры, Царство Божие* и проч. А самые первейшие христиане называли ее Христом²¹, то есть царем, потому что одна она направляет к вечному и временному счастью все государства, всякие сожительства и каждого порознь. Да и, кроме того, у древних царственным называлось все, что верховным и главнейшим почиталось.

Провидел, было, Авраам блаженнейший свет ее и, на ней уверившись, сделался со всею фамилиею справедливым, а с подданными благополучным. Однако она и прежде Авраама всегда у своих любителей жила. А Мойсей, с невидимого сего Образа Божиего будто план сняв, начертил его просто и грубо самонужнейшими линиями и, по нему основав иудеевское общество, сделал оное благополучным же и победительным. Он по-тогдашнему написал, было, его на каменных досках и так сделал, что невидимая премудрость Божия, будто видимый и тленный человек, чувственным голосом ко всем речь свою имеет.

Сия речь, понеже от него разделена на десять рассуждений, или пунктов, потому названа десясословием.

Глава 5-я О десясословии I

«Я есть Господь Бог твой, да не будет тебе богов иных!..» и прочее.

Яснее сказать так: Я глава твоего благополучия и свет разума. Берегись, чтоб ты не основал жития твоего на иных советах, искусствах и вымыслах, хотя б они из ангельских умов родились. Положись на Меня слепо. Если ж, Меня минуя, заложишь век твой на иной премудрости, то она тебе будет и богом, но не истинным, а посему и счастье твое подобно будет воровской монете.

II

«Не сотвори себе кумира!..» и проч.

А как на подлых камнях, так еще больше не вею тебе строиться на видимостях. Всякая видимость есть плоть, а всякая плоть есть песок, хотя б она в Поднебесной родилась; все то идол, что видимое.

III

«Не приемли имени!..» и проч.

Смотри ж, во-первых, не впади в ров безумия, будто в свете ничего нет, кроме видимостей, и будто имя сие (Бог) пустое есть. В сей-то бездне живут клятвы ложные, лицемерия, обманы, лукавства, измены и все тайных и явных мерзостей страшилища. А вместо того напиши на сердце, что везде всегда присутствует тайный суд Божий, готов на всяком месте невидимо жечь и сечь невидимую твою часть, не коснясь ни точки, за все дела, слова и мысли, в которых Меня нет.

IV

«Помни день субботний!..» и проч.

Сие ты повсюду и внутри тебя кроющееся величество Божие с верою и страхом в день воскресный прославлять не забывай, а поклоняйся не пустыми только церемониями, но самым делом, сердечно ему подражая. Его дело и вся забава в том, чтоб всеминутно промышлять о пользе всякой твари, и от тебя больше ничего не требует, кроме чистосердечного милосердия к ближним твоим.

А сие весьма легко. Верь только, что сам себя десятию используешь в самое то время, как используешь других, и напротив того.

V

«Чти отца твоего!..» и проч.

Прежде всех отца и мать почитай и служи им. Они суть видимые портреты того Невидимого Существа, которое тебе столько одождает.

А вот кто отец твой и мать: будь, во-первых, верен и усерден государю, послушен градоначальнику, учтив к священнику, покорен родителям, благодарен учителям твоим и благодетелям. Вот истинный путь к твоему вечному и временному благоденствию и к утверждению твоей фамилии. Что же касается прочих общества частей, берегись следующего:

VI

«Не убий!»

VII

«Не прелюбодействуй!»

VIII

«Не воруй!»

IX

«Не свидетельствуй ложно, или не клеветай!»

Осуждаем винного, а клеветаем невинного. Сия есть страшнейшая злоба, и клеветник по-эллиински — дьявол.

X

«Не пожелай!..»

Но понеже злое намерение семя есть злых дел, которым числа нет, а сердце рабское неисчерпаемый есть источник худых намерений, для того по век твой нельзя быть тебе честным, если не попустишь, дабы вновь Бог переродил сердце твое. Посвяти ж оно нелицемерной любви. В то время вдруг бездна в тебе беззаконий заключится... Бог, Божие Слово, к Его слову любовь — все то одно.

Сим троеличным огнем разожженное сердце никогда не согрешает, потому что злых семян или намерений иметь не может.

Глава 6-я Об истинной вере

Если б человек мог скоро понять неоцененную великого сего совста Божиего цену, мог бы его вдруг принять и любить.

Но понеже телесное, грубое рассуждение сему препятствует, для того нужна ему вера. Она закрытое всем советом блаженство, будто издали в зрительную просматривает трубку, с которою и представляется.

При ней необходимо должна быть надежда. Она слепо и насильно удерживает сердце человеческое при едиnorodной сей истине, не позволяя волноваться подлыми посторонних мнений ветрами. По сей причине представляется в виде женщины, держащей якорь²².

Сии добродетели сердце человеческое, будто надежный ветер корабль, приводит, наконец, в гавань любви и ей поручает.

В то время, по открытии глаз, тайно кричит в душе Дух Святой следующее: «Правда Твоя, правда вовек, и закон Твой — истина»²³.

Глава 7-я Благочестие и церемония — разнь

Вся десятиословия сила²⁴ вмещается в одном сем имени — любовь. Она есть вечный союз между Богом и человеком. Она огонь есть невидимый, которым сердце распаляется к Божию слову или воле, а посему и сама она есть Бог.

Сия Божественная любовь имеет на себе внешние виды, или значки; они-то называются *церемония*, *обряд*, или *образ благочестия*. Итак, церемония возле благочестия есть то, что возле плодов лист, что на зернах шелуха, что при доброжелательстве комплименты. Если же сия маска лишена своей силы, в то время остается одна лицемерная обманчивость, а человек — гробом раскрашенным. Все же то церемония, что может исправлять самый несчастный бездельник.

NB Ребенок с самого пробуждения сознания, как правило, бывает окружен любовью, прежде всего родительской. Поэтому нет нужды

объяснять ему значение самого слова «любовь». Также в большинстве случаев, развиваясь, ребенок видит, что удача в построении счастливых отношений между людьми (прежде всего семейных, но также родственных, дружеских и т.д.) бывает только при наличии любви. Исходя из этого, можно объяснять детям, что именно любовь является тем качеством, посредством которого Создатель скрепляет отношения созданных Им личностей. При этом Он желает, чтобы люди сами активно развивали в себе это качество — возрастали в любви. И, подобно тому, как родители более всего хотят, чтобы их дети жили в любви и согласии, Создатель также более всего благоволит к тем, кто строит свои отношения с ближними на основе любви. Сам же Он подает людям в этом ясный пример — «...Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми...» (Матф. 5, 45). Именно поэтому суть всего закона Божьего заключается в «десятословии» Моисеевом (десяти заповедях) и сводится к любви — к Богу и ближнему.

Глава 8-я

Закон Божий и предание — разнь

Закон Божий пребывает вовеки, а человеческие предания не везде и не всегда.

Закон Божий есть райское древо, а предание — тень.

Закон Божий есть плод жизни, а предание — лиственный лист. Закон Божий есть Божие в человеке сердце, а предание есть смоковный лист, часто покрывающий ехиду. Дверь храма Божия есть закон Божий, а предание есть приделанный к храму притвор. Сколь преддверие от алтаря, а хвост от головы, столь далеко отстоит предание [от закона Божия].

У нас почти везде несравненную сию разность сравнивают, забыв закон Божий и смешав с грязью человеческого воедино, даже до того, что человеческие враки выше возносятся; и, на оную уповав, о любви не подумают, да исполнится сие: «Лицемеры! За предания ваши вы разорили закон»²⁵. Все же то есть предание, что не Божий закон.

Глава 9-я

О страстях, или грехах

Страсть есть моровой в душе воздух. Она есть беспутное желание видимостей, а называется нечистый или мучительный дух. Главнейшая всех есть зависть, мать прочих страстей и беззаконий. Она есть главный центр оной пропасти, где душа мучится. Ничто ее не красит и не пользует. Не мил ей свет, не любя благочинность, а вред столь сладок, что сама себя десятью съедает.

Жало адского сего дракона есть весь род грехов, а вот фамилия его: ненависть, памятозлобие, гордость, лесть, несытость, скука, раскаяние, тоска, кручина и прочий неусыпаемый в душе червь.

Глава 10-я О любви, или чистосердечии

Противится сей бездне чистосердечие; оно есть спокойное в душе дыхание и веяние Святого Духа.

Оно подобно прекрасному саду, тихих ветров, сладкодышащих цветов и утех исполненному, в котором процветает древо нетленной жизни.

А вот плоды его: доброжелательство, незлобие, склонность, кротость, нелицемерие, благонадежность, безопасность, удовольствие, кураж и прочие неотъемлемые забавы.

Кто таковую душу имеет, мир на нем, и милость, и веселие вечное над головою сего истинного христианина!

NB *Мне кажется, что чем раньше человек начинает осознавать, в чем признак истинной жизни с Богом, тем больше открывается перед ним возможностей реально достичь того состояния души, которое описано здесь Сковородой.*

Ведь немало людей, считающих себя верующими, даже и в позднем возрасте все еще неспособны осознать, а тем более ощутить на опыте, то различие между обрядоверием (чисто формальным следованием церковным традициям) и подлинным преображением души, которое, как подчеркивает Сковорода, как раз характеризует истинного христианина.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «...А трудное ненужным» — известное изречение Эпикура соединено здесь с молитвенным обращением к Богу — и таким образом введено в христианский теологический контекст.

² «Царствие Божие внутри нас» — Лук. 17, 21.

³ «Что мне есть на небесе?» — Пс. 72, 25.

⁴ «Едино есть на потребу» — Лук. 10, 42.

⁵ «...Душа твоя, как Ноева голубица» — ср. Быт. 8, 8–9.

⁶ «Будут основания твои вечные...» — Ис. 58, 12.

⁷ «Истина Господня пребывает вовеки» — Пс. 116, 2.

⁸ «Вовек, Господи, слово Твое» — Пс. 118, 89.

⁹ «Закон Твой посреди чрева моего» — Пс. 39, 9.

¹⁰ «Слово плотью было» — Иоан. 1, 14.

¹¹ «Посреди вас стоит...» — Иоан. 1, 26.

¹² «...Называется Бог иштен» — имеется в виду название Бога в венгерском языке.

¹³ «...Древность сравнима с математиком или геометром» — ср., например, Платон, «Тимей», 29–50.

¹⁴ «А еврейские мудрецы уподобили Его горшечнику» — см. Ис. 29, 16; 45, 9; Иер. 18, 6.

¹⁵ «...Змий, повешенный на колу пред иудеями» — Числ. 21, 8–9.

¹⁶ «...Голубь с масличною во устах ветвию» — Быт. 8, 11.

¹⁷ «В образе льва и агнца» — ср. Откр. 5, 5–6.

¹⁸ «...Под повестью о Исаве и Иакове, о Сауле и Давиде» — Быт. 25–27; I Цар. 16–26.

¹⁹ «В образе мужском, сделавшись Богочеловеком» — ср. Иоан. 1, 14. Все упомянутые здесь библейские образы и личности, включая образ Иисуса Христа, Сковорода рассматривает в плане символическом: каждый из образов содержит в себе указание на невидимое в видимом, вечное во временном, нетленное в тленном, бессмертное в смертном, духовное в материальном. Та же идея, по его мысли, заключается в противоборстве между Иаковым и Исавом, Давидом и Саулом (причем Иаков и Давид символизируют начало божественное, духовное, а Исав и Саул земное, плотское). В образе Богочеловека — Иисуса Христа — оба противоборствующих начала, божественное и человеческое, гармонически объединились.

²⁰ «Божия сия премудрость... воскресла... вознеслась» — все евангельские события Сковорода интерпретирует аллегорически, относя их к бытию и действиям Божественной Премудрости (ср. Прит. 8, 1; 23–31; 9, 1–6; Прем. Солом. 9, 9; I Кор. 1, 24).

²¹ «А самые первейшие христиане называли ее Христом...» — здесь и далее события библейской истории вновь рассматриваются в аллегорическом и символическом планах.

²² «...В виде женщины, держащей якорь» — аллегорическое изображение надежды — женщина с якорем (ср.: «...Взяться за предлежащую надежду, которая для души есть как бы якорь...» — Евр. 6, 18–19) — из-

вестно с раннехристианских времен, встречается в римской катакомбной живописи, но особенно распространяется в эпоху средневековья.

²³ «Правда Твоя, правда вовек...» — Пс. 118, 142.

²⁴ «Вся десятословия сила...» — ср. Гал. 5, 14.

²⁵ «Лицемеры! За предания ваши вы разорили закон» — парафраза обличений, высказанных Иисусом Христом по отношению к лицемерным религиозным деятелям (ср. Матф. 23).

РАЗГОВОР ПЯТИ ПУТНИКОВ ОБ ИСТИННОМ СЧАСТИИ В ЖИЗНИ

(Разговор дружеский о душевном мире)

Диалог, написанный, по мнению ряда исследователей, в первой половине 70-х годов XVIII в., посвящен одной из главных идей Сковороды о том, что «нужное не трудно», а следовательно, счастье, как «самонужнейшее» в человеческой жизни, достигается естественно и просто, если только человек ищет его на путях познания воли Божьей и самопознания. Истинным счастьем может именоваться «внутреннее блаженство», поскольку ничто внешнее, будь то богатство, почести, удовлетворение желаний тела и т.п., не в состоянии насытить душу, т.е. доставить покой и радость нашему сердцу. По выражению самого Сковороды, «не будет сыт плотским дух» («Сад Божественных песен», Песнь II-я). Поэтому, только поняв и осознав истинное желание своего сердца, природную склонность к тому или иному виду деятельности, и постоянно удовлетворяя это желание, т.е. следуя указаниям собственной души и постигая в себе голос Божий, — человек может стать действительно счастливым и приносить счастье окружающим. Настоятельным советом Сковороды всем учителям и воспитателям стало: сделать изложенную им «науку о счастье» самой главной и основной, «первейшей» в ряду других наук, и ей-то, главным образом, обучать подрастающие поколения. Выразителем мнений автора в данном диалоге является его «тезка» — Григорий.

Афанасий. Люди в жизни своей трудятся, мятутся, сокровиществуют, а для чего, то многие и сами не знают. Если рассудить, то всем человеческим затеям, сколько их там тысяч разных не бывает, выйдет один конец — радость сердца. Не для оной ли выбираем мы по вкусу нашему друзей, дабы от сообщения своих им мыслей иметь удовольствие; достаем высокие чины, дабы мнение наше от почтения других восхиталось; изобретаем разные напитки, кушанья, закуски для услаждения вкуса; изыскиваем разные музыки, сочиняем тьму концертов, менуэтов, танцев и контратанцев для увеселения слуха; созидаем хорошие дома, насаждаем сады, делаем златотканые парчи, материи, вышиваем их разными шелками и взору приятными цветами и обвешиваемся ими, дабы сим сделать приятное глазам и телу нежность доставить; составляем благовонные спирты, порошки, помады, духи и оными обоняние довольствуем. Словом, всеми способами, какие только вздумать можем, стараемся веселить дух наш. О, сколь великим весельем довольствуются знатные и достаток имеющие в свете персоны! В их-то домах радостью и удовольствием растворенный дух живет. О, сколь дорога ты, радость сердечная!

За тебя цари, князья и богатые несчетные тысячи платят; а мы, беднячье, достатков не имущие, как бы от крупниц, со столов их падающих, питаемся. Рассуди ж теперь, каким триумфом обьяты все славные европейские города?

Яков. Подлинно великим. Однако я слыхал, что нигде нет больше забав и веселостей, как в Париже да в Венеции.

Афанасий. Верно, там их много, а пока их ты нам из Венеции перевезешь, то помер здесь от скуки.

Григорий. Перестаньте врать, хорошие друзья, высокие чины, веселое место, различные игры и забавы и все ваши затеи не сильны обрадовать духа и тем выиграть овладевшую вами скуку.

NB Сказанное прежде всего относится к юношам, начинающим свой жизненный путь. Им может казаться, что достижение какой-либо желанной цели — как правило, материального свойства — равноценно обретению счастья. Очень важно предупреждать молодых людей об иллюзорности подобных ожиданий. Иначе, несколько раз достигнув желаемого и убедившись, что счастливыми оно их не сделало, они могут разочароваться в жизни. По мысли Сковороды, причина здесь в том, что истинную радость может даровать человеку только Дух Божий при условии, что человек следует в жизни своему предназначению.

Яков. А что ж сильно?

Григорий. Одно то, если узнать, в чем состоит истинное счастье, и приобрести оное.

Афанасий. Правда, мы родились к истинному счастью и путешествуем к нему, а жизнь наша есть путь, как река, текущий.

Яков. Я давно уже ищу счастья, да нигде я сыскать его не могу.

Григорий. Ежели вы подлинно сыскать его хотите, то разрешите мне сей вопрос: что для человека лучше всего?

Яков. Бог знает, и на что нас спрашиваешь о том, чего великие мудрецы усмотреть не могли и порознились в своих мнениях, как путники в дорогах. Ведь то, что лучше всего, то и выше всего, а что выше всего, то всему голова и конец. Сие главнейшее добро названо у древних философов окончанием всех добр и верховнейшим добром; кто же тебе может разрешить, что такое есть край и пристанище всех наших желаний?

Григорий. Потихе, государь мой! Вы очень завысокосились. Так я вас проще спрошу: чего вы себе в жизни паче всего желаете?

Яков. Ты будто муравейник палкою покопал — так вдруг сим вопросом взволновал наши желания.

Афанасий. Я бы желал быть человеком высокочинным, дабы мои подчиненные были крепки, как россияне, а добродетельны, как древние римляне; когда б у меня дом был как в Венеции, а сад как во Флоренции; чтоб быть мне и разумным, и ученым, и благородным, богатым, как бык на шерсть.

Григорий. Что ты врешь?

Афанасий. Дюжим, как лев, пригожим, как Венера...

Яков. Взмола мне на память Венера, так называемая собачка.

Григорий. Извольте, государь мой, прибавить.

Яков. Хвостатым, как лев; головатым, как медведь, ухатым, как осел...

Григорий. Сомнительно, чтобы могли войти в уши Божии столь бестолковые желания. Ты с твоими затеями похож на то дерево, которое желает быть в одно время и дубом, и кленом, и липою, и березою, и смоквою, и маслиною, и явором, и фиником, и розою, и рутою... солнцем и луною... хвостом и головою... Младенец, на руках матери сидящий, часто за нож, за огонь хватается, но милосердная мать наша природа лучше знает о том, что нам полезно. Хотя плачем и рвемся, она сосцами своими всех нас по благопристойности питает и одевает, и сим добрый младенец доволен, а злородное семя беспокоится и других беспокоит. Сколько ж миллионов сих несчастных детей день и ночь вопят, ничем не довольны: одно дадут в руки, за новым чем плачут. Нельзя нам быть не несчастливými.

Афанасий. Для чего?

Григорий. Не можем сыскать счастья.

Яков. Зачем?

Григорий. Затем, что не желаем и желать не можем.

Афанасий. Почему?

Григорий. Потому что не разумеем, в чем оно состоит. Голова делу то, чтоб узнать, откуда родится желание, от желания

иск, потом получение; вот и благополучие, сиречь получение, что для тебя благо. Теперь понимай, что значит *премудрость*.

Яков. Я часто слышу слово сие — *премудрость*.

Григорий. Премудрости дело в том состоит, чтоб уразуметь то, в чем состоит счастье, — вот правое крыло, а добродетель трудится сыскать. По сей причине она у эллинов и римлян мужеством и крепостию зовется — вот и левое. Без сих крыльев никоим образом нельзя выбраться и взлететь к благополучию. Премудрость — как остродалнозрительный орлиный глаз, а добродетель — как мужественные руки с легкими оленьими ногами. Сие Божественное супружество живо изображено сею баснею.

В К сожалению, молодые люди в жизни часто встречаются с примерами откровенного лицемерия, когда те, кто призван быть мудрыми (старшие, руководители и т.д.), произносят вроде бы действительно умные наставления, но не следуют им сами. Возникает ситуация, описанная апостолом Иаковом: «...Вера без дел мертва» (Иак. 2, 26). И таким образом молодежь разочаровывается в самых основах мудрости, если последняя не подкрепляется добродетелью.

Яков. Ты из уст моих вырвал се. Конечно, она о двух путниках — безногом и слепом¹.

Григорий. Ты, конечно, в мысль мою попал.

Афанасий. Расскажи же пообстоятельнее.

Григорий. Путник, обходя разные земли и государства, лишился ног. Тут пришло ему на мысль возвратиться в дом к отцу своему, куда он, опираясь руками, с превеликим трудом продолжал обратный путь свой. Наконец, доползши до горы, с которой виден уже был ему и дом отца его, лишился совсем и рук. Отсель живое око его взирало с веселою жадностью через реки, леса, стремнины, через пирамидных гор вершушки на блистающий издали замок, который был домом отца его и всей миролюбивой семьи, конец и венец всех подорожных трудов. Но то беда, что наш Обсерватор ни рук, ни ног действительных не имеет, а только мучится, как евангельский богач, смотря на Лазаря².

Между тем, осмотрясь назад, увидел нечаянно чудное и бедственное зрелище: бредет слепец, прислушивается, ощупывает посохом то вправо, то влево, и будто пьян, и с дороги отклоняется, подходит ближе, вздыхает: «Исчезли в суете дни наши...»³ «Пути Твои, Господи, укажи мне...»⁴ «Увы мне, как пришествие мое продолжится!..»⁵ И прочие таковы слова сам себе говорит, вздыхая, с частым преткновением и падением.

— Боюсь, друг мой, чтоб не спутать тебя; кто ты такой? — спрашивал прозорливый.

— 34-й год путешествия моего⁶, а ты мне на пути сем первый случился, — отвечал помраченный. — Странствование мое в разных краях света сослало меня в ссылку. Необыкновенный жар

солнечных лучей в Аравии лишил меня очей, и я слеп уже возвращаясь к отцу моему.

— А кто твой отец?

— Он живет в нагорном замке, называемом Миргород. Имя ему Ураний, а мое Практик.

— Боже мой, что ты мне говоришь? Я твой родной брат! — вскричал просвещенный, — я Обсерватор.

Необыкновенная радость всегда печатлется слезами. После изобильного слез излияния слепец с орошенными очами говорил брату своему следующее:

— Сладчайший брат! По слуху слышал я о тебе, а теперь сердечное око мое видит тебя. Умилосердись, окончай мои бедствия, будь мне наставником. Скажу правду, что меня труд веселит, но всеминутное претыкание всю мою крепость уничтожает.

— Жаль мне, — говорил светлоокий, — что не могу тебе служить, любезная душа моя. Я путник, обошедший уже одними ногами моими весь круг земли, они меня носили везде успешно, но каменистые в пути встречавшиеся горы лишили меня оных, и я, опираясь руками моими, продолжал путь мой, а на сем месте потерял и руки. Более уже ни ходить, ни ползать по земле не могу. Многие желали меня к сему употребить, но, неспособен ползать, не был им полезен...

— За сим дело не стало, — сказал слепой, — ты мне бремя легкое и любезное: возьму тебя, сокровище мое, на себя. Чистое око твое будь вечным тела моего обладателем и всех моих членов головою. Прекрати мучительство началородной тьмы, бесчеловечно меня гонящей по пустым пути его посторонностям; я твой конь: сядь на рамена мои и управляй мною, дражайший господин и брат!

— Сяду, брат мой, с охотою, дабы доказать нам истину написанного слова Божия сего у приточника: «Брат от брата помогаемый есть, как град тверд и высок, укрепляется же, как основанное царство».

Теперь взгляните на дивное дело Божие: из двух человек составлен один, одно путничье лицо сделано из двоих сродностей без всякого смещения, но и без разделения взаимно служащих. Идет небывалый путник главнейшим путем, ни вправо, ни влево не уклоняясь, исправно переходит реки, леса, рвы и стремнины, проходит неровные горы, с веселием поднимается на высоту мирного города, обливает его светлый и благовонный воздух, выходит безмятежная толпа миром и любовью дышащих жителей, плещущих руками, ожидая на крыльце, и приемлет в недра блаженного объятия сам ветхий днями Ураний⁷.

NB По-видимому, данный образ можно понимать двояко: во-первых, как объединение в самом человеке восприятия (премудрости) и действия (добродетели); во-вторых, как полезное взаимодополнение людей с различными способностями в обществе.

Яков. Так что ж тебе сказать?

Григорий. Объявите главное ваше желание.

Яков. Наше желание верховное в том, чтоб быть счастливыми.

Григорий. Где ж ты видал зверя или птицу без сих мыслей? Ты скажи, где и в чем искомое тобою счастье? А без сего, родной, ты слепец: он ищет отцовского замка, да не видит, где он. Знаю, что ищет счастья, но, не разумея, где оно, падает в несчастье... Премилосерднейшее естество всем без выбора душам открыло путь к счастью...

Афанасий. Постой! Сие слово, кажется, воняет ересью — всем без выбору!

Яков. Пожалуй, не мешай, господин православный суевер: все-на-все родилось на добрый конец. А добрый конец — разумей счастье. Так можно ли сказать, что не всякому дыханию открыла путь всеобщая мать наша натура к счастью?

Афанасий. И твоя натура пахнет идолопоклонством. Лучше сказать: Бог открыл, не языческая твоя натура.

Яков. Здравствуй же, ольховый богослов! Если я, называя Бога натурою, сделался язычником, то ты и сам давно уже преобразился в идолопоклонника.

Афанасий. Чего ради?

Яков. Того ради, что сие имя бог есть языческое название*.

Афанасий. Пускай и так, но христиане уже сделали оное своим.

Яков. Для чего ж ты боишься Бога назвать натурою, если первые христиане усвоили себе языческое название сие бог?

Афанасий. Много ты болтать научился.

Яков. Разве ты не слышал никогда, что Высочайшее Существо свойственного Себе имени не имеет?

Афанасий. Не имеет? А что ж за имя Ему было у жидов? Какой-то Егова, разумеешь ли?

Яков. Не разумею.

Афанасий. Вот то-то оно, что не разумеешь.

Яков. Знаю только, что у Исаии на многих местах⁹ написано так: «Я есть, Я есть, Я есть Суший». Оставь, господин богослов, толкование слова для еврейских словотолковников¹⁰, а сам внемли, что то за такое, что означается тем именем Суший. Не велика нужда знать, откуда сие слово родилось: хлеб — от хлеба или от хлопот, а в том только сила, чтоб узнать, что через то имя означается. В том-то жизнь состоит временная, если достать его.

Ермолай. Бог в помощь! Что у вас за спор? Я давно прислушиваюсь.

Афанасий. Здравствуй, друг!

Яков. Пожалуйста, будь судьей нашей ссоры.

Ермолай. Готов. А в чем дело?

Яков. Идолопоклонством почитает, если Бога назвать натурою.

Ермолай. В Библии Бог именуется: огнем, волюю¹¹, ветром, железом, камнем и прочими бесчисленными именами. Для чего ж его не назвать натурою? Что ж до моего мнения надлежит, нельзя сыскать важнее и Богу приличнее имени, как сие. *Натура* есть римское слово, по-нашему *природа* или *естество*. Сим словом означаетсѧ все-на-все, что только родится во всей мира сего машине, а что находится нерожденное, как огонь, и все рождающееся вообще называется мир. Для чего...

ВВ «Назвать натурою» — конечно, имеется в виду «природой», но «природой» духовной, что следует из дальнейших рассуждений. В какой мере разумно объяснять учащимся, уже с детского возраста, что Бог не имеет на самом деле человеческого облика, но является чисто духовной Личностью, везде присутствующей и все наполняющей (т.е. по сути духовной природой мироздания — ср. евангельское: «Бог есть дух»)? Думаю, что создание такого представления у детей весьма плодотворно: ведь это приучает и подготавливает их к вере, которая, как известно, есть «уверенность в невидимом». Иначе, чересчур уподобляя Бога человеку в представлении ребенка, мы рискуем, что он в свое время перерастет это представление, и оно станет для него предметом сомнений, критики и неверия.

Афанасий. Постой, все вещественное родилось, и рождается и сам господин огонь.

Ермолай. Не спорю, друг мой, пускай все вещественное родилось, так точно. Для чего же всю тварь заключающим именем, то есть натурою, не назвать Того, в Котором весь мир с рождения своими, как прекрасное, цветущее дерево закрывается в зерне своем и оттуда же является? Сверх того, слово сие *натура* не только всякое рождаемое и преходящее существо значит, но и тайную экономию той присносущной силы, которая везде имеет свой центр или среднюю главнейшую точку, а околичности своей нигде, так, как шар, которым она живописью изображается: кто как Бог? Она называется натурою потому, что все наружу происходящее, или рождаемое от тайных неограниченных ее недр, как от всеобщей матери чрева, временное свое имеет начало. А понеже сия мать, рождая, ни от кого не принимает, но сама собою рождает, называется и отцом, и началом, ни начала, ни конца не имущим, ни от места, ни от времени не зависящим. А изображают ее живописцы кольцом, перстнем или змием, в круг свитым, свой хвост своими же держащим зубами.

Сей повсеместной, всемогущей и премудрой силы действие называется тайным законом, правлением или царством, по всему материалу разлитым бесконечно и безвременно, сиречь нельзя о ней спросить, когда она началась — она всегда была, или пока она будет — она всегда будет, или до какого места простирается — она всегда везде есть. «На что ты, — говорит Бог Моисею, — спрашиваешь об имени Моем, если можешь сквозь ма-

териальный мрак прозреть то, что всегда везде было, будет и есть, — вот Мое имя и естество»¹². Имя в естестве, а оно в имени; одно другого не разнится; то ж одно и другое — оба вечны. Кто веры оком чрез мрак Меня видит, тот и имя Мое знает, а кто ищет о Моем знать имени, тот, конечно, не знает Меня и Мое имя — все то одно; имя Мое и Я — одно. Я тот, что есть. Я есмь Суший. Если кто знает Бога, чем не есть, именует его сердце почитателя, все то действительно и доброе имя. Нет ничего, что один знает *ἄρτος*, а другой *panus*¹³, только бы в разуме не порознились. Моисей и Исаия именуют его Суший. Им подражая, Павел говорил: «Вчера и днесь тот же вовеки»¹⁴, а богослов другое имя дает: «Бог — любовь есть»¹⁵. Любовью называют то, что одинаково и несложное единство везде, всегда, во всем. Любовь и единство есть то же. Единство частей чуждое есть, посему разрешиться ему есть дело лишнее, а погибнуть — совсем постороннее. Иеремия зовет мечом¹⁶, а Павел словом именует живым¹⁷, но оба то ж разумеют. Сей меч всю тлень разит, и все, как риза, обветшают, а слова закона и Царствия Его не мимо идут.

Григорий. Долго ли вам спорить? Возвратимся к нашему разговору.

Ермолай. О чем разговор?

Яков. О том, в чем состоит счастье.

Григорий. Премилосерднейшая мать наша натура и отец всякой утехи всякому без выбору дыханию открыл путь к счастью.

Яков. Доволен ли ты сим мнением?

Афанасий. Теперь доволен.

Григорий. Но то беда, что не ищем знать, в чем оно точно имет свое поселение. Хватаемся и беремся за то, как за твердое наше основание, что одним только хорошим прикрылось видом. Источником несчастья есть нам наше бессоветие; оно-то нас пленяет, представляя горькое сладким, а сладкое горьким. Но сего б не было, если бы мы сами с собою посоветовались. Порассудимся, друзья мои, и справимся, к доброму делу приниматься никогда не поздно. Поищем, в чем твердость наша. Подумаем, таковая дума есть та самая сладчайшая Богу молитва. Скажите мне, что такое для вас лучше всего? Если то слышите, тогда и найдете и счастье точное; в то время до него и добраться можно.

Ермолай. Для меня кажется лучше все то, если быть во всем довольным.

Григорий. Скажи яснее!

Ермолай. На деньги, на землю, на здоровье, на людей и на все, что только ни есть на свете.

Яков. Чего ты засмеялся?

Афанасий. От радости, что случился дурачеству моему товарищ. Сей так же быть желает: горбатым, как верблюд; брюха-

тым, как кит; носатым, как крокодил; пригожим, как хорт; аппетитным, как кабан, и прочее.

Григорий. Богословские уста, а не богословское сердце. Хорошо ты говоришь о Боге, а желаешь нелепого. Не погневайся, друг мой, на мое чистосердечие. Представь себе бесчисленное число тех, которым никогда не видать изобилия: в образе больных и престарелых приведи на память всех нескладным телом рожденных. Неужель ты думаешь, что премилосердная и попечительная мать наша натура затворила им двери к счастью, сделавшись для них мачехою? Ах, пожалуй, не стесняй мне премудрого сего промысла в узкие пределы, не клеветни на всемогущее ее милосердие. Она для всякого дыхания добра, не для некоторых выборных из одного только человеческого рода; она рачительнейшим своим промыслом все то изготовила, без чего не может совершиться последнего червяка счастье, а если чего недостает, то, конечно, лишнего. Очей не имеет крот, но что же ему? Птицы не знают корабельного строения — не надобно, а кому надобно — знает, лилия не знает фабрик, она и без них красна. Оставь же, друг мой, сие клеветливое на родную мать нашу прошение.

В *К сожалению, в обществе нередко бытует представление о «неполноценности», «обделенности», а вследствие этого — «второстепенности» определенных групп населения (инвалидов, нищих, бомжей и т.д.). При этом забывается, что Образ Божий от рождения присущ каждому человеку, и никто не лишен свыше возможности стать внутренне счастливым (именно это, как мне представляется, — основной постулат Сквороды в данном диалоге). И людям, живущим тяжелее, чем прочие, конечно, было бы намного легче искать путь к внутренней гармонии, если бы окружающие разделяли точку зрения Сквороды на истинное счастье и, как следствие, не мерили бы достоинство людей величиной их достатка или высотой чина и т.п.*

Ермолай. Я не клеветшу и не подаю на нее челобитной.

Григорий. Ты клеветашь на ее милосердие.

Ермолай. Сохрани меня Бог, я на Бога не клеветшу.

Григорий. Как не клеветашь? Сколько тысяч людей, лишенных того, чего ты желаешь?

Ермолай. Без числа, так что же?

Григорий. Удивительный человек! Так Бог, по твоему определению, есть не милосердный?

Ермолай. Для чего?

Григорий. Для того, что затворил им путь к сему, чего ты желаешь так, как надежного твари счастья.

Ермолай. Так до чего ж мы теперь договорились?

Григорий. До того, что или ты с твоим желанием глуп, или Господь не милосердный.

Ермолай. Не дай Бог сего говорить.

Григорий. Почему знаешь, что получение твоего желания тебя осчастливит? Справься, сколько тысяч людей оно погубило? До коих пороков не приводит здравие с изобилием? Целые республики через оно пропали. Как же ты изобилия желаешь, как счастья? Счастье несчастливцами не делает. Не видишь ли и теперь, сколь многих изобилие, как наводнение всемирного потопа, пожерло, а души их чрезмерными затеями, как мельничные камни, сами себя снедая, без зерна крутятся? Божие милосердие, конечно бы, осыпало тебя изобилием, если б оно было тебе надобное; а теперь выброси из души сие желание: оно совсем смердит родным мирским квасом...

В Ставшее столь модным в наше время «служение Мамоне вместо Бога», как видно из начального опыта, обогащает материально, но опустошает души, поскольку людям для достижения материального преуспевания приходится жертвовать нормальными человеческими отношениями.

Григорий. Да еще квасом прескверным, мирским, исполненным червей неусыпаемых, день и ночь умерщвляющих душу, и, как Соломон сказывает¹⁸: вода глубока и чиста — совет в сердце мужа, так и я говорю, что квас прескверный, мирской — желание в сердце твоём. «Дал ты веселие в сердце моем»¹⁹, — Давид поет. А я скажу: «Взял ты смятение в сердце твоём».

Ермолай. Почему желание светское?

Григорий. Потому что общее.

Ермолай. Для чего же оно общее?

Григорий. Потому, что просмерделось и везде оно есть. Где ты мне сыщешь душу, не напоенную квасом сим? Кто не желает честей, серебра, волостей? Вот тебе источник ропота, жалоб, печалей, вражд, тяжб, граблений, воровства, всех машин, крючков и хитростей. Из сего родника родятся измены, бунты, похищения, падения государств и всех несчастий бездна. «Господи, — говорит Петр святой в «Деяниях», — пусть ничто скверное не войдет в уста мои»²⁰. На нашем языке скверное, а на эллинском лежит κοινόν, то есть общее — все то одно: общее, мирское, скверное. Мирское мнение не есть то в сердце мужа чистая вода, но болото — κοινόν, соепит — свиньям и бесам водворение. Кто им на сердце столь глубоко напечатлел сей кривой путь к счастью? Конечно, отец тьмы.

Сию тайную мрачного царства славу друг от друга приемля, заблуждают от славы света Божиего, ведущего в истинное счастье, водимые засиянным мирских похотей духом, не вникнув в недра сладчайшей истины. А сие их заблуждение, сказать Иереимиными словами, написано на ногте адамантовом²¹, на самом роге алтарей их. Откуда истекают все речи и дело, так что сего началородного рукописания ни стереть, ни вырезать, ни разодрать невозможно, если не постарается сам о себе все-

душно человек с Богом, в Павле глаголющим: «Не наша брань...»²²

Препояши же, о человек, чресла твои истинные, вооружись против сего твоего злобного мнения. На что тебе засматриваться на манеры мирские? Ведь ты знаешь, что истина всегда в малочисленном числе просвещенных Божиих человеков царствовала и царствует, а мир сей принять не может. Собери перед себя из всех живописцев и архитекторов и узнаешь, что живописная истина не во многих местах обитает, а самую большую их толпу посяло невежество и неискусство.

В *Под «миром» здесь, скорее всего, подразумевается большая часть человечества, живущая, в основном, эгоистическими настроениями. Истина как раз потому и не может быть воспринята этими людьми, что она же есть любовь (ср. библейское «Бог есть Истина», «Бог есть любовь») и, следовательно, постигается человеком лишь в той мере, в какой он способен изменять свою эгоистическую природу на альтруистическую, становясь способным любить. А последнее возможно только с помощью Божьей (ср. слова Иисуса Христа: «Иго Мое благо, и бремя Мое легко»), поскольку только на этом пути человек действительно находит внутреннюю радость и приближается к тому истинному счастью, о котором и рассуждает Сковорода.*

Ермолай. Так сам ты скажи, в чем состоит истинное счастье?

Григорий. Первое узнай все то, в чем оно не состоит, а перешарив пустые закоулки, скорее доберешься туда, где оно обитает.

Яков. А без свечи по темным углам — как ему искать?

Григорий. Вот тебе свеча: премилосерднейший Отец наш всем открыл путь к счастью. Сим камнем искушай золото и серебро, чистое ли?

Афанасий. А что ж, если кто испытывать не искусен?

Григорий. Вот так испытывай! Можно ли всем людям быть живописцами и архитекторами?

Афанасий. Никак нельзя, вздор нелепый.

Григорий. Так не тут же счастье. Видишь, что к сему не всякому путь открыт.

Афанасий. Как не может все тело быть оком, так сему не бывать никогда.

Григорий. Можно ли быть всем изобильными или чиновными, дюжими или пригожими, можно ли поместиться во Францию, можно ли в одном веке родиться? Нельзя никак! Видите, что родное счастье не в знатном чине, не в теле дарования, не в красной стране, не в славном веке, не в высоких науках, не в богатом изобилии.

Афанасий. Разве ж в знатном чине и в веселой стороне нельзя быть счастливым?

Григорий. Ты уже на другую сторону, как некий лях через кобылу, перескочил²³.

Афанасий. Как?

Григорий. Не мог сесть без подсаживания других, потом, в двенадцатый раз посилившись, перевалился на другой бок: «Ну вас к черту! Передали перцу», — сказал осердясь.

Афанасий. Да не о том спрашиваю я, о мне спрашиваю.

Григорий. Ты недавно называл счастьем высокий чин с изобилием, а теперь совсем отсюда выгоняешь оное. Я не говорю, что счастливый человек не может отправлять высокого звания, или жить в веселой стороне, или пользоваться изобилием, а только говорю, что не по чину, не по стороне, не по изобилию счастливым есть. Если в красном доме пировное изобилие пахнет, то причину тому не углы красные; часто и не в славных пирогах живут углы. Не красен дом углами, по пословице, красен пирогами. Можешь ли сказать, что все равнодушные жители и веселые во Франции?

Афанасий. Кто ж на этом подпишется?

Григорий. Но если б сторона существом или эссенцією счастья была, непременно нельзя бы не быть всем счастливыми. Во всякой статье есть счастлив ли и несчастлив ли. Не привязал Бог счастья ни к временам Авраамовым, ни к предкам Соломоновым, ни к царствованию Давидову, ни к наукам, ни к статьям, ни к природным дарованиям, ни к изобилию: по сей причине не всем к нему путь открыл и праведен во всех делах своих.

В Пожалуй, лучше не скажешь! А ведь сколько людей жалеют, что не живут в другую эпоху, в других странах, обстоятельствах и т.д. Однако «коренные» условия жизни того или иного человека (место, время рождения и т.д.) не препятствуют обретению им внутреннего счастья. В то же время стремление к несбыточным обстоятельствам жизни лишает человека тех возможностей, которые он мог бы обрести, примирившись с реальностью и стараясь обрести в ней мир с Богом и людьми.

Что же касается «не всем к нему путь открыл», то Сковорода, по-видимому, хочет сказать, что, хотя путь к счастью «открыт всем» (в том смысле, что ищущий Божьих указаний в своей жизни находит путь к счастью), но в то же время этот путь «открыт не всем»: ведь в любую эпоху и в любой области есть люди, глухие к «зову сердца своего» — и их, к сожалению, большинство. Так уж сложилось, что большинство следует скорее внешним призывам и внешнему порядку и содержанию явлений, и только поэтому внутреннее открыто не всем.

Афанасий. Где ж счастья искать, если оно ни тут, ни там, нигде?

Григорий. Я еще младенцем выучил, послушай басенку. Дед и баба сделали себе хату²⁴, да не прорубили ни одного окош-ка. Не весела хата. Что делать? По долгом размышлении опреде-

лено в сенате идти за светом доставать. Взяли мех, разинули его в самый полдень перед солнцем, чтоб набрать будто муки, внесли в хатку.

Сделав несколько раз, есть ли свет? Смотрят — ничего нет. Догадалась баба, что свет, как вино, из меха вытекает. Надобно поскорее бежать с мехом. Бегучи, на дверях оба сенаторы — один ногою, другой головою — зашиблись. Зашумел между ними спор. «Конечно, ты выстарел ум». — «А ты и родилась без него». Хотели поход воспринять на чужие горы и грунта за светом; помещал им странный монах. Он имел от роду лет только 50, но в общении света великий был хитрец. «За вашу хлеб и соль не должно секретной пользы утаить», — сказал монах. По его совету старик взял топор, начал прорубывать стену с таковыми словами: «Свет всесельный, свет жизненный, свет повсеместный, свет присносушный, свет нелицеприятный, посети, и просвети, и освети храмину мою». Вдруг отворилась стена, наполнил храмину сладкий свет, и от того времени даже до сего дня начали в той стране созидать светлые горницы.

ВВ *Восхитительная притча! Человек извне никогда не сможет получить «свет» (счастье, довольство, радость), пока не «прорубит окна» в своем внутреннем доме для того, чтобы Свет свыше мог осиять его душу. Как важно сообщить детям с самого начала эти простые на вид, немудреные истины, для познания которых собственными силами впоследствии может не хватить целой жизни...*

Афанасий. Целый свет не видал столько бестолковых, сколько твой дед да баба.

Григорий. Он мой и твой вместе, и всех...

Афанасий. Пропадай он! Как ему имя?

Григорий. Иш²⁵.

Афанасий. Иш, к черту его.

Григорий. Ты его избегаешь, а он с тобою всегда.

Афанасий. Как со мною?

Григорий. Если не хочешь быть с ним, то будешь самим им.

Афанасий. Вот навязался со своим делом.

Григорий. Что ж нужды в имени, если ты делом точный Иш.

Афанасий. Поди себе прочь с ним.

Ермолай. А бабу как зовут?

Григорий. Мут²⁶.

Яков. Мут от Иша не разлучится, сия опера сопряженная.

Григорий. Но не родные ли Иши все мы есть? Ищем счастья по сторонам, по векам, по статьям, а оно есть везде и всегда с нами, как рыба в воде, так мы в нем, а оно около нас ищет самих нас. Нет его нигде, затем что есть везде. Оно же преподобное солнечному сиянию: отвори только вход ему в душу твою.

Оно всегда толкает в стену твою, ищет прохода и не сыскивает: а твое сердце темное и невеселое, тьма наверху бездны. Скажи, пожалуй, не вздор ли и не сумасбродство ли, что человек печется о драгоценнейшем венце? А на что? На то, будто в простой шапке нельзя наслаждаться тем счастливым и всемирным Светом, к Которому льется сия молитва: «Услышь, о Блаженный, вечное имеющий и всевидящее око!» Безумный муж со злою женою выходит вон из дому своего, ищет счастья вне себя, бродит по разным званиям, достает блистающее имя, обвешивается светлым платьем, притягивает разнovidную сволочь золотой монеты и серебряной посуды, находит друзей и безумья товарищей, чтоб занести в душу луч блаженного светила и светлого блаженства... Есть ли свет? Смотрят — ничего нет... Взгляни теперь на волнующееся море, на многомятежную во всяком веке, стороне и статье толпу людей, так называемую мир, или свет; чего он не делает? Воюет, тяжбы водит, коварничает, печется, затевает, строит, разоряет, кручинится, тенит. Не видится ль тебе, что Иш и Мут в хатку бегут? Есть ли свет? Смотрят — ничего нет.

В Возникает вопрос: как же конкретно отворить счастью «вход в душу»? Прямого подробного ответа — своего рода «инструкции» — Сковорода не дает. Но, видимо, та «тьма заблуждений», которая застилает человеку свет свыше, связана все с тем же крайним эгоизмом, который преграждает путь к настоящему счастью. Хотя отчасти умер эгоизм, как бы говорит Сковорода между строк, и свет свыше прольется в сердце, начнет поступать в твой «внутренний дом». Но ведь таково же, в сущности, и учение всех великих религий человечества...

Яков. Блаженный Иш и счастливая Мут; они в кончину дней своих домолилися, чтоб всевидящее, недремлющее, великое всего мира око, светило, храмину их просветило, а прочим вечная мука, мятеж и шатанье.

Лонгин. Дай Бог радоваться!

Григорий. О, любезная душа! Какой дух научил тебя так витать? Благодарим тебя за сие поздравление.

Яков. Так витались всегда древние христиане.

Ермолай. Не дивно. Сей витальный образец свойственный Христу Господу. Он рожден Божиим миром. В мире принес нам, благовествуя, мир, всяк ум превосходящий. Снисходит к нам с миром. «Мир дому сему»²⁷, «мир вам»²⁸, учит о мире: «Новую заповедь даю вам...»²⁹ Отходя, мир же оставляет: «Мир Мой даю вам»³⁰, дерзайте! Не бойтесь!³¹ Радуйтесь!»³²

Афанасий. Знаешь ли, о чем между вами разговор?

Лонгин. Я все до точки слышал.

Афанасий. Он под тою яблонею сидел, конечно. Отгадал ли я?

Лонгин. Вы не могли видеть меня за ветвями.

Григорий. Скажи, любезный Лонгин, есть ли беднее тварь от того человека, который не дознался, что такое лучшее для него и желательнее всего?

Лонгин. **АВ** Я и сам часто удивляюсь, что мы в посторонних околичностях чересчур любопытны, рачительны и проницательны: измерили море, землю, воздух и небеса и обеспокоили брюхо земное ради металлов, размещали планеты, доискались в Луне гор, рек и городов, нашли закомплетных миров неисчетное множество, строим непонятные машины, засыпаем бездны, возвращаем и привлекаем стремления водные, что денно новые опыты и дикие изобретения.

Боже мой, чего не умеем, чего мы не можем! Но то горе, что при всем том кажется, что чего-то великого недостает. Нет того, чего и сказать не умеем: одно только знаем, что недостает чего-то, а что оно такое, не понимаем. Похожи на бессловесного младенца: он только плачет, не в силах знать, ни сказать, в чем ему нужда, одну только досаду чувствует. Сие явное души нашей неудовольствие не может ли нам дать догадаться, что все сии науки не могут мыслей наших насытить? Бездна душевная оными (видишь) наполняется. Пожрали мы бесчисленное множество обращающихся, как на английских колокольнях, часов с планетами, а планет с горами, морями и городами, да, однако ж, алчем; не умалется, а рождается наша жажда.

Математика, медицина, физика, механика, музыка с своими буйными сестрами; чем изобильнее их вкушаем, тем пуше палит сердце наше голод и жажда, а грубая наша остоленелость не может догадаться, что все они суть служанки при госпоже и хвост при своей голове, без которой все туловище недействительно. И что несытее, беспокойнее и вреднее, как человеческое сердце, сими рабынями без своей начальницы вооруженное? Чего ж оно не дерзает предпринять?

Дух несытости гонит народ, способствует, стремится за склонностью, как корабль и коляска без управителя, без совета, и предвидения, и удовольствия. Взалкав, как пес, с ропотом вечно глотая прах и пепел гибнущий, лихвы отчужденные еще от лона, заблудившие от чрева, миновув существенную истину над душевною бездною внутри нас гремящего сие: «Я есть, Я есть Сущий». **АВ** А понеже не справились, в чем для них самая нужнейшая надобность и что такое есть предел, черта и край все-на-всех желаний и намерений, дабы все свои дела приводить к сему главнейшему и надежнейшему пункту, затем пренебрегли и царицу всех служебных сих духов или наук от земли в землю возвращающихся, минув милосердную дверь ее, открывающую исход и вводящую мысли наши от низовых подлостей тени к пресветлой и существенной исте не увядающего счастья.

Теперь подумайте, друзья мои, и скажите, в чем состоит самонужнейшая надобность? Что есть для вас лучше и саможелательнее всего? Что такое сделать вас может счастливыми? Рас-

суждайте заблаговременно, выйдите из числа беспутных путников, которые и сами не могут сказать, куда идут и зачем! Житие наше есть путь, а исход к счастью не коротенький...

ВВ *Это описание «научно-технического рвения» человечества необычайно подходит нашему времени. Не лежит ли причина такого чрезмерно материалистического подхода к миру в ненасытном эгоизме человека, желающего извлечь личную пользу, «вырвать» ее из любой былинки, из каждого атома? И почему, действительно, поныне столь мало внимания уделяется взаимоотношениям людей? Почему до сих пор, при таком «великом прогрессе» науки и техники, не решены элементарные задачи человеческого общения и общежития? Почему столько зла, ненависти, зависти — между отдельными людьми и целыми странами? Воистину, как гласит Писание: «Мудрость — пред лицом у разумного, а глаза глупца — на конце земли» (Прит. 17, 24)...*

ВВ *О том, что до сих пор «не справились» с определением и нахождением важнейшего в жизни, ее сути и цели, свидетельствует все возрастающая интенсивность «поисков» человечества во всех сферах его деятельности, все возрастающее ускорение ритма жизни и обмена информацией. Интересно отметить, что хотя в наше время есть развитые каналы общения между людьми (телефон, Интернет и т.д.), служат они в основном не для углубления человеческих отношений, а для все той же погони за материальным преуспеванием. Так что основной целью педагогики остается развитие способности к углубленному межличностному общению.*

Афанасий. Я давно бы сказал мое желание, да не приходит мне в ум то, что для меня лучшее в свете.

ВВ *Нынешний учащийся, вооруженный массой всевозможной информации, теряется в ней и находится в положении Афанасия, произнесшего эти слова. Именно «самонужнейшее» и «лучшее» как раз не принимается во внимание в обычных системах обучения. К сожалению, подписаться под словами Афанасия могли бы сотни миллионов людей, в том числе дипломированных специалистов в самых различных областях знания.*

Лонгин. Ах человек! Постыдись сего говорить! Если краснеет запад солнечный, пророчествуем, что завтрашний день воссияет чистый, а если зарумянится восток, — стужа и непогода будет сего дня, все говорим — и бывает так. Скажи, пожалуйста, если бы житель из городов, населенных в Луне, к нам на шар наш земной пришел, не удивился бы нашей премудрости, видя, что небесные знаки столь искусно понимаем, и в то время вне себя стал бы наш лунатик, когда б узнал, что мы в экономии крошечного мира нашего, как в маленьких лондонских часах, слепые, несмелые и совершенный трудных ничего не примечаем и не заботимся об удивительнейших всех систем системе нашего

телишка. Скажи, пожалуйста, не заслужили бы мы у нашего гостя имени бестолкового математика, который твердо разумеет циркуль, окружением своим многие миллионы миль вмещающий, а в маленьком золотом кольце той же силы и вкуса чувствовать не может? Или безумного того книжника дал бы нам по самой справедливости титуляцию, кто слова и письмена в 15 аршин разумеет и читать может, а то же альфа или омега на маленькой бумажке или на ногте написанное совсем ему непонятно? Конечно, назвал бы нас тою ведьмою, которая знает, какое кушанье в чужих горшках кипит, а в своем доме и слепа, и нерадива, и голодна. И чуть ли таковой мудрец не из числа тех жен, своего дома не берегущих, которых великий Павел называет³³ любознательными или волокитами. Я наук не хую и самое последнее ремесло хвалю; одно то хулы достойно, что, на них надеясь, пренебрегаем верховнейшую науку, до которой всякому веку, стране и состоянию, полу и возрасту для того отворена дверь, что счастье всем без выбора есть нужное, чего, кроме нее, ни о какой науке сказать не можно. И сим всевысочайший веками и системами вечно владеющий парламент довольно доказал, что он всегда праведен есть и правы суды его.

Яков. Конечно, не за то муж жену наказывает, что в гостях была и пиво пила, сие дело доброе, но за то, что дома не ночевала.

Лонгин. Еще нам не было слышно имя сие (математика), а наши предки давно уже имели построенные храмы Христовой школы. В ней обучается весь род человеческий сродного себе счастья, и сия-то есть кафолическая, то есть всеродная, наука. Языческие кумирницы или капища суть те же храмы Христова учения и школы. В них и на них написано было премудрейшее и всеблаженнейшее слово сие: $\gamma\upsilon\phi\epsilon\iota\ \sigma\epsilon\alpha\upsilon\tau\acute{o}\nu$, nosce te ipsum — «узнай себя». Без прекословия то же точно у нас самих, вот: «Внемли себе, внимай себе»³⁴ (Моисей). «Царствие Божие внутри вас есть»³⁵ (Христос). «Вы есть храм Бога живого»³⁶ (Павел). «Себя знающие премудры»³⁷ (Соломон). «Если не узнаешь самое тебя»³⁸ (Соломон). «Закон Твой посреди чрева моего»³⁹ (Давид). «А не верующий уже осужден есть»⁴⁰ (Христос).

В, Но языческие храмы за лицемерие неискренних пророков, то есть священников или учителей, совсем уже попорчены и сделались мерзости запустением, в то время когда истина, будто живая источниковая вода, скотскими ногами затаскана и погребена. Сие случилось и самим иудеям, у которых часто через долгое время была зарыта истина за оскудение Исааковых отроков⁴¹, прочищающих Авраамовы источники, а на умножение самсонов и филистимов, забрасывающих землею воду, скачущую в живот вечный⁴². И так сии фонтаны глубоко были погребены, что, как видно из Библии, в силу великую могли найти в храме Божиим закон Господень⁴³, то есть узнать себя и обрести силу Царствия Божиего и правды его внутри себя. Да мы и сами теперь гораздо

отродились от древних христианских предков, перед которыми блаженными очами истина Господня от земли возведена и сила светлого воскресения, от гроба воздвигнутая, в полном своем сияла блистании. Но не очень искусно и у нас теперь обучают; причина сему та, что никто не хочет от дел житейских упраздниться и очистить сердце свое, чтоб мог вникнуть в недра сокровенной в святейшем библейном храме сладчайшей истины, необходимо для всенародного счастья самонужнейшей. Не слыша Давида: «Упразднитесь и разумеете...»⁴⁴, не слушая Христа: «Ищите...»⁴⁵, все науки, все промыслы и все нам милее, чем то, что единственное нас потерянных находит и нам же самих нас возвращает.

Сие-то есть быть счастливым — узнать, найти самого себя. Лицемеры, говорится к нам, лицо небесное подлинно⁴⁶ хорошо вы разбирать научились, а для чего не примечаете знаков, чтоб вам, как по следу, добраться до имеющей счастливить вас истины? Все вы имеете, кроме что вас же самих вы найти не знаете, и умеете, и не хотите. И подлинно удивления достойно, что человек за 30 лет живет, а приметить не мог, что для него лучше всего и когда с ним наилучше делается. Видно, что он редко бывает дома и не заботится: «Ах, Иерусалим! Если бы знал ты, кто в мире твоём, но ныне укрылся от очей твоих...»⁴⁷

В Скворода подчеркивает, что истинность той или иной религии, той или иной философии определяется не «правильностью» ее догматических положений, а содержащейся в ней мудростью и искренностью. Язычество, с его точки зрения, плохо не своей «неправильностью», а тем, что первоначально чистые учения были замутнены и осквернены их служителями. Не такая ли судьба ожидает и другие учения, если их проповедники не одумаются и не отступят от лицемерия и своекорыстия?..

В В Евангелии такое положение дел описано как «уныние народов и недоумение». Не потому ли такое огромное число наших соотечественников ищет забвения в алкоголе, наркотиках и т.д.? И не значит ли это, что познание человеком смысла жизни, иначе говоря — того, «что для него лучше всего», способно вывести его из бездн отчаяния на прямой и светлый путь Божий?..

Афанасий. Для меня, кажется, нет ничего лучшего, как получить мирное и спокойное сердце; в то время все приятно и сносно.

Яков. А я желал бы в душе моей иметь столь твердую крепость, дабы ничто ее поколебать и опрокинуть не могло.

Ермолай. А мне дай живую радость и радостную жизнь — сего сокровища ни за что не променяю.

Лонгин. Сии троих вас желания по существу своему есть одно. Может ли быть яблоня жива и весела, если корень нездо-

ровый? А здоровый корень есть то крепкая душа и мирное сердце. Здоровый корень рассыпает по всем ветвям влагу и оживляет их, а сердце мирное, жизненной влагою наполненное, печатает следы свои по наружностям: «Идет, как дерево»⁴⁸, насаженное при исходящих вод».

Григорий. Не утерпел ты, чтоб не приложить библейского алмаза; на ж и сие: «На воде спокойной воспитал меня»⁴⁹.

Лонгин. Вот же вам верхушка и цветок всего жития вашего, внутренний мир, сердечное веселие, душевная крепость. Сюда направляйте всех ваших дел течение.

Вот край, гавань и конец. Отрезай все, что-либо сей пристани противное. Всякое слово, всякое дело к сему концу да способствует. Сей край да будет всем мыслям и всем твоим желаниям. Сколько многие по телу здоровы, сыты, одеты и спокойны, но я не сей мир хвалю — сей мир мирской, он всем знатен и всех обманывает. Вот мир! — в упокоении мыслей, обрадовании сердца, оживотворении души. Вот мир! Вот счастья недро! Сей-то мир отворяет мыслям твоим храм покоя, одевает душу твою одежду веселия, насыщает пшеничной мукой и утверждает сердце. «О мир! — вопиет Григорий Богослов»⁵⁰, — ты Божий, а Бог твой».

Афанасий. О нем-то, думаю, говорит Павел: «Мир Божий да водворяется в сердцах ваших»⁵¹.

Лонгин. Да.

Афанасий. Его-то благовествуют красивые ноги апостольские и чистые ноги.

Лонгин. Да.

Афанасий. Его-то, умирая, оставляет ученикам своим Христос?

Лонгин. Да.

Афанасий. А как его оставил им, так на земле совсем отделился?

Лонгин. Совсем.

Афанасий. Да можно ль всем достать его?

Лонгин. Можно всем.

Афанасий. Где ж его можно достать?

Лонгин. Везде.

Афанасий. Когда?

Лонгин. Всегда.

Афанасий. Для чего ж не все имеют?

Лонгин. Для того, что иметь не желают!

Афанасий. Если можно всем его достать, почему же Павел называет всяк ум или понятие превосходящим⁵²?

Лонгин. Потому что никто не устает принять его в рассуждение и подумать о нем. Без охоты все тяжело, и самое легкое. Если все сыновья отца оставили и, бросив дом, отдались в математику, в навигацию, в физику, можно справедливо сказать, что таковым головам и в мысль не приходит хлебопа-

шество. Однако земледельство вдесятеро лучше тех крученых наук, потому что для всех нужнее. Сей мир, будто неоцененное сокровище, в доме нашем внутри нас самих зарыто. Можно сказать, что оно бродягам и бездомкам на ум не всходит, расточившим сердце свое по пустым посторонностям. Однако оно далеко сыскать легче, нежели гоняться и собирать пустошь по околицам. Разве ты не слыхал, что сыновья века сего мудрее⁵¹, нежели сыны ныне?

ВВ *Здесь, по-видимому, ставится вопрос об аксиологической проблеме сравнительной ценности различных понятий и жизненных сфер. Сковорода называет внутреннюю гармонию, душевный мир «неоцененным сокровищем», поскольку большинство людей придает ценность совсем другому — богатству, положению в обществе, физической силе и т.д. Итак, система ценностей нашего мира, при правильном взгляде на нее, оказывается перевернутой с ног на голову.*

Афанасий. Так что ж?

Лонгин. Так то ж, что хотя они и дураки, да сыскивают свое.

Афанасий. Что ж далее?

Лонгин. То далее, что оно не трудно, когда добрые люди, хоть непроворны и ленивы, однако находят.

Афанасий. Для чего молодые люди не имеют мира, хотя они остры?

Лонгин. Для того, что не могут и подумать о нем, пока не обманутся.

Афанасий. Как?

Лонгин. Кого ж скорее можно отвести от дома, как молодых? Если целый город ложно закричит: «Вот неприятель, вот уже под городом!» — не бросится ли молодой детина в очерета, в луга, в пустыни? Видишь, в чем вся трудность? Ему не тяжело дома покоиться, да сводят с ума люди и загонят в беспокойство.

Афанасий. Как сии люди зовутся?

Лонгин. Мир, свет, мансра. В то время послушает ли тот молокосос одного доброго человека?

Афанасий. Пускай целый день кричит, что ложь, — не поверит. А как сей добрый человек называется?

Лонгин. Тот, что не идет на совет нечестивых...

Афанасий. Как ему имя?

Лонгин. Христос, Евангелие, Библия. Сей один ходит без порока: не льстит языком своим ближним своим, а последовательям и друзьям своим вот что дарует: «Мир мой оставляю вам...» «Мир мой даю вам...» «Не как мир дает...»⁵⁴

Яков. Не о сем ли мире Сирахов сын говорит сие: «Веселие сердца — жизнь человеку, и радование мужа — долголетие»⁵⁵.

В Увы, мне практически не приходилось встречать преподавателей той самой «науки жизни», основы которой так лаконично и понятно здесь описаны. С самого детства учителя различных предметов настраивают нас на тревогу и озабоченность, которые рассматриваются чуть ли не как необходимый фон постижения всех наук. И как часто впоследствии приходится нам всем обращаться к помощи медицины для усиления и продления той самой жизни, которую мы ослабляем и сокращаем, забывая вовремя радоваться сердцем и веселиться.

Лонгин. Все в Библии приятные имена, например: свет, радость, веселие, жизнь, воскресение, путь, общение, рай, сладость и пр. — все те означают сей блаженный мир. Павел же его (слышь) чем именует: «И Бог мира будет с вами»⁵⁶. И опять: «Христос, который есть мир ваш...»⁵⁷

Яков. Он его и богом называет?

Лонгин. Конечно. Се-то та прекрасная дуга, умиротворившая дни Ноевы⁵⁸.

Яков. Чудеса говоришь. Для чего ж сей чудесный Мир называется Богом?

Лонгин. Для того, что Он все кончит, Сам бесконечный, а бесконечный конец, безначальное начало и Бог — все одно.

Яков. Для чего называется светом?

Лонгин. Для того, что ни в одном сердце не бывает, разве в просвещенном. Он всегда вместе с незаходимым светом, будто сияние его. А где в душе света сего нет, там радости жизни, веселия и утехи нет, но тьма, страх, мятеж, горечь, смерть, геенна.

Яков. И странное, и сладкое, и страшное говоришь.

Лонгин. Так скажи ты, что лучше сего? Я тебя послушаю.

Афанасий. Слушай, брат!

Лонгин. А что?

Афанасий. Поэтому сии Павловы слова — «сила Божия с нами»⁵⁹ — сей же мир означают?

Лонгин. Думаю.

Афанасий. Так видно, что ошибся Григорий: он пред сим сказал, что добродетель трудится сыскать счастье, назвал ее по-эллинскому и римскому крепостью и мужеством, но когда крепость означает мир, то она сама и счастье есть. На что ж ее искать и чего? Ведь крепость и сила — все то одно?

Лонгин. Вот какое лукавство! Когда б ты был столь в сыскании мира хитр, сколь проворный в посмехе и в примечании чужих ошибок! Сим ты доказал, что сыновья века сего злого мудрее сынов Божиего света. Не знаешь ли ты, что и самый счастья истинного иск есть то шествие путем Божиим и путем мира, имеющим свои многие степени? И не начало ли сие есть истинного счастья, а чтобы находиться на пути мирном? Не вдруг восходим на всеблаженный верх горы, именуемой Фазга, где великий Моисей умрет с сею надписью: «Не стемнели очи его, не

истлели уста его»⁶⁰. Незаходимый свет, темную мыслей наших бездну просвещающий на то, чтоб усмотреть нам, где высокий и твердый мир наш обитает, он же сам и побуждает сердце наше к восходу на гору мира. Для чего ж не зваться ему миром и мира имущеею крепостью, если он показывает, где мир, и побуждает к нему, находясь сам всему благу началом и источником? Кто не ищет мира, видно, что не понимает бесценной цены его, а усмотреть и горячо искать сего оба сии суть лучи блаженного правды солнца, как два крыла Святого Духа.

Григорий. Перестаньте, друзья мои, спорить: мы здесь собрались не для хвастливых любопрений, но ради соединения желаний наших сердечных, дабы через сопряжение исправнее устремлялись, как благоуханный дым, к наставляющему заблуждающих на путь мира. Поощряет к сему всех нас сам Павел, вот: «Всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, о всем благодарите»⁶¹. Велит всегда питать внутри мир и радость сердечную и будто в горящую лампаду елей подливать. И сие-то значит — непрестанно молитесь, то есть желайте его вседушно, ищите — и обретете. Я знаю, что клеветник всегда беспокоит душу вашу, дабы вам роптать и ничем от Бога посылаемым не довольствоваться, но вы лукавого сего искушителя, то есть мучителя, отгоняйте, любя, ища и храня мир и радость. Сей день жизни и здоровья душ ваших: дотоль вы и живы, поколь его храните в сердцах своих. О всем зрелым разумом рассуждайте, не слушая шепотника дьявола, и уразумеете, что вся экономия Божия во всей Вселенной исправна, добра и всем нам всеполезна есть. Его именем и властью все-на-все на небесах и на земле делается; говорите с разумом: «Да святится имя Твое, да будет воля Твоя...» И избавит вас от лукавого. А как только сделается за все благодарны, то вдруг сбудутся на вас сии слова: «Веселье сердца — жизнь человеку».

Афанасий. Кажется, всегда был бы спокоен человек, если бы в свете все по его воле делалось.

Лонгин. Сохрани Бог!

Афанасий. Для чего?

Григорий. А что ж, если твой разум и воля подобны стариковой кошке?

Афанасий. Что сие значит?

Григорий. Старик запалил печь, упрямая кошечка не вылезает с печи. Старик вытащил ее и плетью выхлестал.

Афанасий. Я бы старался, чтоб моя воля была согласна с самыми искуснейшими головами в свете.

Григорий. А из которого — лондонского или парижского — выбрал бы ты тех людей парламента? Но знай, что хотя бы ты к сему взял судью самого того короля, который осуждал премудрейшую мать нашу натуру за распоряжение небесных кругов, то Бог и время и его мудрее. На что ж тебе лучшего судьи искать? Положись на Него и сделай Его волю святою своею волею. Если ее принимаешь, то уже стала и твоя. Согласие воли есть то

единая душа и едино сердце; и что ж лучше, как дружба с высочайшим? В то время все по твоей да еще премудрой воле будет делаться. И сие-то есть быть во всем довольным. Сего-то желает и наш Ермолай, да не разумел, что значит быть во всем довольным. Видите, что Павлове слово — «о всем благодарите» — источником есть совершенного мира, и радости, и счастья. Что может потревожить мое сердце? Действительно, все делается по воле Божией, но и я с ней согласен, и она уже моя воля. Зачем же тревожиться? Если что невозможное, то, конечно, и бесполезное: все то одно. Чем то полезнее, тем доступнее. Друзья мои, вот премудрость: если исполняем, что говорим: «Да будет воля Твоя...»

В *Почему рушатся людские союзы — распадаются браки, разрывается дружба, терпят крах партнерские отношения? Ведь, казалось бы, во всех этих случаях люди объединены общим делом, общей целью. Чего же не хватает для прочности их связей? Сковорода, как видим, отвечает так: не хватает общей воли, ведь воля каждого направлена, главным образом, к осуществлению собственных эгоистических целей и поэтому идет вразрез с волей другого — даже супруга, друга, компаньона. А значит, настоящее единство воли — это любовь, ограничение себя ради осуществления воли другого, «встречно» каждым. Именно поэтому как высший пример единения двух воль автор приводит случай совпадения воли Бога с желанием человека, т.е. полное послушание Богу в любви.*

Ермолай. Вспомнились мне некоего мудреца хорошие слова: благодарение воссылаю блаженной натуре⁶² за то, что она все нужное легко добыточным сделала, а чего достать трудно, то ненужным и мало полезным.

Григорий. Благодарение Отцу нашему Небесному за то, что открыл очи наши. Теперь разумею, в чем состоит наше истинное счастье. Оно живет во внутреннем сердце нашего мира, а мир в согласии с Богом. Чем кто согласнее — и блаженнее. Телесное здравие не иное что есть, как равновесие и согласие огня, воды, воздуха и земли, а усмирение бунтующих ее мыслей есть здравие души и жизнь вечная. Если кто согласен с Богом три золотника только имеет, тогда не больше в нем и мира, а когда кто 50 и 100, то столько же в сердце его и мира. Сколько уступила тень, столько наступил свет. Блаженны, которые день ото дня выше поднимаются на гору пресветлейшего сего *Мира-города*. Сии-то пойдут от силы в силу, пока явится Бог богов в Сионе. Восход сей и исход Израиля не ногами, но мыслями совершается. Вот Давид: «Восхождение в сердце своем положи. Душа наша перейдет воду непостоянную»⁶³. Вот и Исаия: «С веселием изойдите»⁶⁴, то есть с радостью научитесь оставить ложные мнения, а перейти к таковым: «Помышлениям Его в род и род». Се-то есть Пасха или переход в Иерусалим, разумей: в город мира и в крепость его Сион. Соберитесь, друзья мои, взойдем на гору Гос-

подню, в дом Бога Иакового, да скажем там: «Сердце мое и плоть моя возрадовалися о Боге живом».

Яков. А, гора Божественная! Когда б мы знали, как на тебя восходить!

Лонгин. Слушай Исаию: «С веселием изойдите».

Афанасий. Но где мне взять веселия? И что есть оное?

Лонгин. «Страх Господень возвеселит сердце». Вот тебе вождь. Вот ангел великого совета. Разве ты не слыхал, что Бог Моисею говорит?

Афанасий. А что?

Лонгин. «Пошлю страх, ведущий тебя... Се, я пошлю ангела Моего: внемли себе и послушай его, не удалится бо, ибо имя Мое на нем есть»⁶⁵.

Ермолай. Скажи, друг мой, яснее, как должно восходить?

Григорий. Прошу покорно выслушать следующую басню:

Пять путников за предводительством своего ангела-хранителя пришли в царство мира и любви. Царь сей земли Мелхиседек никакого сродства не имеет с посторонними царями. Ничего там тленного нет, но все вечное и любезное, даже до последнего волоса, а законы совсем противны тиранским. Дуга, прекрасная сиянием, была пределом и границею благословенной сей страны, с сего надписью: «Мир первородный»; к сему миру касается все то, что свидетельствует в Св. Писании о земле обетованной. А около него как было, так и казалось все тьмою. Как только пришельцы приступили к сияющей дуге, вышли к ним навстречу великим множеством бессмертные жители. Скинули с них все ветхое — как платья, так и тело, будто одежду, а одели в новое тело и одежды, вышитые золотыми сими словами: «Внемли себе крепче».

Вдруг согласная зашумела музыка. Один хор пел: «Отворите ворота вечные...»⁶⁶ Поднялися ворота; повели гостей к тем обителям, о которых Давид: «Сколь возлюбленны селения твои...»⁶⁷ Там особливим согласием пели хоры следующие. «Сколь красны дома твои, Иаков, и куши твои, Израиль, которые водрузил Господь, а не человек»⁶⁸. Сели странники у бессмертной трапезы; предложены ангельские хлебы, представлено вино новое, совершенный и единоклеточный ягненок⁶⁹, трехлетняя юница и коза⁷⁰ и тот телец, которым Авраам⁷¹ потчевал всевожделенного своего троичного гостя, голуби и горлицы, и манна — и все, касающееся обеда, о котором писано: «Блажен, кто съест обед...»

Однако во всех весельях гости были не веселы: тайная некая горесть сердца их угрызала. «Не бойтесь, любезные наши гости, — говорили блаженные граждане, — сие случается сюда всем вновь пришедшим. На них должно исполнить сие Божественное Писание: «Шестижды от бесов избавит тебя, в седьмом же не коснется тебя зло». Потом отведены были к самому царю. «Я прежде прошения вашего знаю ваши жалобы, — сказал царь мира, — в моих пределах нет ни болезни, ни печали, ни дыха-

ния. Вы сами горесть сию занесли сюда из посторонних, языческих, враждебных моей земле земель».

Потом велел их ангелам своим отвести во врачебный дом. Тут они, через целые шесть дней принимая рвотное, в седьмой день совершенно успокоились от всех болезней своих, а вместо горести на одном сердце написано было сие: «Да будет воля Твоя»; на другом: «Праведен ты, Господи, и правы суды Твои»; на третьем: «Веровал Авраам Богу...»; на четвертом: «Благодарю Господа на всякое время...»; на пятом: «О всем благодарите...»

В то время вся Вселенная, с несказанным весельем и согласием плещущая руками, воскликнула сию Исаину песнь: «И будет Бог твой с тобою присно, и насытишься, как жаждет душа твоя, и кости твои утучнеют и будут, как сад напоенный и как источник, ему же не оскудеет вода, и кости твои прозябнут, как трава, и разрастутся, и наследят роды родов»⁷². Сию песнь все до единого жители столь сладко и громко запели, что и в сем мире сердечное ухо мое слышит ее.

Афанасий. Знаю, куда говоришь. А какое рвотное лекарство принимали они?

Григорий. Спирт.

Афанасий. Как сей спирт зовется?

Григорий. Евхаристия.

Афанасий. Где же нам взять его?

Григорий. Бедняк! Доселе не знаешь, что царский врачебный дом есть святейшая Библия. Там аптека, там больница горняя и ангелы, а внутри тебя сам арихиатор⁷³. В сию-то больничную горницу иерихонского несчастливца привозит человеколюбивый самарянин. В сем одном доме можешь сыскать врачество и для искоренения сердца твоего ядовитых и мучительных неприятелей, о которых написано: «Враги человеку домашние его»⁷⁴. Враги твои суть собственные твои мнения, воцарившиеся в сердце твоём и всеминутно оное мучащие, шепотники, клеветники и противники Божии, хулящие непрестанно владычное в мире управление и древнейшие законы обновить покушающиеся, сами себя во тьме и согласников своих вечно мучащие, видя, что правление природы во всем не по бесноватым их желаниям, ни по омраченным понятиям, но по высочайшим Отца нашего советам вчера, и днесь, и вовеки свято продолжается. Сии-то неразумюще хулят распоряжение кругов небесных, оуждают качество земель, порочат изваяние премудрой Божией десницы в зверях, деревьях, горах, реках и травах: ничем не довольны; по их несчастному и смешному понятию, не надобно в мире ни ночи, ни зимы, ни старости, ни труда, ни голоду, ни жажды, ни болезней, а паче всего смерти. К чему она? Ах, бедное наше знаенье и понятие. Думаю, не хуже бы мы управляли машиною мирскою, как незаконно воспитанный сын отческим домом. Откуда сии бесы вселились в сердца наши? Не легион ли

их в нас? Но мы сами занесли сию началородную тьму с собою, родившись с нею.

В *Насколько верно сказано! Мнение Сковороды здесь совпадает со словами Будды, приведенными в философско-этическом трактате «Дхаммапада»: «Что бы ни сделал враг врагу и неприятель неприятелю... ложно направленная мысль может сделать еще хуже».*

Никто не может причинить человеку большего зла, чем он сам себе превратными мнениями и злыми намерениями, которым он предоставил место в своем сердце. Самое наглядное тому свидетельство: тюрьмы и исправительно-трудовые лагеря переполнены теми, кто сам загнал себя в них, воплощая на практике собственные злые замыслы.

Итак, ставя свою волю и свой «закон» (а в действительности беззаконие) на место воли и закона Бога, человек разрушает Образ Божий в себе и игнорирует его в других. Если оглядеться в нашем мире, то результаты налицо.

Афанасий. Почему ты мнения называшь бесами?

Григорий. А как же их назовешь?

Афанасий. Я не знаю.

Григорий. Так я знаю! Бес эллинским языком называется *δαίμόνιον*.

Афанасий. Так что ж?

Григорий. То, что *δαίμόνιον* — значит знанье или разумненье, а *δαίμων* — знающий или понимающий. Так прошу простить, что маленьким бескам отдал я фамилию великого беса.

Лонгин. Неграмотный Марко, — выслушайте басенку, — добрался до рая. Вышел Петр святой с ключами и, отворяя ему райские двери, спрашивает: «Учился ли ты священных языков?» «Никак», — отвечал простак. «Был ли в академиях?» — «Никогда, отче святой». — «Читал ли древних богословов книги?» — «Не читал: я аза в глаза не знаю». — «Кто ж тебя направил на путь мира?» — «Меня направили три регулки». — «Какие три регулки?» — «А вот они. 1-я сия: «Все то доброе, что определено и святым людям», 2-я: «Все то невелико, что получают и беззаконники», 3-я: «Чего себе не хочешь, другому не желай». 1-я и 2-я — домашние, и я сам их надумал, а 3-я есть апостольский закон, для всех языков данный. 1-я родила во мне терпение Иова и благодарность; 2-я дарила свободою всех мирских вожделений; 3-я примирила меня со внутренним моим господином».

Апостол, взглянув на него просвященным, как солнце, лицом, сказал: «О благословенная и благодарная душа! Войди в обитель Отца твоего Небесного и веселись вечно; мало ты кушал, а много сыт».

Яков. Не разум от книг, но книги от разума родились. Кто чистыми размышлениями в истине очистил свой разум, тот подобен рачительному хозяину, источник чистой воды живой в до-

ме своим вырывшему, как написано: «Вода глубока — совет в сердце мужа. Сын, пей воды из твоих сосудов». В то время, немножко с книг откушав, может много пользоваться, как написано об осененном с небес Павле: «И приняв пищу, укрепился». Таков-то есть и сей Марко; он из числа посвящаемых Богу скотов, жвание отрывающих. «Святи их во истине твоей...» Мало кушал, много жевал и из маленькой суммы или искры размножил пламень, Вселенную объемлющий. Не много ли мы его больше знаем? Сколько мы набросали в наш желудок священных слов? А какая польза? Только засорили. Ах, бедная ты жена кровоточивая со слабым желудком! Вот чего наделали вредные мокроты, змием апокалиптическим изbleванные, от которых Соломон сына своего отвлекает: «От чужих же источников да не пьешь».

Как же можно такому горьких вод исполненному сердцу вместить мир Божий — здравие, радование, жизнь душевную? Сыщем прежде внутри нас искру истины Божией, а она, осенив нашу тьму, пошлет нас к священным вод библейских Силоамам, до которых зовет пророк: «Умойтесь; отнимите лукавствие от душ ваших»⁷⁵. Вот тебе рвотное! Не житие ли наше есть брань? Но со змииными ли мнениями нам нужно бороться? Не есть ли та Павлова благороднейшая баталия, о которой: «Не наша брань к плоти и крови...» Мнение и совет есть семя и начало. Сия глава гнездится в сердце. Что ж, если сия глава змиина? Если сие семя и царство злое? Какого мира надеяться в сердце от тирана: он, человекоубийца, искони наблюдает, стережет, любит и владеет тмою.

И если таковое горькое мнений море наполнило сердце и пожелра злая глубина душу, то какого там надеяться света, где горя тьма? Какого веселья и сладости, где нет света? Какого мира, где нет жизни и веселья? Какая жизнь и мир, если нет Бога? Что за Бог, если нет Духа Истины и Духа Владыки? Какой Дух Истины, если не мысли невещественные и сердце чистое? Что за чистое, если не вечное, как написано: «Помышления его в род и род»? Как же вечное, если на вещество засмотрелось? Как же не засмотрелось, если почитает оное? Как же не почитает, если надеется на оное? Как же не надеется, если тужит о разрешении праха? Не се ли есть иметь такое сердце: «Увидел: как пепел, сердце их, и прельщаются, и ни один не сможет избавить душу свою»? Не се ли есть грехопадение и заблуждение от Бога в сторону праха идолочества? Не се ли есть глава змиина, о которой писано: «Тот сотрет твою главу»⁷⁶? Слушай, Ермолай! Вот как должно восходить на гору мира: принимай рвотное, очищай сердце, выблюй застарелые мнения и не возвращайся на блевотину. Пей чистую воду, новых советов воду во все дни.

Се-то есть переходить от подлости на гору, от горести в сладость, от смерти в жизнь, от свиньих луж к горным источникам оленьим и сайгачным. Пей дотоль, пока реки от чрева твоего потекут⁷⁷ воды живой, утоляющей несчастнейшую жажду, то есть

несытость, неудовольствие — зависть, вожделение, скуку, ропот, тоску, страх, горсть, раскаяние и прочие бесовских голов жала, душу всю вместе умерщвляющие. Пей дотоль, пока запоешь: «Душа наша, как птица, избавится... перейдет воду непостоянную»; «благословен Господь, Который не дал нас в добычу зубам их»; пока утетишься с Аввакумом, поя: «Вложил ты в головы беззаконных смерть, я же о Господе возрадуюсь, возвеселюсь о Боге, Спасе моем»; поя с Анною: «Утвердися, сердце мое, о Господе...»; поя с Давидом: «Отразился на нас свет лица Твоего».

Пресильный и прехитрый есть неприятель застарелое мнение. Трудно, по Евангелию, сего крепкого связать и расхитить сосуды его, когда раз он в сердце возродился. Но что слаше сего труда, возвращающего бесценный покой в сердце наше? Борися день от дня и выгоняй хотя по одному из нутра, поднимайся час от часу на гору храбро, величаясь с Давидом: «Не возвращусь, пока скончаются...» Се-то есть преславнейшая сечь содомо-гоморская, от которой Божественный победитель Авраам возвращается.

Григорий. Живые проживаем, друзья мои, жизнь нашу, да протекают безумные дни наши и минуты. О всем нужном для течения дней наших промышляем, но первейшее попечение наше пусть будет о мире душевном, сиречь о жизни, здравии и спасении ее. Что нам пользы приобрести целой Вселенной владение, а душу потерять? Что ты в мире сыщешь столь дорогое и полезное, что б заменять отважился за душу твою? Ах, опасно ступаем, чтоб попасть нам войти в покой Божий в праздник Господень, по крайней мере в субботу, если не в преблагословенную суббот субботу и в праздников праздник.

Да получив шабаш⁷⁸, хотя от половины горестнейших трудов уволнить возможем если не осла нашего, то душу нашу и достигнем если не в лето Господнее приятное в седмижды седьмой или в пятидесятый с Апостолами год, когда всеобщее людям и скотам увольнение бывает, то хотя несколько освободим бедную душу от тех трудов: «Доколе положу советы в душе моей, болезни в сердце моем». Глава в человеке всему — сердце человеческое. Оно-то есть самый точный в человеке человек, а прочее все околица, как учит Иеремия: «Глубоко сердце человеку (паче всех) и человек есть, и кто познает его?»⁷⁹ Внемли, пожалуй, глубоко сердце — человек есть... А что ж есть сердце, если не душа? Что есть душа, если не бездонная мыслей бездна? Что есть мысль, если не корень, семя и зерно всей нашей крайней плоти, крови, кожи и прочей наружности? Видишь, что человек, мир сердечный погубивший, погубил свою главу и свой корень.

И не точный ли он орех, съеденный по зерну свосму червями, ничего силы, кроме околицы, не имеющей. До сих-то бедняков Господь с таким сожалением у Исаии говорит: «Приступите ко мне, погубившие сердце, сущие далеко от правды...» Мысль есть тайная в телесной нашей машине пружина, глава и начало

всего движения ее, а голове сей вся членов наружность, как обузданный скот, последует, а как пламень и река, так мысль никогда не поживает. Непрерывное стремление ее есть то желание. Огонь угасает, река останавливает, а невещественная и бесстихийная мысль, носящая на себе грубую бренность, как ризу мертвую, движение свое прекратить (хотя она в теле, хоть вне тела) никак не сродна ни на одно мгновение и продолжает равномолнийное свое летанья стремление чрез неограниченные вечности, миллионы бесконечных.

Зачем же она стремится? Ищет своей сладости и покоя; покой же ее не в том, чтоб остановиться и протянуться, как мертвое тело — живой ее натуре или природе сие не сродно и чудно, но противное сему; она, будто в странствии находясь, ищет по мертвым стихиям своего сродства и, подлыми забавами не угасив, но пуще распалив свою жажду, тем стремительнее от растленной вещественной природы возносится к вышней господственной натуре, к родному своему и безначальному началу, дабы сиянием его и огнем тайного зрения очистившись, освободиться от телесной земли и земляного тела. И сие-то есть взойти в покой Божий, очиститься от всякого тления, сделать совершенно вольное стремление и беспрепятственное движение, вылетев из тесных вещества границ на свободу духа, как писано: «Поставил на пространное ноги мои... Извел меня в пространство... И поднял вас, как на крыльях орлих, и привел вас к себе». И сего-то Давид просит: «Кто мне даст крылья, как голубиные, и полечу, и почию...»

Ермолай. А где она находит сие безначальное начало и вышнее естество?

Григорий. Если прежде не сыщет внутри себя, без пользы искать будет в других местах. Но сие дело есть совершенных сердцем, а нам должно обучаться букварю сей преблагословенной субботы или покоя.

В Оказывается, самое великое — то, что науки, возможно, сумеют (и то лишь отчасти) доказать и постичь лишь через века, доступно человеческой интуиции уже сейчас, ибо находится внутри нас. Высший Разум, т.е. Разум Божественный, отражается в разуме человеческого, по образному выражению Г.Р.Державина, «как солнце в малой капле вод». Высшая Любовь точно так же отражается в человеческом сердце и т.п. Вот почему, если мы не заглянем в наше внутреннее зеркало, несущее отблеск качеств и атрибутов Бога, то мы Его не познаем и даже не найдем нигде более — даже «обшарив» весь внешний космос.

Ермолай. Победить апокалиптического змия и страшного того зубами зверя, который у пророка Даниила все-на-все пожирает, остаток ногами попирая, есть дело тех героев, которых Бог в «Книге Чисел» велит Моисею вписать в нетленный свой спи-

сок для войны, минуя жен и детей, не могущих умножить число святых Божиих мужей, не от крови, не от похоти плотской, не от похоти мужской, но от Бога рожденных, как написано: «Не соберу соборов их от кровей...» Те одни почивают с Богом от всех дел своих, а для нас, немощных, и той благодати Божией довольно, если можем дать баталию с маленькими бесиками: часто один крошечный душок демонский страшный бунт и горький мятеж, как пожар душу жгущий, взбуряет в сердце.

Григорий. Надобно храбро стоять и не уступать места дьяволу: противитесь — и бежит от вас. Стыдно быть столь женою и младенцем, чтоб не устоять нам против одного бездельного наездника, а хотя и против маленькой партии. Боже мой! Какое в нас нерадение о снискании и о хранении драгоценнейшего небес и земли сердечного мира? О нем одном должен человек и мыслить в уединении, и разговаривать в обращениях, сидя в доме, идя путем, и ложась, и вставая. Но мы когда о нем думаем? Не все ли разговоры наши одни враки и бесовские ветры? Ах, если мы самих себя не узнали, забыв нерукотворенный дом наш и главу его — душу нашу и главу ее — богообразный рай мира! Имеем же за то изрядное награждение: трудно из тысячи найти одно сердце, чтоб оно не было занято гарнизоном нескольких эскадронов бесовских.

И поскольку не обучаемся с Аввакумом стоять на Божественной сей страже и продолжать всеполезнейшую сию войну; затем сделались в корень нерадивы, глухи, глупы, пугливы, неискусны, и вовсе борцы расслабленные на то, чтоб и сама великая к нам милость Божия, но нами не понимаемая, так сердцем нашим колотила, как волк овцами. Один, например, беспокоится тем, что не в знатном доме, не с пригожим родился лицом и не нежно воспитан; другой тужит, что хотя идет путем невинного жития, однак многие, как знатные, так и подлые, ненавидят его и хулят, называя отчаянным, негодным, лицемером; третий кручинится, что не получил звания или места, которое б могло ему поставить стол, из десяти блюд состоящий, а теперь только что по шести блюд кушать изволит; четвертый мучится, каким бы образом не лишиться (правда, что мучительного), но притом и прибыльного звания, дабы в праздности не умереть от скуки, не рассуждая, что нет полезнее и важнее, как богомудро управлять внешнею, домашнею и внутреннею, душевною экономиею, то есть узнать себя и сделать порядок в сердце своем; пятый терзается, что, чувствуя в себе способность к услуге обществу, не может за множеством кандидатов продаться к принятию должности, будто одни чиновные имеют случай быть добродетельными и будто услуга разнится от доброго дела, а доброе дело от добродетели; шестой тревожится, что начала предьявляться в его волосах седина, что приближается час от часу с ужасною армиею немилосердная старость, что с другим корпусом за ним следует непобедимая смерть, что начинает ослабевать все тело, притупляются глаза и

зубы, не в силах уже танцевать, не столько много и вкусно пить и есть и прочее...

Но можно ли счесть несчетные тьмы нечистых духов и черных воронов, или (с Павлом сказать) духов злобы поднебесных, по темной и неограниченной бездне, по душе нашей, будто по пространнейшем воздухе, шатающихся? Сии все еще не исполины, не самые бездельные, как собачки постельные, душки, однако действительно колеблют наше неискusstное в битве и не вооруженное советами сердце: самый последний бесишка тревожит наш неукрепленный городок; что ж, если дело дойдет до львов? Открою вам, друзья мои, слабость мою. Случилось мне в неподлой компании не без удачи быть участником разговора. Радовался я тем, но радость моя вдруг исчезла: две персоны начали хитро ругать и осмеивать меня, вкидая в разговор такие алмазные слова, которые тайно изображали подлый мой род и низкое состояние и телесное безобразие. Стыдно мне вспомнить, сколько затревожилось сердце мое, а больше, что сего от них не чаял; в силу я по долгом размышлении возвратил мой покой, вспомнив, что они бабины сыны.

Афанасий. Что се значит?

Григорий. Баба покупала горшки⁸⁰, амурь молодых лет еще и тогда ей отыгались. «А что за сей хорошенький?..» «За тот дай хоть три полушки», — отвечал горшечник... «А за того гнусного (вот он), конечно, полушка?» «За тот ниже двух копеек не возьму». «Что за чудо?» «У нас, бабка, — сказал мастер, — не глазами выбирают, мы испытываем, чисто ли звенит». Баба хотя была не подлого вкуса, однако не могла отвечать, а только сказала, что она и сама давно сие знала, да вздумать не могла.

Афанасий. Сии люди, имея с собою одинаковый вкус, совершенно доказывают, что они плод райской сей яблони.

Яков. Законное житие, твердый разум, великодушное и милосердное сердце есть то чистый звон почтенной персоны.

Григорий. Видите, друзья мои, сколько мы отродились от предков своих? Самое подлое бабское мнение может поколотить сердце наше.

Ермолай. Не погневайся — и сам Петр испугался бабы: «Беседа выдаст тебя, что ты галилеянин».

Лонгин. Но такое ли сердце было у древних предков? Кто может без ужаса вспомнить Иова? Однако со всем тем пишется: «И не дал Иов безумия Богу...» Внимай, что пишет Лука о первых христианах: «Была в них одна душа и одно сердце...» А что ж то? Какое у них было сердце? Кроме согласной их любви, вот какое: «Они же радовались, потому что за имя Господа Иисуса сподобились принять бесчестие...» Но вот еще геройское сердце: «Хулимые утешаемся...» «Радуюсь в страданиях моих...» Кто может без удивления прочесть ту часть его письма, которое читается в день торжества его? Она есть зрелище прекраснейших чудес, пленяющих сердечное око. Великое чудо! Что других приводит в

горчайшее смущение, то Павла веселит, дышащего душою, здоровому желудку подобною, который самую грубейшую и твердейшую пищу в пользу варит. Не се ли иметь сердце алмазное? Тягчайший удар все прочее сокрушает, а сго утверждает. О мир! Ты Божий, а Бог твой! Сие-то значит истинное счастье — получить сердце, адамантовыми стенами огражденное, и сказать: «Сила Божия с нами: мир имеем к Богу...»

Ермолай. Ах, высокий сей мир, трудно до него добраться. Сколь чудное было сердце сие, что за все Богу благодарило.

Лонгин. Невозможно, трудно, но достоин он и большего труда. Трудно, но без него тысяча раз труднее. Трудно, но сей труд освобождает нас от тягчайших бесчисленных трудов сих: «Как бремя тяжкое, отяготело на мнѣ. Нет мира в костях моих...» Не стыдно ли сказать, что тяжело нести сие иго, когда, нося его, находим такое сокровище — мир сердечный?.. «Возьмите иго Мое на себя и обретете покой душам вашим». Сколько мы теряем трудов для маленькой пользы, а часто и для безделиц, нередко и для вреда? Трудно одеть и питать тело, да надобно, и нельзя без сего. В сем состоит жизнь телесная, и никто о сем труде каяться не должен, а без сего попадет в тягчайшую горестъ, в холод, голод, жажду и болезнь.

Но не легче ли тебе питаться одним зельем суровым и притом иметь мир и утешение в сердце, нежели над изобильным столом сидеть гробом повапленным, исполненным червей неусыпных, душу день и ночь без покоя угрызающих? Не лучше ли покрыть телишко самую нищую одеждою и притом иметь сердце, в ризу спасения и одеждою веселья одетое, нежели носить златотканное платье и между тем таскать геенный огонь в душевном недре, печалью бесовских манеров сердце опаляющий? Что пользы сидеть при всяком довольстве внутри красных углов телом твоим, если сердце ввержено в самую крайнюю тьму неудовольствия из украшенного чертога, о котором пишется: «Птица обрела себе храмину... основана бо была на камне... камень же был Христос... который есть мир наш... душа наша, как птица, избавилася, и сеть сокрушилася... кто даст мне крылья...?»

Что же ты мне представляешь трудность? Если кто попал в ров или бездну водяную, не должен думать о трудности, но об избавлении. Если строишь дом, строй для обеих существа твоего частей — души и тела. Если украшаешь и одеваешь тело, не забывай и сердца. Два хлеба, два дома и две одежды, два рода всего есть, всего есть по двое, затем что есть два человека в человеке — одним⁸¹ и два отца — Небесный и земной, и два мира — первородный и временный, и две натуры — Божественная и телесная, во всем-на-всем... Если ж оба сии естества смешать в одно и признавать одну только видимую натуру, тогда-то бывает родное идолопоклонение; и сему-то единственно препятствует священная Библия, находясь дугою, всю тлень ограничивающею, и воротами, вводящими сердца наши в веру богознания, в надежду

господственной природы, в царство мира и любви, в мир перво-
родный.

И сие-то есть и твердый мир — верить и признавать господ-
ственное естество и на оное, как на необоримый город, поло-
житься и думать: «Жив Господь Бог мой...» Тогда-то скажешь:
«И жива душа моя...» А без сего как тебе положиться на тленную
натуру? Как не вострепетать, видя, что вся тлень всеминутно ро-
дится и исчезает? Кто не обеспокоится, смотря на погибающую
сущность истину? Таковые пускай не ожидают мира и слушают
Исаии: «Возволнутся и почить не могут. Не радоваться нечес-
тивным,— говорит Господь Бог...» Вот, смотри, кто восходит на
гору мира? «Господь — сила моя и учинит ноги мои на соверше-
ние, на высокое возводит меня, чтобы победить мне в песне
его». Признает Господа и пред невидящими его поет, а Господь
ведет его на гору мира. Непризнание Господа есть мучительней-
шее волнование и смерть сердечная, как Аввакум же поет: «Вло-
жил ты в главы беззаконных смерть». Сию главу Давид называет
сердцем, и оно-то есть главизна наша, глава окружения их. Что
за глава? Труд уст их. Что за уста? Доколе положу советы в душе
моей, болезни в сердце моем... Труд уст есть то болезнь сердца, а
болезнь сердца есть то смерть, вложенная в главы беззаконных, а
родная смерть сия, душу убивающая жалом, есть смешение в од-
но тленной и Божественной натур; а смешанное сие слияние
есть устранение от Божественного естества в страну праха и пеп-
ла, как писано: «И укажет тебе перст».

А устранение есть то грехопадение, как написано: «Грехопа-
дение кто разумеет?» О грехе вот что Сирах: «Зубы его — зубы
льва, убивающие душу...» Вот тьма! Вот заблуждение! Вот несча-
стие!

Видишь, куда нас завела телесная натура, чего наделало сли-
яние естеств? Оно есть родное, идолобешенство и устранение от
блаженной природы и неведение о Боге. Такового нашего сердца
известная есть печаль то, что о ничем, кроме телесного, не ста-
раемся, точно язычники, «и всех бо сих язычников ищут», а если
хоть мало поднять к блаженной натуре очи, тотчас кричи: трудно,
трудно! Сие-то есть называть сладкое горьким, но праведник
от веры жив есть. А что ж есть вера, если не обличение или изъ-
яснение сердцем понимаемой невидимой природы? И не сие ли
есть быть родным Израилем, все на двое разделяющим и от все-
го видимого невидимую половину Господу своему посвящаю-
щим? О сем-то Павел счастливец вопиет: «Которые правилам
сим жительствуют, мир на них и милость. Скажи, пожалуйста,
чем взволнуется тот, кто совершенно знает, что ничего погиб-
нуть не может, но все в начале своем вечно и неврединно пребы-
вает?»

Ерм о л а й . Для меня сие темновато.

Л о н г и н . Как не темновато лежащему в грязи неверия! Про-
дирай, пожалуй, око и прочишай взор; царствие блаженной на-

туры, хотя утаенное, однако внешними знаками не несвидетельствованным себя делает, печатай следы свои по пустому веществу, будто справедливейший рисунок по живописным краскам. Все вещество есть красная грязь и грязная краска и живописный порошок, а блаженная натура есть сама начало, то есть безначальная инвенция, или изобретение, и премудрейшая делинеация, всю видимую фарбу носящая, которая нетленной своей силе и существу так сообразна, будто одежда телу. Называет видимость одеждою сам Давид: «Все, как риза, обветшает...»⁸² А рисунок то пядью, то цепью землемерною, то десницею, то истиною: «Красота в деснице Твоей...» «Пядью измерил Ты...» «Десница Твоя воспримет меня» «Истина Господня пребывает вовеки». Таковым взором взирал я и на тело свое: «Руки Твои сотворили меня...» Минует непостоянную тленности своей воду. «Душа наша перейдет воду непостоянную»; пронизает мыслью в саму силу и царство таящейся в прахе его десницы Вышнего и кричит: «Господь защититель жизни моей, от кого усташуся? Блаженны, которых избрал и принял Ты, Господи...» Счастливый, перелетевший в царство блаженной природы! О сем-то Павел: «По земле ходящие обращение имели на небесах». Сей же мир и Соломон пишет: «Праведных души в руке Божией, и не прикоснется к ним мука...»

Сие же тайно образует церемония обрезания и крещения. Умереть с Христом есть то оставить стихийную немощную натуру, а перейти в невидимое и горнее мудрствовать. Тот уже перешел, кто влюбился в сии сладчайшие слова: «Плоть ничто же...» Все то плоть, что тленное. Сюда принадлежит Пасха, воскресение и исход в землю обетованную⁸³. Сюда взошли колена Израилевы пред Господа. Тут все пророки и Апостолы во граде Бога нашего, в горе святой его, мир на Израйля.

Ермолай. Темно говоришь.

Афанасий. Ты столь загустил речь твою библейным лоскутем, что нельзя разуместь.

Лонгин. Простите, друзья мои, чрезмерной моей склонности к сей книге. Признаю мою горячую страсть. Правда, что из самых младенческих лет тайная сила и мание влечет меня к нравоучительным книгам, и я их паче всех люблю. Они врачуют и вселяют мое сердце, а Библию начал читать около тридцати лет рождения моего. Но сия прекраснейшая для меня книга над всеми моими полюбовницами верх одержала, утолив мою долговременную алчбу и жажду хлебом и водою, сладчайшей меда и сота Божией правды и истины, и чувствую особливую мою к ней природу. Избегал, избегаю и избежал за предводительством Господа моего всех житейских препятствий и плотских любовниц, дабы мог спокойно наслаждаться в пречистых объятиях краснейшей, паче всех дочерей человеческих сей Божией дочери. Она мне из непорочного лона своего родила того чудного Адама⁸⁴, который, как учит Павел, «созданный по Богу, в прав-

де и преподобии и истине» и о котором Исаия: «Род же его кто исповедает».

Никогда не могу довольно надивиться пророчей премудрости. Самые праздные в ней тонкости для меня кажутся очень важными: так всегда думает влюбившийся. Премногие никакого вкуса не находят в сих словах: «Вениамин — волк, хищник, рано ест, еще и на вечер дает пищу». «Очи твои на исполнениях вод...» А мне они несказанную в сердце вливают сладость и веселье, чем чаще их, отрывая жвание, жую. Чем было глубже и безлюднее уединение мое, тем счастливее сожительство с сею возлюбленною в женах. Сим Господним жребием я доволен. Родился мне мужеский пол, совершенный и истинный человек; умираю не бездетным. И в сем человеке похваляюсь, дерзая с Павлом: «Не напрасно тек». Се-то тот Господен человек, о котором писано: «Не стемнели очи его».

ВВ *Насколько важен для учащегося круг чтения — всем известно. Л.Н.Толстой так и назвал свою знаменитую выборку наиболее важных в нравственном отношении текстов: «Круг чтения». Но список литературы зависит от того, какой предмет мы изучаем. Для Сквороды этот предмет — сама жизнь человеческая в ее целостности. Поэтому «круг чтения» он сосредоточивает вокруг Библии, как центра нравственных поисков и открытий человечества, и ограничивает книгами этического содержания. Конечно же, в этом он совершенно прав. Приходится горько сожалеть, что чрезмерная специализация, характерная для нашего времени, многих и многих лишает знакомства с самыми главными, жизненно необходимыми творениями всемирной литературы, начиная с главнейшего — Библии. Я за то, чтобы с этих центральных книг человечества обучение начинать, вокруг них его сосредоточивать и более глубоким их осмыслением — завершать. Уверен, что это принесло бы наилучшие из всех возможных «плоды просвещения».*

Григорий. Если вам не нравятся библейные крошки, то поведем наш разговор другим образом. Целое воскресное утро мы провели о том беседуя, о чем всегда мыслить долженствуем. Завтрашний день есть рабочий. Однако, когда к вечеру соберется, то внятнее побеседуем о душевном мире. Он всегда достоин нашего внимания, находясь всего жития нашего намеренным концом и пристанищем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «...О двух путниках — безногом и слепом» — данная притча в многочисленных вариантах и с различной моралью, из нее извлекаемой, известна с древнейших времен. Ее разновидности встречаются в Талмуде (где слепой означает тело, а безногий — душу), в древнегреческой поэзии (стихотворение Леонида Флорентийца, III век до н.э.), у древнерусского богослова и проповедника Кирилла Туровского (XII век) и во многих других источниках.

² «...Как евангельский богач, смотря на Лазаря» — см. Лук. 16, 22–24.

³ «Исчезли в суете дни наши» — ср. Пс. 77, 33; 101, 4.

⁴ «Пути Твои, Господи, укажи мне» — Пс. 24, 4.

⁵ «Увы мне, как пришествие...» — ср. Иер. 10, 19.

⁶ «34-й год путешествия моего...» — намек на то, что странник достиг 33 лет — «возраста Христова» (ср. Еф. 4, 13).

⁷ «...Сам ветхий днями Ураний» — выражение «ветхий днями» в Книге Даниила (7, 9) указывает на вечность, изначальность Бога.

⁸ «...Сие имя бог есть языческое название» — имеется в виду этимология русского слова «бог», восходящего к праиндоевропейскому корню («бхага»), возникшему в языческие времена.

⁹ «...У Исаии на многих местах...» — ср. Исх. 3, 14; Ос. 12, 5.

¹⁰ «...Толкование слова для еврейских словотолковников...» — непроизносимое Имя Божье (Тетраграмматон) в древнееврейском оригинале Библии означает: «Тот, Кто был, есть и будет», иными словами — Вечносущий, Сущий, всегда и везде Присутствующий.

¹¹ «В Библии Бог именуется: огнем, водою...» — имеется в виду образно-поэтическое уподобление деяний и проявлений Бога действию тех или иных стихий, например: «...Господь, Бог твой, есть огонь поядущий, Бог ревнитель» (Втор. 4, 24).

¹² «На что ты, — говорит Бог Мойсею...» — парафраза библейского текста (ср. Исх. 3, 13–14).

¹³ «Артос», «панус» — названия хлеба в греческом и латинском языках.

¹⁴ «Вчера и днесь тот же...» — Евр. 13, 8.

¹⁵ «Бог — любовь есть» — I Иоан. 4, 8.

¹⁶ «Иеремия зовет мсчом» — в библейском тексте «молотом» — Иер. 23, 29.

¹⁷ «...Павел словом именует живым» — Евр. 4, 12.

¹⁸ «...Как Соломон сказывает...» — Притч. 20, 5.

¹⁹ «Дал ты веселие в сердце моем» — Пс. 4, 8.

²⁰ «...Говорит Петр святой...» — Деян. 10, 14.

²¹ «Написано на ноге амамантовом» — Иер. 17, 1.

²² «Наша брань...» — Еф. 6, 12.

²³ «...Как некий лях через кобылу, перескочил» — юмористический сюжет, восходящий к польскому фольклору.

²⁴ «Дед и баба сделали себе хату» — фольклорный сюжет, встречающийся в разные времена и у разных народов.

²⁵ «Иш» — по-древнееврейски — «муж», «мужчина», «человек». Имется в виду, что дед из приведенной сказки олицетворяет каждого человека, которому неведом свет Истины.

²⁶ «Мут» — по-древнееврейски — «смерть». По мысли Сковороды, неведение Истины («света») есть то же, что «сожителство со смертью» («Мут от Иша не разлучится»). По отношению к бабе из сказки может означать также «смертная».

²⁷ «Мир дому сему» — Мф. 10, 12.

²⁸ «Мир вам» — Иоан. 20, 19.

²⁹ «Новую заповедь даю вам» — Иоан. 20, 19.

³⁰ «Мир Мой даю вам» — Иоан. 14, 27.

³¹ «Не бойтесь» — Мф. 14, 27.

³² «Радуйтесь» — Мф. 28, 9.

³³ «Великий Павел называет...» — ср. II Тим. 3, 6–7.

³⁴ «Внемли себе, внимай себе» — ср. Втор. 27, 9.

³⁵ «Царствие Божие внутри вас есть» — Лук. 17, 21.

³⁶ «Вы есть храм Бога живого» — II Кор. 6, 16.

³⁷ «Себя знающие премудры» — ср. Притч. 24, 14.

³⁸ «Если не узнаешь самое себя» — Песнь П. 1, 7.

³⁹ «Закон Твой посреди...» — ср. Пс. 36, 1; 39, 9.

⁴⁰ «А не верующий уже осужден...» — Иоан. 3, 18.

⁴¹ «...За оскудение Исааковых отроков...» — ср. Быт. 26, 18.

⁴² «...Воду, скачущую в живот вечный» — ср. Иоан. 4, 14.

⁴³ «...В силу великую могли найти в храме... закон Господень» — см. IV Цар. 22, 8.

⁴⁴ «...Упраздните и разумеете...» — ср. Пс. 49, 22.

⁴⁵ «Не слушая Христа: «Ищите...»» — Мф. 6, 33.

⁴⁶ «Лицо небесное подлинно...» — Мф. 16, 3.

⁴⁷ «Ах, Иерусалим...» — Лук. 19, 42.

⁴⁸ «Идет, как дерево...» — Пс. 1, 3.

⁴⁹ «На воде спокойной...» — Пс. 22, 2.

⁵⁰ Григорий Богослов, или Назианзин — крупнейший христианский богослов IV века, один из Отцов Церкви.

⁵¹ «Мир Божий да водворяется...» — Кол. 3, 15.

⁵² «...Павел называет всяк ум...» — Флп. 4, 7.

⁵³ «Сыновья века сего мудрее...» — Лук. 16, 8.

⁵⁴ «Не как мир дает...» — Иоан. 14, 27.

⁵⁵ «Веселие сердца — жизнь человеку» — Сир. 30, 23.

⁵⁶ «И Бог мира будет с вами» — Рим. 15, 33.

⁵⁷ «Христос, который есть мир наш» — Еф. 2, 14.

⁵⁸ «Дуга, умиротворившая дни Ноевы» — Быт. 9, 13.

⁵⁹ «Сила Божия с нами» — ср. Римл. 1, 16; I Кор. 1, 18; II Кор. 12, 9; 13, 4; Еф. 3, 20.

⁶⁰ «Не отемнели очи его...» — Втор. 34, 7.

⁶¹ «Всегда радуйтесь...» — I Фес. 5, 16.

⁶² «Благодарение воссылаю блаженной натуре...» — парафраза известного изречения древнегреческого философа Эпикура (IV—III века до н.э.): «Все естественное легко добывается, а излишнее трудно добывается».

⁶³ «Душа наша перейдет...» — ср. Пс. 123, 5.

⁶⁴ «С веселием изойдите» — Ис. 55, 12.

⁶⁵ «Се, Я пошлю ангела Моего» — Исх. 23, 20–21.

⁶⁶ «Отворите ворота вечные» — Пс. 23, 7.

⁶⁷ «Сколь возлюбленны селения твои» — Пс. 83, 2.

⁶⁸ «Сколь красны дома твои, Иаков» — Числ. 24, 5.

⁶⁹ «Единолетний ягненок» — Исх. 12, 5.

⁷⁰ «Трехлетняя юница и коза» — Быт. 15, 9.

⁷¹ «Тот телец, которым Авраам...» — Быт. 18, 7–8.

⁷² «И будет Бог с тобою присно...» — Ис. 58, 11.

⁷³ «А внутри тебя сам арихиатор» — т. е. главный врач (греч.). Имеется в виду обитание Бога во «внутреннем храме» — человеческом сердце (ср. I Кор. 3, 16).

⁷⁴ «Враги человеку домашние его» — Мф. 10, 36. В контексте рассуждений Сковороды «домашние» олицетворяют ложные убеждения, внутренние пороки и несовершенства самого человека.

⁷⁵ «Умойтесь; отнимите лукавствие от душ ваших» — Ис. 1, 16. Этой цитатой автор подчеркивает наличие у человека свободной воли и, следовательно, его способность к очищению собственного сердца от зла — «лукавствия».

⁷⁶ «Тот сотрет твою главу» — ср. Быт. 3, 15. Знаменитое пророчество о Мессии, который победит змия (сатану), данное в раю согрешившим прародителям — Адаму и Еве, Сковорода толкует применительно к внутреннему миру человека, где и должен перестать главенствовать злой дух, когда Слово Божие, войдя в сердце, «сотрет ему главу».

⁷⁷ «Пока реки от чрева твоего потекут» — ср. Иоан. 7, 38–39. Под «реками» подразумевается присутствие внутри человека Духа Божьего, который, подобно обильным водам, может «оросить», т. е. сделать плодотворной, всю нашу жизнь.

⁷⁸ «Да получив шабаш» — «шаббат» — по-древнееврейски суббота. Имеется в виду «вхождение в покой Господень» (см. Евр. 4, 9–11), т. е. в состояние духовного мира и радости, непрерывного общения с Богом. Поэтому далее говорится о «пятидесятом годе», т. е. юбилее (Лев. 25, 8–10), когда объявлялась свобода всем жителям земли. В то же время число «пятьдесят» ассоциируется здесь с праздником Пятидесятницы, когда на апостолов сошел Святой Дух (Деян. 2, 1–4) и они исполнились величайшей радости от присутствия Божьего.

⁷⁹ «Глубоко сердце человеку (паче всех) и человек есть» — Иер. 17, 9. Синодальный перевод иной: «Лукаво сердце человеческое более всего и крайне испорчено; кто узнает его?» Смысловое расхождение в переводе объясняется тем, что церковнославянский текст восходит к версии Септуагинты (греч. «Перевод семидесяти (старейшин)» III век до н. э.), а синодальный перевод — к Масоретской версии древнееврейского оригинала. Одно и то же древнееврейское слово, записанное тремя согласными знаками, переводчики Септуагинты перевели как «энош» (др.-евр. «человек»), в то время как масоретские редакторы поняли его как «ануш» — «больной», «неисправимый», «испорченный». Для Сковороды данный стих является свидетельством о существовании «внутреннего

человека» в сердце (т.е. высшего духовного «я», противопоставляемого низшему плотскому «я»), и поэтому данный стих цитируется им часто во многих произведениях.

⁸⁰ «Баба покупала горшки...» — сюжет рассказа принадлежит, по-видимому, самому Сковороде и приводится им в сборнике «басен Харьковских».

⁸¹ «...Есть два человека в человеке одном» — любимая тема Сковороды — противопоставление духовного человека душевному (и плотскому) не как двух разных людей, а как противоположных начал, всегда борющихся в нашем сердце, что восходит к философии апостола Павла (ср. Римл. 7, 25; I Кор. 2, 14–15; 15, 44–49).

⁸² «Все, как риза, обветшает» — Пс. 101, 27. Еще одна излюбленная и часто варьируемая идея Сковороды — то, что видимый вещественный мир является «одеждой», облачением для мира невидимого, божественного.

⁸³ «Сюда принадлежит Пасха, воскресение и исход в землю обетованную». — Все три перечисленных события рассматриваются здесь как прообразы внутреннего, духовного «исхода из страны рабства и смерти» для воскресения «в жизнь вечную», т.е. ради осознания человеком своей духовной, истинной сущности и жизни в согласии с ней.

⁸⁴ «...Родила того чудного Адама...» — т.е. благодаря глубокому изучению Слова Божьего Сковорода пережил духовное возрождение — в нем «заново родился» внутренний человек, «второй Адам» (ср. I Кор. 15, 44–45).

РАЗГОВОР, НАЗЫВАЕМЫЙ АЛФАВИТ, ИЛИ БУКВАРЬ МИРА

В данном диалоге, написанном в 1774 г. и завершающем весь цикл диалогов Сковороды о счастье, автор представляет читателю как бы «букварь духовных понятий», объясняя в достаточно простой и доступной форме самые начала мистических познаний. Для обретения внутреннего мира, т. е. примирения с самим собой, с Богом и со своими ближними, человек должен, прежде всего, постичь основы и законы собственной жизни. Подлинное счастье достигается гармонизацией внутренних потребностей, т.е. «сродства» с определенным родом деятельности, — и внешних жизненных проявлений. Внутренние мучения, терзания, сожаления о бессмысленности своей жизни, как и внешние неудачи, происходят оттого, что человек занят «несродной себе» работой, впустую посвящая ей свои силы и дарования. Обретение же знания о «сродном» и «несродном» возможно только путем очищения сердца от зла, возвращения к Богу и следования Его законам.

ПЕСНЯ

сложена 1761-го года о том, что концом жизни нашей
есть мир, а вождь к нему Бог, и о людских разнопутиях

О жизнь беспечна! О драгий покой!
Ты дражайший мне всяких вещей.
На тебя смотрит везде компас мой.
Ты край и гавань жизни моей.
Мне одна в свете тишина нравна:
И безмятежный, неславный путь.
Се моя мера в житии главна.
Весь да кончится мой циркуль тут!

Ты, Святый Боже и веков Творец,
Утверди сие, что Сам создал.
При Тебе может все в благой конец
Так попасть, как к магниту сталь.
Если ж не право зрит мое око,
Ты меня, Отче, настави здесь.
Ты людских видишь, сидя высоко,
Разных столь мнений бессчетну смесь.

Один в восточный, те в вечерний край
Плывут по счастье со всех ветрил.
Иной в полночной стране видит рай,
Иной на полдень путь свой открыл.
Один говорит: «Вот кто-то косит!»
А другой спорит: «Се ктось стрижет!»
Иной: «У воза пять кол» — голосит.
Скажи, кой бес нам столь мысль сечет?

Inveni portum Jesum. Caro, munde, valete! Sat me jactastis. Nunc
mihi certa quies.

Прощай, стихийный потоп! —
Венчала Ноева голубица. —
Я почию на холмах вечности,
Обретши ветку блаженства.

Милостивый государь!

Один «Разговор» уже к вам пришел¹. Вот же нашел вас и брат первого. Когда меня жалуете, примите милостиво и сего и положите братнюю сию двоицу перед лицом дражайшего вашего родителя, как образ и память усердного моего почитания. В обоих написано то, что говорено в беседах со здешними приятелями. Они ж и беседующими лицами поставлены в обоих. Первый испытывает с Давидом небесные круги, поведающие славу вечного: «Лета вечные помянул...» — и назван «Кольцом», а второй, узнав безначальное начало из нетрудных начатков, будто из алфавита, Богу последовать побуждает и назван «Букварем». Предревнейшее слово есть сие: Γνῶθι σεαυτόν, nosce te ipsum — «Узнай себя самого». И теперь оно всем в устах, но не многим во вкусе. Думаю, что начальник слова сего был древнейший мудрец Фалес. Верю. Кто что нашел и любит, то своим ему быть может, а истина безначальна. Пишет Плутарх, что на Аполлоновом Дельфийском храме было написано: «Узнай себя». Древние египтяне слово сие высоко почитали. Что значит *сфинкс*, изъяснено в первом «Разговоре». Имя его значит *связь* или *узел*. Гадание сего уroda утаивало ту ж силу: «Узнай себя». Не развязать сего узла была смерть мучительная, убийство душе, лишение мира. Для сего египтяне оного уroda статуи поставляли по улицам, дабы, как многочисленные зеркала, везде в очи попадая, сей самонужнейшее знание утаивающий узел на память приводили.

Потомки их были не таковы. Отнялась от них глава мудрости; долой пала чистая часть богочтения; остались одни художества с физическими волшебствами и суеверием. Монумен^т, напоенный всеполезнейшим для каждого советом, обратился в кумир², уста имущий и не говорящий, а только улицы украшающий, и будто источник в лужу попался.

Так и все богословские тайны превращаются в смешные вздоры и суеверные сказки. Во времена авраамские делали сие филистины, а ныне делают не знающие себя и Бога. В Божественном мраке Мойсейских книг почти 20 раз находится сие: **В** «Внимай себе», «Внемли себе» — и вместо ключа ко всему предв^ручается то же, что «узнай себя».

И не диво, что древние египтяне, евреи и эллины высоко почитали слово сие. Знать-то от познания себя самого входит в душу свет ведения Божия, а с ним путь счастья мирный. Что компас в корабле, то Бог в человеке. Компасная в сердце корабельном стрела есть тайный язык, закон, глава, око и царство корабельное.

Библия тоже именуется стрелою, как начертанная тень вечного закона и тьма Божия. Не тот мне знаток в корабле, кто перечел и перемерил каюты и веревки, но кто познал силу и природу корабля; тот разумеет путь его и все околичности.

А что ж есть Бог, если не вечная глава и тайный закон в тварях? Истину сказывает Павел: «Закон духовный есть»³.

Закон же сей что есть, если не владеющая тлением господственная *природа*, названная у древних отцов: Τριγῆλος μονάς καὶ φύσις — «трисолнечное единство и естество». Сия *единица* всему глава, а сама безначальная, ни временем, ни местом, ни полом не ограниченная, ни именем.

Сия-то *мать* и *отец* отвечает Моисею, что ей имени нет. Кто-де ищет Моего имени, тот не видит естества Моего. Имя Мое и естество есть то же: «Я Суший». Я Тот, Кто везде, всегда, во всем, и не видно Меня, а прочее все видно, и нет того ничего. «Плоть ничто же...» Я — древо жизни, а другое все — тень Моя. И не напрасно эллины к обоему полу прилагали слово сие — θεός. И не без толку у некоторых христиан дают имя мужчине с мужеским и женское, например: Юзеф-Мария. Сюда-то смотрит острое павловское слово: «Ни мужеский пол, ни женский...» Итак, не прекрасный Нарцисс, не романтик и не анатомик, но увидевший внутри себя главный машины пункт — Царствие Божие, — сей узнал себя, нашедши в мертвом живое, во тьме свет, как алмаз в грязи и как евангельская жена империял в горничном соре. «Радуйтесь со мною...» Сей точно узнал *человека* и может похвалиться: «Знаю человека»⁴.

Вот вам несколько знатоков:

Авраам: «Видел и возрадовался».

Навин: «Видел человека стоящего».

Иов: «Ныне же око мое видело Тебя».

Давид: «Возвел очи мои в гору».

Исаия: «Видел славу Его».

Даниил: «Видел и се муж один».

Захария: «Воздвиг очи мои и видел, и се муж, и в руке его...»

Вот еще дюжина. Взгляните на гору Галилею!

11 Апостолов: «Видевшие его поклонились...»

И Стефан: «Се вижу небеса открыты...»

А как «мудрого очи его во главе его», так «очи безумных на концах земли».

С лица человека приметить можно, но не с подошвы. «Те пяту мою соблюдают».

Сколь о многих можно сказать: «Вы кланяетесь, Его же не знаете». О всех сих, подло ползущих, написано: «Блюсти будешь Его пяту». Вся Библия дышит сим вкусом: «Узнай себя».

Разве ж Бог в человеке только? Никак! Но кто слеп дома, тот и в гостях, и, не имея сам в себе, не найдет и в пище вкуса. А тогда можно смело отважиться и на глубину библейную с тем, кого слушает ветер и море.

Узнать Его есть чувство премудрости. Любить и слушать есть Дух веры и благочестия.

Руководство блаженной *натуры* всей своей мудрости виною ставит Катон Цицеронов. Но ключ к сему чертогу сей есть: «Внимай себе». Чем более кто себя узнает, тем выше восходит на Сион мира⁵.

ВВ Нет легче последовать Богу, как в пище, в дружбе, в звании.
² Тут приобучившийся может подняться и на крутые места, поколь сбудется: «Положу трудное их в гладкое». А я желаю вам идти от силы в силу! Половину сделал, кто хорошо начал.

Окончу речь любезного моего Фалеса словом: Ἀρχὴν ἀπάντων καὶ τέλος ποίει θεὸς — «Началом и концом во всем тебе будь Бог».

И пребуду, милостивый государь,

Вашего благородия нижайший слуга,
любитель священной Библии,
Григорий Сковорода

1775 года, января 1 дня, в Липцах.

ОСНОВАНИЕ

«Я альфа и омега» (Апокалипсис).

«Слышь, Израиль, внимай себе, внимай себе» (Мойсей).

«Себя знающие премудры» (Притчи).

«Если не узнаешь саму себя... изйди» (Песнь песней).

«Узнай себя самого...» (Фалес).

ВВ Что же это за призыв: «слушать себя», «внимать себе»? Ведь нередко, как бы «внимая себе», мы впадаем в тяжелые состояния, сбиваемся с пути, блуждаем. Что же «в себе» истинно, чему без опаски и можно, и нужно внимать? Представляется, что то истинно, что позволяет переживать беды, несчастья, трудности, также и радости других людей, как свои собственные. Ибо только любовь некоторым истинным, благим образом способна наполнять сердце. При этом возникает неповторимое ощущение расширения сердца, души, сознания до состояния, включающего, наряду с собственным, и самоощущения других людей. Любовь же к себе, присущая всем людям с «нормальной» психикой, при этом трансформируется в любовь к целой совокупности человеческих душ, образ которых вырисовывается в любящем сердце. Итак, через себя мы учимся понимать других. Внемля и собственным состояниям и переживаниям — начинаем сопереживать окружающим. А через сопереживание проникаемся сознанием своего единства с другими и, в конечном счете, сознанием соприродности нашей души, как и душ наших ближних, Богу.

Ибо возможность истинного объединения душ существует только благодаря тому, что все они носят в себе Образ Божий и благодаря этому могут находить общий язык и объединяться практически во всем. Иначе говоря, если мы, всматриваясь в себя, ищем не опору собственному эгоизму, а «ключ ко всему», то мы его неизменно находим в любви и единении с Богом и ближними. И это подтверждается словами Христа, который сказал, что в соблюдении заповедей о любви к Богу и ближнему заключены весь закон и пророки. Имеется в виду закон, о соблюдении которого Екклезиаст сказал: «Выслушаем сущность всего: бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом все для человека...» (Еккл. 12, 13). И еще: «Все соделал Он прекрасным в свое время, и вложил мир в сердце их...» (Еккл. 3, 11). Прозревая эти прекрасные черты Божьего Творения в себе и в окружающих, мы не можем не восхищаться премудростью Творца. Путем же «разумного восхищения» мы как бы приближаемся к Творцу и получаем от Него «ключ ко всему», ибо «...все из Него, Им и к Нему...» (Римл. 11, 36)

ВЗ. Здесь Сковорода имеет в виду простую вещь — необходимость разумного, благого использования того, что Бог непосредственно нам дал: пищи, чтобы живо было тело, дружеского общения с себе подобными, поддерживающего и подкрепляющего душу, некоторое «звание», т.е. социальное положение, благодаря которому человек играет вполне определенную роль в обществе себе подобных, наилучшим образом раскрывая творческие и иные способности своего духа. И Сковорода предлагает прилагать усилия именно для раскрытия того, что Бог непосредственно дал — «вложил» в человека в виде способностей и склонностей. При этом, если человек из набора данных возможностей выбирает сродное своей натуре и прилагает усилия к развитию именно этого, то, по мысли Сковороды, он вступает на самый очевидный и легкий путь следования Богу.

ДРУЖЕСКИЙ РАЗГОВОР О ДУШЕВНОМ МИРЕ

Лица: Афанасий, Яков, Лонгин, Ермолай, Григорий

Григорий. Слава Богу, собралась наша беседа! Что слышно? Нет ли вестей?

Яков. Вчера сделался пожар. Довелось быть в гостях и напасть на шайку ученых.

Лонгин. Был ли пожар?

Яков. При бутылках и стаканах ужасный загорелся диспут. Иной величал механику; иной превозносил химию; иной ублажал геометрию; иной пришивал человеческое счастье врачебной науке; иной похвальными песнями венчал историю; иной возвышал грамматику с языками; иной — политику с обращением. Потом был спор, какая пища здоровее, какое вино полезнее.

Наконец, самый пламень загудел о причине, погубившей республику Афинскую, плодородную мать ученых людей. Много ввали и о богине Минерве, которой посвящен был город Афинский. Однак я не мог ничего понять и не знаю, почему никакого вкуса не чувствовал. А в любезной моей книжечке, которую всегда с собой ношу, недавно начитал, что счастье ни от наук, ни от чинов, ни от богатства, но единственно зависит отсюда, чтоб охотно отдаться на волю Божию. Сие одно может успокоить душу.

Григорий. Как называются те ученые?

Яков. Первый Навал, второй Сомнас, третий Пификов⁶, люди славно ученые, а прочих не знаю.

Григорий. Как же ты не мог ничего понять?

Яков. Сему я и сам дивлюсь. Одно только то знаю, что слушать их вовсе меня не позывало.

Григорий. Разве они о Минерве говорили без Минервы?⁷ Так побеседуем же сами о драгоценнейшем нашем мире бесспорно и дружелюбно. Раскусим несколько слово, сие: «Отдаться в волю Божию». А премилосердная мать наша блаженная натура нас, любителей своих, не оставит, руководствуя нашу всю беседу. Вспомните сказанное мною слово сие: «Чем кто согласнее с Богом, тем мирнее и счастливее». Сие-то значит: *«жить по натуре»*. Кто же не говорит сего: *жить по натуре*? Но сия ошибка путь есть всей пагубы, если кто, смешав рабскую и господственную натуру в одно тождество, вместо прозорливой или Божественной избирает себе пугеводительницею скотскую и слепую натуру. Сие есть родное нечестие, неведение о Боге, непознание пути мирного, шествие путем несчастья, ведущим в царство тьмы, в жилище духов беспокойных.

Само сие слово — *несчастье* — отсюда родилось, что прельщенный человек, пошедший за руководством слепой природы, ухватился за хвост, минуя голову или ту высочайшую часть: «Часть моя Ты, Господи»⁸. Сколько ж мы должны матери нашей Библии? Она непрестанно кладет нам в уши иное высочайшее некое естество, называя оное Началом, Оком, Отцом, Сильным, Господом, Царем, Ангелом совета, Духом владычным, Страхом путеведущим, Вторым Человеком, Светом, Радостию, Веселием, Миром и прочее. На скольких местах вопиет нам: *«Внемли себе»*. *«Внимай себе крепче...»* «Войдите в храмину вашу...» «Возвратись в дом твой» «Дух Божий живет в вас». «Второй человек Господь с небес...» И сие-то есть благовестить мир, возвещать счастья путь, отворять ворота к благоденствию, открывать предводительствующее во всем и недремлющее *Око*, дабы всеусерднейше всяк, тайному мановению блаженного внутри себя Духа повинувшись, мог получать наставление, просвещение, кураж и совершение в каждом своем деле, а без Его дозволения самого мелочного не начинать действия и самого маленького шага не ступать. Счастливи живущий по воле благого Духа! «Господь будет на всех путях твоих». Бедная душа, своими похотями водимая! «Путь нечестивых

погиб». Самое переднее крыльцо и преддверие, вводящее в пагубу, и самая начальная замашка, будто букварь, обучающий нас быть супостатами Богу, есть сия:

А. Входить в несродную статью.

Б. Нести должность, природе противную.

В. Обучаться, к чему не рожден.

Г. Дружить с теми, к кому не рожден.

Сии дорожки есть родной несчастья путь.

А ф а н а с и й . А если кто к воровству рожден?

Григорий . Убирайся прочь! Моя речь единственно только касается человеколюбных душ, честных званий и благословенных промысла родов, которых Божий и человеческий закон вон из сожительства не изгонит, а составляют они плодоносный церкви, яснее сказать, общества сад, так, как часовую машину свои части. Она в то время порядочное продолжает течение, когда каждый член не только добр, но и сродную себе разлившейся по всему составу должности часть отправляет. И сие-то есть быть счастливым, познать себя, или свою природу, взяться за свою долю и пребывать с частию, себе сродною, от всеобщей должности. Сии должности участия есть благодеяние и услуга. И не дивно, что у древних римлян как должность, так и благодеяние обозначалось сим словом — *officium*. Самая добрая душа тем беспокойнее и несчастливее живет, чем важнейшую должность несет, если к ней не рождена. Да и как ей не быть несчастною, если потеряла сокровище сие, всего мира дражайшее: «Веселие сердца — жизнь человеку, и радование мужа (есть то) долгоденствие»? (Сирах). Как же не потерять, если вместо услуг обижает друзей и родственников, ближних и дальних, однородных и чужестранных? Как не обижать, если вред приносит обществу? Как не повредить, если худо нести должность? Как не худо, если нет упорной старательности и неутомимого труда? Откуда же уродится труд, если нет охоты и усердия? Где ж возьмешь охоту без природы? Природа есть первоначальная всему причина и самодвижущаяся пружина. Она есть мать охоты. Охота есть разожжение, склонность и движение. Охота сильнее неволи, по пословице. Она стремится к труду и радуется им, как сыном своим. Труд есть живой и неусыпный всей машины ход потопль, поколь породит совершенное дело, сплетающее творцу своему венец радости. Кратко сказать, *природа* запалает к делу и укрепляет в труде, делая труд сладким.

А что ж есть сия *природа*, если не тот блаженный в человеке Дух, о котором Бог к Мойсsey: «Се я посылаю ангела Моего перед лицом твоим... Внимай себе и послушай Его. Не усомнитесь, ибо имя Мое на Нем есть». Великое есть сие дело: «Имя Мое на Нем есть». Божие Имя и естество Его есть то же. Того ради велит вникнуть внутрь себя и внимать сему Наставнику, ясно все пужное показывающему. Сколько можно догадываться, Сей есть тот, Кто говорит: «Без Меня не можете творить ничего»². И сие-то

есть с Богом счастливо вступить в звание, когда человек не по своим прихотям и не по чужим советам, но, вникнув в самого себя и вняв живущему внутри и зовущему его Святому Духу, последуя тайному Его мановению, принимается и придерживается той должности, для которой он в мире родился, самым вышним к тому предопределен.

Не везде ли присносущного Божиего естества исполнение? Есть он во всяком человеке. Есть и в тебе, и с тобою. Что ж он делает? Послушай Соломона: «Нетленный Дух Твой во всех есть. Тем же заблуждающих обличаешь и в них же согрешили, вспоминая, учишь, да переменившись от злобы, веруют в Тебя, Господи»¹⁰. Видишь, что живущее в тебе блаженное естество управляет, будто скотом, твоею природою. Сия слепая натура есть ты ж сам, с прихотями своими. И сие-то значит: «Царствие Божие внутри вас есть». Оно не ошибается и лучшим путем поведет тебя, разумей, к тому, к чему ты рожден, да будешь для себя и для братии твоей полезным, нежели чужие советы и собственные твои стремления, о которых написано: «Враги человеку домашние его». А теперь осмотришь, зачем торопишься? Куда забежит твоя необузданность? Зачем хватаешься за должность, не ведая, будешь ли в ней счастливым? Как можно тебе отправить [ее] удачно, не к ней рожденному? Кто может подписаться, что хорошая сия пища будет в пользу твоего желудка? Не лучше ль сам о сем можешь осведомиться? Справься ж сам с собою. Узнай себя. Внемли себе и послушай Господа своего. Есть в тебе Царь твой, Отец и наставник. Внимай себе, сыщи Его и послушай Его. Он один знает, что тебе сродное, то есть полезное. Сам Он и поведет к сему, зажжет охоту, закуражит к труду, увенчает концом и благословением главу твою. Пожалуйста, друг мой, не начинай ничего без сего Царя в жизни твоей! Чудо, что доселе не могут тебя тронуть сии слова: «Ищите прежде Царствия Божиего». Ищи и день, и ночь, вопи: «Да придет Царствие Твое». А без сего наплюй на все дела твои, сколько ни хороши они и славны. Все то для тебя худая пища, что не сродная, хотя бы она и царская. Ах! Где ты мне сыщешь человека, чтоб, избирая стать, сказал: «Да будет воля Твоя!» Сей-то небесный Отец, приводя нас по святой Своей воле к тому, к чему нас родил, Сам и советами утверждает сердце наше, ежедневно оные, как пищу, в душу нашу посылая. И тогда-то дело нашей должности имеет свое существо и силу. Если ж постигло уже тебя Царствие Божие, взгляни на оное и ужаснись. Проси о оставлении долгов твоих за то, что, похитив высочайшую власть, доселе правил житием твоим по советам слепой твоей натуры, не по руководству царственного естества. Сие есть родное искушение, разумей, мучение твое, рождаемое от лукавого духа, в скотской твоей натуре царствующего.

Не думай никто, будто от нашей воли зависит избрать стать или должность. Владеет Вышний царством человеческим, и бла-

жен сему истинному Царю последующий. Сие-то есть быть в Царствии Божием и в счастливой стране твердого мира.

Теперь пришли мне на ум тоскою, скукою, горестью среди изобилия мучающиеся. Сии просят у Бога богатства, а не удовольствия, великолепного стола, но не вкуса, мягкой постели, да не просят сладкого сна, нежной одежды, не сердечного куража, чина, а не сладчайшей оной кесаря Тита забавы¹¹: «О друзья мои! Потерял я день...» Ах, друг мой! Не проси дождя, по пословице, проси урожая: бывает, что и дождь вредит плодоносию.

В *Как важно воспитать в ребенке активное, творческое, созидательное отношение к жизни! Хотя человек и удалился весьма от состояния первозданного Адама, которому было сказано «хранить и возделывать» Едемский сад, хотя и проклята земля за грех Адама, и возделывание ее связано с определенной «скорбью», все же наиболее важное в человеке по-прежнему связано все с тем же предписанием: «хранить и возделывать». «Хранить и возделывать» — пусть не Едемский сад, но все же некий его отблеск — тот удел, который дается каждому человеку. И если человек правильно определяет границы своего удела, то Бог неизменно пробуждает в нем и желание «хранить и возделывать». «Природой» называет Сковорода такое вот присутствие Божественного во внутреннем мире человека, в его душе, когда Образ Божий, таинственно сокрытый в желаниях, стремлениях человека, проявляется в качестве активной причины, «охоты хранить и возделывать». Сказанное проливает свет и на разгадку такого социального явления, как «радость труда». Без пробуждения этой изначальной радости, желания трудиться, улучшать свой удел, труд превращается в рабский, теряет самый главный смысл его — реализация наших творческих возможностей, способствующих, посредством реальных действий, уподоблению человека — Творцу.*

Ермолай. А я вспомнил тех совопросников века сего: «Богословская наука, к чему она? Я-де не священник и не монах...» Будто не всем нужное душевное спасение и будто спасение и спокойствие сердечное не то же есть.

Яков. А я не могу довольно наудивляться ужасному множеству грешащих противу сего тайнописаного Божественного закона.

Не сыщешь столь подлой души нигде, которая не рада бы хоть сегодня взойти и на самое высокое звание, нимало не рассуждая о сродности своей. Сие Царствия Божиего невежество все сердца помрачило. Без сомнения они уверены, будто счастье наше к оному какому-то званию или стати привязано, хотя сто раз слышали о Царствии Божием, которое, если кто сыскал и повиновался, принявшись за природное звание, тому легко все прочее нужное присовокупляется. А без сего и звание есть не звание. И как быть может званием, если я к оному не зван Вышним Царством? Как же зван, если не к тому рожден? Божие

Царство везде присутствует, и счастье во всякой стати живет, если входишь в оное за руководством твоего Создателя, на то самое тебя в мир сей производшего, и во сто раз блаженнее пастух, овец или свиней с природою пасущий, нежели священник, брань противу Бога имеющий.

Почему нам столь подлым кажется хлебопашество, что все оно избегаем? Счастлив, кто родился к медицине, к пиктуре¹², к архитектуре, к книгам... Я их благословенную, как природную, школу (разумей: праздность, упражнение) благословляю и поправляю. Радуюсь, если и сам в одной из сих наук, только бы сие было с Богом, упражняюсь.

Но чем несчастнее земледел, если с природою землю пашет? Признаюсь, друзья мои, перед Богом и перед вами, что в самую сию минуту, в которую с вами беседую, брошу нынешнюю мою статью, хотя в ней состарился, и стану последним горшечником, как только почувствую, что доселе находился в ней без природы, имея сродность к гончарному делу. Поверьте, что с Богом будет мне во сто раз и веселее, и удачнее лепить одни глиняные сковороды, нежели писать без натуры. Но доселе чувствую, что удерживает меня в сем состоянии нетленная рука Вечного. Лобызаю оную и ей последую. Презираю всех посторонних советников бессоветие. И если бы я их слушал, давно бы сделался врагом Господу моему. А ныне раб Его есмь.

Лонгин. Я, напротив того, с удовольствием удивляюсь, сколь сладок труждающемуся труд, если он природный. С каким весельем гонит зайца борзая собака! Какой восторг, как только дан сигнал к ловле! Сколько услаждается трудом пчела в собирании меда! За мед ее умерщвляют, но она трудиться не перестанет, пока жива. Сладок ей, как мед, и слаще сотов труд. К нему она родилась. О Боже мой! Сколь сладкий самый горький труд с Тобою.

Григорий. Некоторый молодчик был моим учеником. Дедина подлинно рожден к человеколюбию и дружбе, рожден все честное слышать и делать. Но не рожден быть студентом. С удивлением сожалел я о его остолбенелости. Но как только он отрешился к механике, так вдруг всех удивил своим понятием без всякого руководителя.

Мертвая совсем душа человеческая, не отрешенная к природному своему делу, подобна мутной и смердящей воде, в тесноте заключенной. Внушал я сие непрестанно молодцам, дабы испытывали свою природу. Жалко, что заблаговременнее отцы не печатлеют сего в сердце сыновьям своим. Отсюда-то бывает, что воинскую роту ведет тот, кто должен был сидеть в оркестре.

Афанасий. Как же не наживать можно шляхетство и солидности грунт?

Григорий. Хватаешься за хвост, не за голову. Сказываю, если хочешь, чтоб сын твой куражно и удачно отправлял должность, ты долженствуешь ему способствовать в выборе сродного

качествам его звания. Сто сродностей, сто званий, а все почтенные, как законные.

Разве не знаешь, что грунт от честно носимой должности — не она от грунта зависит? И не видишь, что низкое звание часто приобретает грунт, а высшее теряет?

Не смотри, что выше и ниже, что виднее и не знатнее, богаче и беднее, но смотри то, что тебе сродное. Раз уже сказано, что без сродности все ничто...

Если кто владеющий грунтом живет счастливо — не потому счастлив, кто владеет им: счастье к грунту не привязано.

Но что владеет по сродности, то разуместь должно о всех внешностей родах. Все ж то внешность, что находится вне человека: грунт, семья, чин и прочее. Чего хочешь, ищи, но не потеряй мира. Шляхетный список вне тебя находится, а ты вне его быть можешь счастливым. Он без мира ничто, а мир без него нечто, без чего нельзя быть счастливым и в самом Эдемском рае. Разве чаешь сыскать рай вне Бога, а Бога вне души твоей? Счастье твое, и мир твой, и рай твой, и Бог твой внутри тебя есть. Он о тебе, в тебе же находясь, помышляет, наставляя к тому, что прежде всех для самого тебя есть полезное, разумеи: честное и благоприличное. А ты смотри, чтоб Бог твой был всегда с тобою. Будет же с тобою, если ты с Ним будешь. А конечно, будешь с Ним, если, примирившись, задружишь с пресладким сим и блаженным Духом. Дружба и отдаленного сопрягает. Вражда и близко сущего удаляет. С природою жить и с Богом быть есть то же; жизнь и дело есть то же.

Слыхал я мальчиком, что на европейские берега выбросила буря дикого человека, оленью кожей обшитого, с такою же лодчкою. Окружил сие чудо народ. Удивляется, соболезнует, приятствует. Предлагает немому гостю разные роды изрядной пищи, но он ничего не касается, сидит, будто мертв. А наконец, как только усмотрел предложенные плоды, тотчас задрожал к ним и воскрес. Сей есть родной образ верной Господу своему души в выборе звания.

Донгин. Живо мне представляются два человека, одно и то же дело делающие. Но от сей души родится приятное, а от той неприятное дело. Сей самую ничтожную услугою веселит, а тот дорогим подарком огорчает. От сей персоны досада, насмешка и самое пуганье некоторую в себе утаивает приятность, а от другой — самая ласковость тайною дышит противностью. Сего хула вкуснее того хвалы...

Чудо! Шило, как притчи говорят, бреет, а бритва не берет. Что за чудо? Сие чудо есть Божие. Он один тайная пружина всему сему. Все действительным, все приятным, все благоприличным делает одно только повиновение сокровенной Его в человеке силе. А противление Святому сему все действующему Духу все уничтожает. По сей-то причине искусный врач неудачно лечит. Знающий учитель без успеха учит. Ученый проповедник без вкуса говорит. С приписью подьячий без правды правду пишет.

Перевернувший Библию студент без соли вкушает. Истощивший в пиктуре век без натуры подражает натуре. Во всех сих всегда недостает нечто. Но сие нечто есть всему глава и конечная красота десницы Божией, всякое дело совершающей. Кратко притчею сказать: «Совсем телега, кроме колес». И не без толку сделали лаконцы. Они полезнейший для общества вымысел, из уст плутовских происшедший, отбросили, а приняли из уст добросердного гражданина, который, по прошению сейма, то же самое своим языком высказал.

Самое изрядное дело, без сродности делаемое, теряет свою честь и цену так, как хорошая пища делается гадкою, приемлемая из урынала. Сие внушает предревняя старинных веков пословица оная: «От врагов и дары — не дары». И слаще меда сия русская притча: «Где был? — У друга. — Что пил? — Воду, слаще неприятельского меду». И подлинно, самая мелкая услуга есть милая и чувствительная, от природы, как от неисчерпаемого родника сердечного, исходящая. Вспомните поселянина, поднесшего пригорстью из источника воду проезжающему персидскому монарху! Вспомните, чему мы недавно смеялись, — мужичка Конона репе, принесенной в дар Людовику XII, королю французскому! Сколько сии монархи веселились грубою сею, но усердно простотою! Зачем же окаеваешь себя, о маловерная душа, когда твой Отец Небесный родил тебя или земледелом, или горшечником, или бандуристом? Зачем не последуешь званию его, уклоняясь в высшее, но не тебе сродное? Конечно, не разумеешь, что для тебя в тысячу раз счастливее в сей незнатной низкости жить с Богом твоим, нежели без него находиться в числе военачальников или первосвященников? Неужель ты доселе не приметил, счастье твое где живет? Нет его нигде, но везде оно есть. Пожалуйста, чувствуй, что разумным и добрым сердцам гораздо милее и почтеннее природный и честный сапожник, нежели бесприродный статский советник. Какая польза, если имя твое в тленном списке напечатано, а Дух Истины, сидящий и судящий во внутренностях твоих, не одобряет и не зрит на лицо, но на твое сердце?

Останься ж в природном твоём звании, сколько оно ни подлое. Лучше тебе попрощаться с огромными хоромами, с пространными грунтами, с великолепными названиями, нежели расстаться с душевным миром, сделав через сопротивление твое внутренним себе неприятелем так чудного, сильного и непобедимого Духа, самые ливанские кедры стирающего.

ВВ *Как важно учить ребенка делать добрые дела, оказывать услуги не-притворно, от полноты сердца! Как важно дать понять ему, что не от «громадья» свершенных дел зависит истинный плод из, который есть радость и счастье тех, для кого эти дела делаются. Самое незначительное дело или услуга может быть мостиком от сердца к сердцу, а уж если сердца встретились и сблизились, то возникает стремление к сотрудничеству, делающее взаимную помощь радостной.*

НЕСКОЛЬКО ОКРУХОВ И КРУПИЦ ИЗ ЯЗЫЧЕСКОГО БОГОСЛОВИЯ

Яков. Позволите ли нечто предложить на стол из языческих закромов?

Григорий. Представь, только бы не было идоложертвенное.

Лонгин. Смотри, чтоб не смердело духом, Христовому благоговению противным. Сие-то значит у Павла бесовская трапеза.

Афанасий. Возможно ли, чтоб пища не была скверная, если она от языческого стола?

Ермолай. А я верую, что она перестанет быть скверною, если Господь освятит оную соблаговолит. Все то святое, что доброе. Все то доброе, что Господу приносится. Все то Господне, духу страха Божиего и Царствию Его не противостоящее. Если ж сам Господь освятит, то кто дерзнет сквернить? Давай сюда! Я прежде всех начну кушать с Господом и перед Господом, немало не боясь Моисеевой угрозы. «Истина есть Господня, не бесовская».

NB *Как известно, язычник — это человек, признающий руководящую роль в мире не за Богом, но за иными началами. К сожалению, очень многие люди, в том числе многие дети, находятся именно в таком вот «языческом» состоянии. Возникали и возникают целые культуры языческого восприятия мира и соответственного действия в нем. При этом языческое восприятие часто бывает связано с элементарной неразвитостью соответствующей души или совокупности душ. И тем не менее Бог действует и через такие души, и богатство премудрости Его проявляется и через них. Посему, как сказано у Павла:*

«...Когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон:

Они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую...» (Римл. 2, 14—15).

Посему-то, по мысли Сковороды, и важно научиться усматривать присутствие Божественного также и в языческом общении, восприятии и культуре. И это полностью согласно с духом истинного христианства, поскольку Христос, как известно, «...трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит...» (Матф. 12, 20).

Яков. Предлагаемое мною не только не восстает против Господа, но сверх того стоит за Ним.

Лонгин. Разве ж ты позабыл, что всяк, кто не против нас, по нас есть? — рассказывает *Истина*. И кто дает быть пророками?... «Разве иудеев только Бог?»¹³ «Ей, и язычников». Дышит везде живущий во всех Дух Господень, и блажен слушающий Его. Сие-то значит похищенное у язычников золото посвящать в храм Господу. И не меньше Богу любезный римский капитан

Корнилий, как самый иудей, втайне обрезан по сердцу, омыт по смыслу.

Яков. Мне кажется, что сия Божественная в человеке сила, побуждающая его к сродности, называлась у древних египтян Исис, Isis, у эллинов — Ἀθηνᾶ, Athena, у римлян — Minerva, сиречь natura. Природа называлась γένιος, genius — *ангел природы*, назывался тож θεός — бог.

Афанасий. А почему называлась Минервою?

Яков. Не знаю, а только думаю потому, что Минерва был человек (мужчина или женщина) к тому рожден, чтоб мог для себя и для своей братии хорошо научиться знать, где обитает счастье. Сему научившийся назывался у эллинов εὐδαίμων, eudemon, то есть хорошо знающий, а благополучие — εὐδαιμονία. Противное ж сему — какодемон, какодемония, у римлян сей хорошо знающий, кажется, назывался divini juris peritus, то есть *хорошо знающий Божие право*. Что же присносушное величество Божие его именем означалось, сие, думаю, сделано для любви к нему и почтения, дабы через любезного человека имя означить вселюбезнейшего, приводящего к счастью и таящегося в каждом человеке Божиего Духа, Который собственного имени для Себя не имеет и с Которым неразрывная была дружба Минервы. Сего Духа, если кто, не слушая, принимался за дело, о сем у язычников была пословица: Invita Minerva — «без благоволения Минервы», а у нас говорят: «Без Бога». И первее так говорено о науках, потом о всем, даже о самом мелочном деле. Если кто без природы сунулся во врачебную науку или в музыку, говорили: Invito Apollone; iratis Musis — «без благоволения Аполлонова», «без милости Муз».

Если кто обращался в купечестве — «без дозволения Меркуриевого».

Если обитал в прекрасных рощах, на полях, на холмах и горах, при чистых реках и прозрачных источниках, уединяясь в лесах и в шумящих птичьим пением садах, избегая человеческого сожительства и брачного союза, но без Бога, говорили: «Без благословения Дианы».

Сколько должностей, столько сродностей. Сии разные к различным должностям Божественные побуждения означались у них разными разных людей именами, своими сродностями прославившихся. Однак все сии дарования столь различные один и тот же Дух Святой действует. Так, как, например, в музыкальном органе один воздух разные через различные трубки голоса производит или как в человеческом теле один ум, однак разно по рассуждению разных частей действует.

Афанасий. По моему мнению, не очень плохо из языческого навоза собираешь золото. Часто загребается в горничном соре монета царская, а родник здоровейшей воды грязью затаскивается.

Яков. Ведь басня о исполинах, воздвигших брань против Бога, всем знакома. Но она не перстом ли показывает на тех

смельчаков, которые дерзновеннее и упрямее Духу Божественному сопротивляются, устремляясь с отчаянным упорством к великому, но совсем природе их не благоприличному званию?

Сие сколь смердит богомерзостью и нечестием, столь, напротив того, благословенное Господом дело, будто полная роза и благоуханный ландыш, сокровенною дышит красотой.

Сия красота называлась у древних *препон* — *decozum*, то есть *благотепление, благоприличность*, всю тварь и всякое дело осуществляющая, но никоим человеческим правилам не подлежащая, а единственно от Царствия Божия зависящая. И кто может человека наставить к тому, к чему сам Бог преградил ему путь?

Отсюда, думаю, родился у них чудный сей философский догмат: *Ὅτι μόνον ἀγαθόν τὸ καλόν*, то есть «Доброта живет в одной красоте». Отсюда у них же следующая пословица: *Ὅμοιον πρὸς ὁμοιον ἄγει θεὸς* — «Подобного к подобному ведет Бог». Она учит, что не только звания, но и высокостепенной дружбы избрание не от нас, а зависит от высшего определения. Наше только дело узнать себя и справиться, в какую должность и с кем обращение иметь мы родились. И как сродность к званию, так и склонность к дружбе ни куплею, ни просьбою, ни насилием не достается, но сей есть дар Духа Святого, все по своему благоволению разделяющего; и последующий благому сему Духу человек каждое звание хвалит, но принимается за сродное; всякому доброжелательствует, но дружит с теми, к кому особое Святого Духа чувствует привлечение. Сему верному наставнику столь усердно последовал Сократ¹⁴, что и в самых мелочах его советов придерживался. Я вам недавно рассказывал, каким образом сей муж, выйдя из гостей, вернулся из переулка и пошел домой другою улицею, по одному только внутреннему мановению, ничего не предвидя.

Афанасий. А если бы не воротился, тогда что такое?..

Яков. То же, что другим, не последовавшим. Нечаянно на встречу гонимое стадо свиное всех их перемарало, как видно из книги Плутарховой об ангеле-хранителе Сократовом. И нельзя поверить, чтоб сей муж, находясь в беседах, не по большей части беседовал о сем премудром наставнике и главе счастья. Оттуда носится и у нас премудрая сия пословица: «Без Бога ни до порога, а с Богом хоть за море». А когда таких беседников не стало в Афинах, тогда источник, напояющий сад общества, и родник мудрости совсем стал затаскан и забит стадами свинными. Стада сии были сборища обезьян философских, которые, кроме казистой маски (разумей: философскую епанчу и бороду), ничего существенного от истинной мудрости не имели. Сии растлением испортили самое основание афинского юношества¹⁵. Оно и вздумать не могло, дабы заглянуть внутрь себя к Божественному своему предводителю. Беспутно стремились вслед бешеных своих замыслов, будто олень, которого крыльями бьет по очам сидящий на рогах его орел, дабы как можно пробраться к знатнейшим званиям, нимало не рассуждая, сродны ли им те звания и

будут ли обществу, а во-первых сами для себя полезными. Только бы достать блистательное, хоть пустое оно, имя или обогатиться.

Судите, какое множество там было пожаловано ослов мулами, а мулов лошаками. Тогда-то богочтение превратилось в яд, раздоры — в суеверие и лицемерие, правление — в мучительство, судейство — в хищение, воинство — в грабление, а науки — в орудие злобы. Сим образом, воинствуя против Минервы, сделали себе защитницу свою враждебною, а республику погибельною.

Афанасий. Или я ошибся, или ты твою языческую деву Минерву не беззаконно обрезал, но так, как велит обряд обрезания, дабы непорочно посвятить ее Господу Богу нашему. Она перестает быть идолослужительною, не означая впредь тленную плоть и кровь, но служит являющемуся под именем, будто под одеянием ее, тому, о ком написано: «Вы есть храм Бога живого, и Дух Божий живет в вас». Кратко скажу: ныне египетская Исис и именем, и естеством есть то же, что павловский Иисус. «Знаю человека...» Но скажи мне, каковы были афиняне в то время, когда Павел к ним пришел, мудрые ли?

Яков. Если бы ты презнал все твои телесные члены, минув голову, и от самого рождения твоего, не веруя о пребывании ее, можно ли почтить тебя за знатока или за изрядного анатомика?

Афанасий. Фу!.. В то время был бы я самое изряднейшее чучело.

Яков. Тогда бы ты был родной Павловых времен афинянин. Скажи мне, какая мудрость быть может в непознавших естества Божиего? Одно тленное естество в сердцах их царствовало. Зевали они не мирскую машину, но одну только глинку на ней видели: глинку мерили, глинку считали, глинку существом называли, так, как неискусный зритель взирает на картину, погрузив свой телесный взор в одну красочную грязь, но не свой ум в невещественный образ носящего краски рисунка, или как неграмотный, вперивший тленное око в бумагу и в чернила букв, но не разум в разумение сокровенной под буквами силы. А им и на ум не входило сие нетленного нашего человека чудное слово: «Плоть — ничто, дух животворит»¹⁶. У них то только одно было истиною, что ощупать можно. Глиняные души — те их защитники. Каждое мнение — то их божок, а каждый божок — то их утешенье. Собачьей охотою чествовали Диану, математикою — Юпитера, или Дия, мореплаванием — Нептуна. Иного бога чтили оружейным бряцанием, иных великолепными пирами и уборами и прочее.

Одно только осязаемое было у них натурою или физикою, физика — философиею, а все неосязаемое — пустою фантазиею, безместными враками, чепухою, вздором, суеверием и ничтожностью. Кратко сказать, все имели и все разумели..., кроме что, не узнав нефизического, нетленного Бога, с ним потеряли *нечто*, разумеи: «мир душевный».

А хотя чувствовали, что как-то, что-то, чем-то тайным ее каким-то ядом жжет и мятжит сердце их, но оно как неосязаемое, так и презираемое было дотоль, доколь сия искра выросла в пожар неугасаемый. Бывает же сие в каждом, что хотя весь мир приобрести удастся, однак невысказанными вздыханиями сердце внутри вопиет о том, что еще чего-то недостает нечто и будто странная и ненатуральная у больного жажда не утоляется.

Так же то сделалось и с афинянами: они чувствовали, что вся Вселенная мудрость их прославляет, которою будто богатыми товарами род человеческий снабжали. Но при всем том принуждены внимать тайному сердечному воплю. Начали догадываться, что доселе не все-на-все перезнали и что, конечно, нужны еще какие-то колеса для коляски.

Сей недостаток своего хвального и прехвального одной только Иезекиилевских колес вечности непонимающего разума¹⁷ поставленным монументом признали перед целым светом. Кроме любезнейших своих богов, которые всю их мудрость, будто ложные камни столп, по частям составляли, построили храм тому богу, которого сияния, как очи, кровью играющие, солнечного света понять и снести не могли. Храм тот был с сей надписью: «Неведомому богу»¹⁸.

Павел наш, между множеством кумирниц сей храм приметив, ухватился за желанный повод к благовестию. Начал предисловие, что афинского шляхетства мудрость по всему видна, но что еще нечто к совершенной их мудрости недостает, однак..., как сами в сем благородною оною надписью признаются. Сего ж то вам благовестую. Стал странник сей разгребать физический пепел, находить в нем Божественную искру и то господственное естество, которое им, кроме пепельной природы, понятно не было; показывать, что пепельное или глиняное естество, в котором сердце их обитало, есть идол, разумеи: видимость и одно ничто, тьма и тень, свидетельствующая о живой *Натуре*, нетленным *Словом* своим века сотворившей, и что сие *Слово* есть Второй Человек в земном теле нашем, жизнь и спасение наше... И сие-то есть благовестить нетление воскресения. Но можно ль излечить больного, почитающего себя в здоровых? Нет труднее, как вперить истину в глупое, но гордое сердце. Проповедь воскресения сделала Павла нашего буйством у афинян и игрушкой у их мудрецов. Отсюда-то породились его речи: «Мнящие мудрыми быть, обезумели»¹⁹. «Где премудрый? Где книжник?...» Вот сколь мудрые были афиняне во время Павла!

Григорий. Видно, что они Любомудрствовали так, как медведь пляшет, научен в рожке.

Афанасий. Конечно, пляшет по науке своей; и есть пословица: «Медведя да учат».

Григорий. Учат, но веки ему не уметь.

Афанасий. Почему?

Григорий. Потому, что сие дело человеческое, не медвежье.

Афанасий. Однако же он пляшет.

Григорий. И волк в баснях играет на флейте козленку.

Афанасий. А для чего не играть, если научился?

Григорий. Какой сей капельмейстер, такой твой танцмейстер.

Афанасий. Иное дело басня, а медведь пляшет действительно.

Григорий. Если ты так действительно кушаешь, как он пляшет, чуть ли и сам заохотишься танцевать.

Афанасий. Как же недействительное то, что дело?

Григорий. Без вкуса пища, без очей взор, без кормила корабль, без толку речь, без природы дело, без Бога жизнь есть то же, что без размера строить, без закроя шить, без рисунка писать, а без такта плясать... Спроси ж теперь, как недействительное то, что дело?

Афанасий. Для чего ж забавно, когда он танцует?

Григорий. Для того, что смешно, а смешно затем, что не сродно и неприлично. Итак, нет бестолковее и вреднее, как медвежья твоя половица. Будь волк поваром, медведь мясником, а жеребчик под седоком. Сие дело честное. Если ж волк играет на свирелке, медведь пляшет, а жеребчик носит поноску, нельзя не смеяться. Всякая безвредная неприличность смешит. А когда уже стал волк пастухом, медведь монахом, а жеребчик советником, сие не шутка, но беда. О, когда б мы проникли, сколь сие обществу вредно! Но кто может пектись о других пользе, презрев собственную? И если для себя зол, кому добр будет? Самим себе суть убийцы, борющиеся с природою. Какое мучение трудиться в несродном деле? Само пиршество без охоты тяжелое. Напротив того, в природном не только труд сладок, но и сама смерть приятна.

И сия-то есть вина тому, что во всяком звании находятся счастливые и несчастливые, спокойные и беспокойные, куражные и унылые. Запри несродного в уединение, оно ему смерть, а с природою — рай. «Уединение для меня — рай, — вопиет блаженный Иероним, — а город — темница». «О уединение! — кричит другой, ему подобен, — умерщвление порокам, оживление добродетелям!..» Для таковых сердец самая внутренняя пустыня тем многолюднее, чем уединеннее, а дельнее тем, чем празднее; будто виноградная ягода тем в сладкой своей силе богатеет, чем варит и сокращает ее солнце в полудни.

Афанасий. Зачем же люди сунутся в звания без природы?

Григорий. Самих их спроси.

Афанасий. Конечно, охота влечет их.

Григорий. Конечно, те не виноваты, коих принуждают к сему.

Афанасий. А если охота, откуда ж им мучиться? С охотою все приятно. А где охота, там и природа. Охота по твоей же сказке есть родная дочь природы. Как же?..

Григорий. О крючкотворная тварь! Как прехитрый змий, вьешься, развиваешься в разные свертки.

Афанасий. Пожалуйста, не сердись! «Как лстецы и истинны».

Григорий. Хорошо: выслушай же прежде басенку.

БАСНЯ О КОТАХ²⁰

Кот из пчельника по давнему знакомству пришел в деревню к своему товарищу и принят великолепно. Удивлялся во время ужина изобилию.

— Бог мне дал должность, — сказал хозяин, — она приносит на дом мой в сутки по двадцать туш самых добрых мышей. Смею сказать, что я в деревне великим Катонем.

— Для того-то я пришел повидаться с вами, — говорил гость, — и осведомиться о счастии вашем, притом и ловлею позабавиться. Слышно, что у вас хорошие появились крысы.

После ужина легли спать. Хозяин во сне стал кричать и разбудил гостя.

— Конечно, вам страшное нечто во сне явилось?

— Ох, братец! Казалось, будто я утоп в самой бездне.

— А я ловлею веселился. Казалось, будто поймал самую чистую сибирскую крысу.

Гость опять уснул, выспался и проснулся. Услышал вздыхающего хозяина.

— Господин Катон! Ужель вы выспались?

— Нет! Я после сонного страшилища не спал.

— Ба! А для чего?

— Такая моя натура, что, раз проснувшись, уснуть больше не могу.

— Что за причина?

— Тут есть тайна... Ах, друг мой! Не знаешь, что я обязался быть рыболовом для всех котов в сем селении. Ужасно меня беспокоит, когда вспомню лодку, сеть, воду...

— Зачем же ты взялся за рыболовство?

— Как же, братец? Без пропитания в свете не проживешь. Сверх того и сам я к рыбе большой охотник.

Гость, пошатав головою, сказал:

— О государь! Не знаю, в каком смысле понимаешь: имя сие Бог. Но если бы ты придержался твоей природы, которую безвинно обвиняешь, был бы гораздо одною в сутки тушею доволен. Прощай с твоим счастьем! Моя нищета лучше.

И возвратился в свой лесок.

Отсюда родилась притча сия: *Catus amat pisces, simul odit flumen aquatum* — «Кот охотник к рыбе, да воды боится». Сие несчастье постигает всех охотников не к званию, но к доходам. Не несчастное ли рассуждение — любить от хозяина платеж, а виноград копать не быть охотником? Конечно, тот не охотник, кто

не природный. Природному охотнику больше веселия приносит сама ловля и труд, нежели поставленный на стол жареный заяц. На искусной живописи картину смотреть всякому мило, но в пиктуре один тот охотник, кто любит день и ночь погружать мысли свои в мысли ее, примечая пропорцию, рисуя и подражая натуре.

Никто не пожнет твердой славы от какого-либо художества, если около одного трудиться не почтет за сладчайшее, саму славу превосходящее увеселение. А тот уже самый верный друг званию своему, если и сама доходов убыль, нищета, хула, гонение любви его угасить не могут. Но без природы труд сладок быть никак не может.

Многие, презрев природу, избирают для себя ремесло самое модное и прибыльное, но вовсе обманываются. Прибыль не есть увеселение, но исполнение нужности телесной, а если увеселение, то не внутреннее; родное же увеселение сердечное обитает в делании сродном. Тем оно слаще, чем сроднее. Если бы блаженство в изобилии жило, то мало ли изобильных? Но равнодушных и куражных скудно.

Изобилием снабжается одно только тело, а душу веселит сродное делание. Сия-то есть зала сладчайшего ее пиршества. Тут-то она, будто хитрая машина, на полном своем ходу обращаясь, радуется и, находясь при одном ржаном хлебе и воде, царским чертогам не завидует.

КАРТИНА ИЗОБРАЖЕННОГО БЕСА, НАЗЫВАЕМОГО ГРУСТЬ, ТОСКА, СКУКА

Если же отнять от нее сродное действие, тогда-то ей смертная мука. Грустит и мечется, будто пчела, закрытая в горнице, а солнечный светлейший луч, окошко пронзающий, зовет ее на цветonoсные луга. Сия мука лишает душу здравия, разумеи, мира, отнимает кураж и приводит в расслабление. Тогда она ничем не довольна, мерзит и состоянием, и селением, где находится. Гнусны кажутся соседи, невкусны забавы, постылы разговоры, неприятны горничные стены, немилы все домашние; ночь скучна, а день досадный; летом зиму, а зимою хвалит лето; нравятся прошедшие авраамские века, или сатурновы; хотелось бы возвратиться из старости в молодость, из молодости в отрочество, из отрочества в мужество; хулит народ свой и своей страны обычаи, порочит натуру, ропщет на Бога и сама на себя гневается. То одно сладкое, что невозможное; вожденное — что минувшее; завидное — что отдаленное. Там только хорошо, где ее нет, и тогда, когда ее нет. Больному всякая пища горькая, услуга противна, а постель жестка. Жить не может и умереть не хочет.

Злость у врачей есть предводительница всех телесных болезней и возмущений. А душевное неудовольствие дверь есть всем сердечным страстям и внутренним обуреваниям.

Не виден воздух, пенящий море, не видна и скука, волну-
ющая душу; не видна — и мучит; мучит — и не видна.

Она есть дух мучительный, мысль нечистая, буря лютая.

Ломают все и возмущают, летает и садится на золоченых кры-
шах, проникает сквозь светлые чертоги, сидит у престолов силь-
ных, нападает на воинские станы, достает в кораблях, находит на
Канарских островах, внедряется в глубокую пустыню, гнездится
в душевной тоске...

Ведь тоска везде летает,
На земле и на воде;
Сей дух молний всех быстрее
Может нас сыскать везде.

Один Вышний Отец бурю сию в тишину обратить, управить к
гавани, а душу сродным деланием, будто браздами и уздою буй-
ную скотину, удержать может.

Афанасий. О брат! Странное влагаешь в уши мои... А на-
род скуку ни во что ставит и к прогнанию сего неприятеля за че-
ресчур достаточное оружие почитает деньги, вино, сады, музыку,
шутки, карты, поездки...

Григорий. О друг мой! Не ничто есть то, что возрастает в
великое. Не почитай малым то, что ведет за собою немелкос.
Малая в корабле скважина впускает внутрь страшную течь. Не
думай, что невидное и бессильное есть то же. А народ, одно то за
существо почитая, что в кулак схватить может, там боится, где
нет страха, и напротив того.

Вексель не бумагою и чернилами страшен, но утасненным там
обязательством. Бомба не чугуном опасна, но порохом или ута-
енным в порохе огнем.

Все невидное сильнее есть своего видного и от невидного за-
висит видное.

Скука у древних христианских писателей названа бесом уны-
ния. Чего сия ожившая искра не делает? Все в треск и мятеж об-
ращает, вводит в душу все нечистых духов ехидниное порожде-
ние. Грызущая мысль не червь ли неусыпающий и не ехидна ли
есть? Палящая печаль или зависть не лютый ли дух есть и не лю-
тая ли мысль? А мысль злая не тайный ли и лютый есть язык, о
котором сын Сирахов: «Зубы его — зубы льва, убивающие ду-
шу»²¹.

Сие столь тяжело, что лучше душа изволит несродное и вред-
ное бредить, нежели быть от природного дела упраздненной.

Отсюда всех безобразных дел страшилища и саморучные себя
убийства.

А когда Апостол Яков рассказывает²², что маленькая частица —
язык, но будто кормило кораблем, целым владеет телом, — так
не мысль ли движет и правит телом? Мелкая языка частица есть
одна видная тень и будто шумящий воздухом часовойный коло-

кольчик, а сама пружина и существо есть мысль. Мысль есть невидная глава языка, семя делу, корень телу. Мысль есть язык немолчаливый, неослабная пружина, подвижность непрерывная, движущая и носящая на себе, будто обветшающую ризу, тленную телесную грязь, прильнувшую к своей мысли и исчезающую, как тень при яблоне.

Видишь ли, друг мой Афанасий, что невидное сильнее есть своего видного и от невидного зависит видное.

К сему хору пришедевается Иеремия, называя человеком не телесный вид, но сердце, как неисчерпаемое сокровище мысленных тайн. «Глубоко сердце человека... и человек есть...» (глава 17).

Если сердечное око — семя злое, тогда все тело злое и всякое дело приносит плоды горести. Горестному источнику грустные поточки.

В *Как важно учителю устанавливать с учениками доверительные и даже сердечные отношения! Ведь именно сердце (естественно, духовное, а не физическое), по мысли Сковороды и цитируемого им Иеремии, является истинным хранилищем личности человека. Посему именно через сердечные отношения с друзьями, учителями, просто со взрослыми ученик научается различать различные грани сердечного общения, начинает видеть главенствующую роль сердца в осуществлении человека как личности. И вследствие этого ему может открыться путь к творческим источникам, хранящимся в сердце.*

Афанасий. Ты заврался, дружище... Я слышал и уверен, что Иеремиино слово касается Библии. В ней тлен образов подобен телу, а сокровенное в образах Божие ведение подобно утаенным в теле сердечным мыслям. Яснее пересказать слово его так. Библия есть будто один человек²³ или Адам. Глину и тело его всяк видит, а сердце закрыто, и дух жизни в нем не виден. Сие то же есть, что у Павла: «Кто разумеет ум Господень?»

Григорий. Узнай же прежде самого себя, тогда познаешь и Адама с Евюю. Разве нельзя мне библейного слова речь причотить к человеку, когда вся Библия уподобляется человеку? Для того-то сиречь сделал пророк человека образом двоестественной Библии, что одно в нем есть видное, второе невидное, так, как сердце морское или тончайшая вода в облаке, из моря исходящем.

Афанасий. По крайней мере ты, братец, не туда заехал. «Ехал в Казань, да заехал на Рязань». Течение нашей речи было о природных упражнениях, о веселии и мире, а теперь дело дошло до сокровищ мысленных, потом докатится до сокровищ снежных, что в Иове...

Григорий. Пожалуйста, не печалься! Не очень в сторону заехали. Веселие и радость недалеко от сердца, а сердце всегда при своих мыслях, как источник при своем течении.

Афанасий. Ну, добро, быть так. Скажи же мне: для чего иной сроднее к низшей должности и к подлейшему ремеслу?

Григорий. А ты мне скажи: для чего иному пища простая здоровее?

Афанасий. Конечно, для того, что сроднее.

Григорий. Так и сроднее иной к подлейшему ремеслу для того, что для него оно полезнее.

Афанасий. Для чего же, скажи мне, и почему полезнее?

Григорий. Потому, что куражнее, забавнее и веселее.

Афанасий. Так ты только мне скажи, почему веселее?

Григорий. Потому, что с Богом. Без Бога ничто не веселит. О чудной ты вопросник!.. Ведь когда сродно, тогда и с Богом. Чего ж тебя далее спрашивать? Довольно только спросить: сродно ли, сиречь хочет ли Бог? Воля Божия есть то верх и закон законов; не ходи далее. А ты спрашиваешь, почему сродно? Сиречь почему так Бог хочет? А если должен Он тебе дать отчет в делах Своих, спроси Его и требуй в ответ: почему Он землю и воду сделал преклонными долу, а воздух и огонь стремительными вверх? Для чего огонь все съедает, кроме виссона, или каменного льва обратить в пепел не родился? Почему малая рыба, названная у римлян *гемога*, имеет сродность удержать стремление корабля, прильнувши к его брюху? Почему природа дельфинов любит горячо человека, но змиина ненавидит, а львиная трепещет из-за поющего петуха?.. Природа и сродность значит врожденное Божие благоволение и тайный его закон, всю тварь управляющий; знать то, что есть подобие в душе и в том деле, к которому она стремится, как равенство между другом и другом, а сходство между пищею и желудком. «Подобное течет к подобному». Царствие Божие и правда Его внутри тварей есть. Никого Он не обижает, вливая закон сродностей. Один к одному, другой к другому, сотый к сотому, хотя к подлому званию или ремеслу, но не к бесчестному, а для него забавному и полезному, если устремляется с Богом, счастлив.

Что тогда было бы, когда бы Бог блаженство наше заключил в одном каком-либо звании? Тогда бы счастье ограничено было теснотою одной стороны и одного только времени. Тогда мог ли бы Бог в одной стороне и в одном времени поместить весь род человеческий, когда каждому счастье нужно? Возможно ль, чтоб в одном роде пищи или в двоих заключилось здравие? Всемирная Божия экономия бесчисленную тварь и дыхание троих только жребиев пищею пропитать может ли?

Все то одно: не можно и бесполезно. Если бы было полезно, было бы и можно. А не мочь бесполезного сделать — сие есть неизреченная сила Его и власть.

Сколько же теперь премудро делается, что одной твари бывает ядом и смертью, то ж для другой едой и здравием. Сколько родов твари, столько родов пищи, и всякое дыхание имеет внутрисний

позыв к сродной себе. Когда ж Отец наш Небесный столько заботится о теле, тогда о душе много больше.

В Мысль о том, что ничего нет в созданном Богом мире «самого по себе» вредного или полезного, очень важна. Она способна подводить учащегося к понятию о единстве всего сотворенного, о совершенстве Творца, мудро сочетавшего свойства тварей таким образом, что у каждой из них есть цель и назначение, смысл существования, иногда явный, иногда сокрытый. Отрицание, игнорирование целесообразности и взаимопользости всего сущего приводит к преступному опустошению природы, а также и к дискриминации — национальной, социальной и т.п., а в своих крайних выражениях — к таким уродливым явлениям, как фашизм с его «расовыми чистками». Напротив, благодарное приятие всего сущего, нахождение доброго и благого смысла во всем было отличительной чертой праведников и мудрецов всех времен и народов.

ПРИМЕТЫ НЕКОТОРЫХ СРОДНОСТЕЙ

Афанасий. Трудно узнать свою природу, а чужую познать и того труднее. Узнаешь, да поздно. Черепаха ошибку почувствовала, как начала лететь.

Григорий. Не упоминай мне трудности в нужном деле. Нельзя никак, чтоб натура нужное сделала трудным. Не нужно, сиречь не полезно, а тем-то и трудно лететь черепахе, но не соколу. Трудно-де узнать... Да где ж тот, кто охотник узнать? Сложившему крылья трудно лететь и самому орлу. Знаешь ли, что землемеры узнают высоту превысокого Фарийского терема²⁴ из одной его тени?

Всякая тайна имеет свою обличительную тень. Трудно распознать между дружеским и ласкательским сердцем, но наружная тень, будто изыскательное стекло, и самые сердечные закоулки ставят на виду острым блюстителям.

Смотри, когда мальчик, сделав для игрушки воловье ярмо, налагает его щенкам или котикам, — не сия ли есть тень хлебопашеской в нем души? И не позыв ли к земледелию?.. Если приплясывает саблю, — не аппетит ли к воинствованию?..

Когда трехлетний отрок самовольною наслышкою перенимает Божественные песни, любит заглядывать в священные книги, перекидывать листы, смотреть то на таинственных образов картинки, то на буквы, — не сие ли обличает тайную искру природы, родившей и зовущей его в упражнение богословское? Невидимая Его сила в нас и Божество, беспритворными сими творениями разумеемая, ясно изображается.

Зачем же блаженство ограничивать в одном жития роде или в двоих?

Бог везде есть, и счастье во всяком состоянии, если с Богом в оное входим. Нужно только узнать себя, куда кто рожден. Лучше быть натуральным котом, нежели с ослиною природою львом.

Гоняться в звании за доходами есть неложный знак несродности. Не лишишься доходов, если будет в тебе Царствие Божие в силе своей.

Не чудо ли, что один в изобилии скуден, а другой в скудости доволен? Видно, что природа больше прилагает хитрости, вылеп-ливая фигуру мурашкину, нежели слона, и дивнейший Царствия Божия смысл можно видеть в пчелиных роях, нежели в овечьих и воловых стадах.

Бог богатому подобен фонтану, наполняющему различные сосуды по их вместимости. Над фонтаном надпись сия: «Неравное всем равенство».

Льются из разных трубок разные струи в разные сосуды вокруг фонтана стоящие. Меньший сосуд менее имеет, но в том равен есть большему, что равно есть полный. И что глупее, как равное равенство, которое глупцы в мир ввести зря покушаются? Куда глупое все то, что противно блаженной натуре?.. Боимся голода, не помня, что гораздо множайшие умирают от пресыщения. Глупая грусть сама не знает, чего желает. Само пресыщение не от скуки ли? Лучше умереть, нежели всю жизнь тосковать в несродностях. Несродность всякой праздности есть тяжелее. И легче не ползать, нежели летать для черепахи. Не ползая, лишается только сродной забавы, а летая стонет сверх того под несродным бременем.

Яков. Слушай, Афанасий! Слыхал ли ты басню о дворовом псе и осле, что...

Афанасий. Да, довольно мы третьего дня смеялись, как он, завидуя собачьим ласкам, спятился копытами на брюхо хозяину. Как черепахе не бывать орлом, так ослу придворным человеком.

Ермолай. А скажи, которую награду получил осел, встретивший хозяина придворною ласкою?

Афанасий. Ту, что служитель, снявший с королевского платья в присутствии блоху.

Лонгин. Таких всех точный есть герб — обезьяна. Дивно, что они ее не вырежут на своих печатях. На печати Августа кесаря была сила: *Festina lente* — «поспешай с советом». А на их печать пристало слово: «Дерзай, хоть не кстати». Общий наш друг — вы знаете, кто мне в уме, — написал басню о козленке и играющем на свирели волке, приточив к ней следующее наставление: *Tu nihil invita dices faciesve Minerva*, сиречь «Не говори и не делай ничего без благоволения Минервы». Довелось у него спросить, что значит древняя пословица: «Без благоволения Минервы»? Ответил: «Не пялся к тому, что не дано от природы». «Без Бога, знаешь, нельзя и до порога». «Если не рожден,

не суйся в книжечество». Ах, многие через то в вечную пали муку, не многих мать родила к школе.

Хочешь ли блаженным быть? Будь доволен долею твоей природы.

Самая его аффабуляция, вот она: Tu nihil invita dices faciesve Minerva. Quae natura negat, scilicet illa fuge. Si non est natus Musis, fuge discere Musas. Heu! Multos perdit fistula docta viros. Paucos justa parens Musis Natura creavit. Esse ne vis felix? Sorte quiesce tua.

Изрядно великая Россия говорит: «За Богом пойдешь, добрый путь найдешь». Видно, что усердно последовать Богу есть сладчайший источник мира, счастья и мудрости. Да знает же всяк свою природу и да искушает, «что есть благоугодно Богу». Общество есть то же, что машина. В ней замешательство бывает тогда, когда ее части отступают от того, к чему оные своим хитрецом сделаны.

Сродность к хлебопашеству

Слушай, Афанасий! Скажи ж теперь, какой ты зверек, что за птичка и чем рожден?.. Мне кажется, ты рожден к земледельству.

Афанасий. Правда, что я сады, поля, леса люблю по природе, но отец мой есть точный земледел.

Лонгин. Слава Богу! Ты к сему родился затем, что иные к иному; а они рождены к другому потому, что ты к сему. Божие Царство есть: не спорь же. Прибирайся пахать землю, заготавливать пищу для людей и скотов, водить стада или пчел или что твой в тебе Господь повелит. Не бойся: самый в делании твоём труд будет для тебя сладчайший, нежели благовонный воздух, чистые вод потоки, птиц пение, нежели и самые трудов твоих плоды. Сего ожидает от тебя отечество твое.

Если же не повинуюешься Господу, знай, что грусть загрызет душу твою среди золоченых палат и заплачешь, вспомнив поля зеленые. Рано скажешь: «Когда тот день пройдет?..» А вечером скажешь: «Когда тот рассвет будет?»

Или скажу тебе мойсеевскими словами²⁵: «Будет жизнь твоя висеть пред очами твоими, и убоишься днем и ночью и не будешь верить жизни твоей. Утром скажешь: «Когда будет вечер?..» И вечером скажешь: «Когда будет утро?..» От страха сердца твоего им же убоишься, и от видений очей твоих ими же узришь».

Сие-то есть жить в телесном изобилии, а лишиться душевного утешения, иметь Господа своего, висящего над очами твоими и не покрывающего, будто гнездо и птенцов своих, но быющего по сердечным зеницам, как орел оленя, сидящий на рогах его.

В Как легко человеку, Воспитанному на почитании видимых ценностей, поддаться соблазну из умножения, т.е. соблазну обогащения! И того не понимает такой вот «телесный» человек, что, насыщая

лишь тело, он оставляет душу голодной. Истинным же питанием для души, носящей в себе отблеск, отражение всех атрибутов Бога, может быть только непосредственное общение с Творцом, или восприятие Его слова, или взаимопользное и доброе общение с другими душами. И то, и другое, и третье — все эти способы «питания» и «утешения» души, мягко говоря, слабо совместимы с психологией эгоистического умножения «телесного изобилия».

Афанасий. Уже вы другой раз вспоминаете орла с вашим оленем.

Лонгин. Довелось читать, что орел, оленя на пищу убить намереваясь, прежде катается по песку, чтобы засорить крылья, потом взлетает на оленя и, сидя на рогах, бьет крыльями по очам, пока то ударами, то песком ослепит. А слепой олень быстрее стрелы по холмам устремляется и, избежав на стремнины, падает в бездну и разбивается. «Блаженны слышащие слово Божие и хранящие его». Друг мой, Афанасий!..

Сродность к воинству

...Может быть, ты воином родился?

Афанасий. Не хочу... Я не воин. Я законник. Гражданские законы знать — то мое дело.

Яков. Дай Бог вам знать законы да и вкус чувствовать. Татьяна радует, однако знает закон: «Не укради».

Ермолай. Что до меня надлежит, куда мне мил всяк человек в сродности своей! Не могу довольно насладиться зрелищем, когда он действует, и его действие, как смирна, издает благовоние. И воином кто рожден, дерзай, вооружайся!.. С природою скоро научишься! Защищай земледельство и купечество от внутренних грабителей и внешних неприятелей. Тут твое счастье и увеселение. Береги звание, как око. Что слаще природному воину, как воинское дело? Закалывать обиду, защищать страждущую и безоружную невинность, заступать общества основание — *правду* — сей есть его пресладкий завтрак, обед и ужин. Не бойся: с Богом легко тебе будет нести голод, жажду, холод, жар, бессонницу, кровокаплющие раны и самый страх смертный, и гораздо легче, нежели без Него, противное сему, да уразумеешь, сколь сильная природа. Сие воинское горе с Богом тебе будет во сто раз приятнее рангов и доходов твоих. Ранг носить может всяк, но дело действительное делает один тот, кто природный. Дело и без ранга дело, но ранг без дела ничто, а дело без Бога.

Если ж, звание Божие презрев, пойдешь вслед своих прихотей и посторонних советников, не забудь проститься навек со всем утешением, хотя бы ты схоронился в роге изобилия, и, боясь умереть телом, станешь всеминутно терпеть душевную смерть.

Отнять от души сродное делание — значит ее лишить живности своей. Сия смерть лютая. Знаю, что щадишь тело, но убиваешь душу. Сия замена есть худа.

Не понимаю, к чему иметь меч, если не то сечь, на что он выкован. И не разумею, к чему носить тело, если щадить, на то терять, к чему кто им одет. Поверь, что самая Мафусала жизнь вся пропала и самый есть ад, если не истощена на то, к чему тебе Господь твой дал оную. Сколь сладкая здравия и лет трата в главноприродном деле! Тогда-то жизнь наша бывает жертвою благоухания Господу. Опера, книга, песня и жизнь не от долготы, но от благолепия и доброты цену свою получают. Цена всему и благолепие — Бог. «Красота в деснице Твоей...» С Богом краткая жизнь исполняет долгие лета, а дело с Ним есть само себе верховная награда.

Афанасий. Но что значит то, что говорят студенты: *Ans perfcit naturam*.

Григорий. Правда, что наука приводит в совершенство сродность. Но если не дана сродность, тогда наука что может совершить? Наука есть практика и привычка и есть дочь натуры. Птица может научиться летать — не черепаха.

Куда мы хитры находить вылазку, где не надобно! Удивительно, что всякая тварь последует Создателя предводительству. Один через непослушание человек глупо-мудрою делается мартышкой, засмотревшись на слепую моду, не на мановение прозорливой природы. Кто зовет в леса и сады род соловьев и дроздов, на поля жаворонков, а жаб в воды и болота? Кто ведет речные потоки к морю? Кто влечет к магниту сталь? Кто устремляет дрожащий пламень вверх? Сей есть Бог наш, всеми царствующий и всем все домостроящий.

Все то сродное, что природное, и симпатия (*συμπάθεια*) значит природную сродность, касающуюся к дружбе, к пище, а паче всего к избранию звания.

Если кто счастливо живет в изобилии, не потому счастлив, что в изобилии, но что в изобилии с Богом. А без сего гораздо его счастливее природный нищий. Не все рождены к изобилию.

Если математик, медик или архитектор счастлив, конечно, счастье то зависит от природы, родившей его к тому. А без нее он бедная и смешная тварь. С Богом святым низкое возводится, а без Него низводится и высокое. Счастье наше внутри нас... пускай никто не ожидает счастья ни от высоких наук, ни от почтенных должностей, ни от изобилия... Нет его нигде. Оно зависит от сердца, сердце от мира, мир от звания, звание от Бога. Тут конец, не ходи дальше. Сей есть источник всякой утехи, и Царствию Его не будет конца.

Да умножит же Господь Царствия Своего благовестников! Да возобновит время, написанное у Исаии: «Они же до конца не премолкнут поминать Господа». Да вострубят и возопиют те, о которых Сам милостиво изволит спрашивать: «Какие суть, которые как облака летят и как голуби с птенцами ко Мне?» Да воссияет всевожделеннейший день оный! «Светися, светися, Иерусалим!.. Се тьма покроет землю и мрак на язычников. На тебя же явится Господь»²⁶.

Сии проповедники, как из червячков пчелы, рождаются из студентов. Студент ли ты рожден? Смотри ж, так ли оно? Ты, может статься, червячок, но подложный: из сих рождаются трутни. Они вначале с великим шумом ведут свой хор, но, наконец, бывают постыдны и изгнаны из дома Божиего.

Несколько ты, может быть, к сему родился, но главное твое рождение для иного дела. И как быть можешь проповедником, находясь сам Царствию Божию противником? Внемли ж себе, испытай опасно. Осмотрись исправно.., а если оно точно так и не тщеславие, не прибыль, но сам Господь тебя зовет врожденною к самому делу любовью, ступай вслед Его и прибирайся к званию. Оставь все дела. Для того ты к сему рожден, что другие к другому.

Избегай молвы, объемли уединение, люби нищету, целуй целомудрие, дружи с терпением, учись священным языкам, научись хоть одному твердо и будь в числе наученных для Царствия Божия книжников, о коих Христос: «Всяк книжник, научившийся Царствию Божию...» Вот для чего сии книжники учатся языкам. Не бойся! Голод, холод, ненависть, гонение, клевета, ругань и всякий труд не только сносен, но и сладостен, если ты к сему рожден. Господь твой — сила твоя. Сие все сделает тебя острее и крылатее. Устремление природы, будто ключевой поток или пламень, быстрее рвется через препятствия. Раскланяйся с древними языческими философами. Побеседуй с отцами вселенскими. Наконец, пойдешь в землю израильскую²⁷ в самый Вифлеем, в дом хлеба и вина, в священнейший храм Библии, напевая с Давидом: «Возвеселился о сказавших мне...» Сколь опасно входить в сей чертог! Возьми одеяние. Омой руки и ноги. Потом садись за бессмертный стол сей. Но берегись! Не суйся в солонку с господином. Помни, что не твоя плотская, но Господня есть трапеза. Сохрани тебя Бог! Умрешь, если будешь есть кровь. Ешь кровь и плоть Господню, а не твою. «Да благо тебе будет и угодно будет пред Господом Богом твоим». Принимай, но от Господа; кушай, но для Господа насыщайся, но перед Господом.

Сколь многие жрут, но перед собою, не перед Господом. Не дай тебе Бог вкусить от древа смерти! «Разумей, что говорю...» Премудрость Божия, бесспорно, что на наших улицах и среди

наших путей, будто лестница утверждена на земле стоит, но на высоких краях и на острейших остриях и на горных горах почитает. «Исходы се, исходы суть жизни и кто взойдет? Один Господь готовит хотение».

Сколь о многих причастниках можно сказать с Иеремиею: «Близко Ты, Господи, уст их, далече же от сердец их».

Старайся прежде всего уразуметь, что значит вера. Нет нужнее ее. Но знай, что нигде ее не найдешь, если не выроешь искры ее прежде внутри себя. Узрев ее, знай, что начал ты соединяться с тем: «Господи, очи твои глядят на веру». И если не больше оной в тебе будет, как зерно горчичное, тогда счастливо войдешь в семистолпный дом премудрости Божией и насладишься на горнем месте высоким умом Божественного слова, плотью твоею облегченного, от него ж самого научаясь.

В тридцать лет утро истины светать начинается. В сих годах крещение Христово, отворение небес, снисхождение Святого Духа. «И тот был как лет тридцать». В сем возрасте у иудеев ставили в священники. Если ж уже ты призапасался хлебом Христовым, и сбылось на тебе: «Износит от сокровища своего новое и ветхое». В то время можешь уделять друзьям, благодетелям, ближним и дальним.

Долго сам учись, если хочешь учить других. Во всех науках и художествах плодом есть правильная практика. А ты, проповедуя слово истины Божией, утверждай оное непорочного жития чудесами.

Нельзя построить словом, если то же самое разорять делом. Сие значит давать правила для корабельного строения, а делать телегу. Без святости жития корабельным мастером, может быть, можно сделаться, но проповедником никак нельзя, разве мартышкою его. Начало и конец званию сему, природная сила его и печать есть страх Божий, всю нечистоту изгоняющий. Сей есть дар Божий и ключ, данный от Господа. Он один открывает вход в дом Давидов и в те библейные внутренности: «В сокровищах спасение наше. И откроет — и не будет затворяющего, и затворит — и не будет открывающего».

Всегда бывает скудное число охотников к Божией истине. Сие да приводит тебя не в негодование, но в сожаление.

Берегись сребролюбия. Помни, что зря принял ты. Весь твой труд ничто есть в сравнении дара сего. Какой ты мне богослов, если сребролюбец... Не думай, что иных касается слово сие, кроме тебя: «Взгляните на птиц...» Пускай другие собирают, а твоя часть будь Господь. Имея пишу и одеяние, тут все твоё довольство телесное. Богатей и собирай день от дня богатство славы Божией. «Всех отрекся — говори с Павлом — да Христа приобрету».

Авось-либо достигнешь в силу совершенного воскресения мертвых в землю обетованную, в лето Господне приятное и в 50 лет жития твоего получишь всеобщее от всех твоих души и тела

твоего долгов разрешение и полное просвещение тебе и ближне-
му твоему.

АВ Очевидно, что здесь имеется в виду «вкушение» не вещественных «плоти и крови», но духовного смысла слов Божиих. О том же говорится в Евангелии: «Дух животворит, плоть не пользует нимало. Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь» (Иоан. 6, 63). Отрицание Сковородой иного понимания подтверждается тем ужасом, который он испытал, когда в одном из своих снов увидел людей в образе каннибалов, буквально-вещественно понимающих призыв о «вкушении плоти и крови Господней» (см. Приложение).

Афанасий. Приказное дело — подлинно трудное. А и сие не без того...

Яков. А я верю, что самый тесный, жесткий и крутой путь бывает легким, если Сам Бог указывает дорогу к намерению и, конечно, указывает тому, кого родил к сему.

ХОР ПРИРОДНЫХ БЛАГОВЕСТНИКОВ

Афанасий. Да где ж он таков? Покажи хоть одного.

Яков. На, вот тебе один: «В труде и подвиге, во бдениях многих, в голоде и жажде, в постах многих, в холоде и нагоде...» Пробеги 11-ю главу второго письма его к Коринфянам и удивишься природе его, все горести улаждающей.

Чего не терпит воин или купец? Не сыщешь дня без тьмы и света, а года без зимы и теплоты. Не найдешь и состояния, чтоб оное из горести и сладости не было смешанное. Так весь мир стоит. Противное противному способствует. Сладость есть наградою горести, но горесть — мать сладости. Кто хочет пожинать сладость, да любит прежде горести: и уродится сладость, а любит природный.

Афанасий. Сказывают, в Норвегии день без тьмы и света бываесть.

Лонгин. Кто ж был природное, как сей: «Я на сие родился, да свидетельствую истину»? Утруженный от пути сидит при источнике и голоден, и жажден. 12 часов у них в день считалось. Уже велось около полудня. «Был, как час шестой». Не было с кем завести беседу о Царствии Божием. Пришла жена за водою. Вот и случай! Просит пить не для утоления жажды, но для заведения беседы. Вода стихийная подала повод говорить с бессмысленною женою о воде живой, о воде Божией, утоляющей жажду несчастных несытостей, день и ночь душу нашу беспокоящих, о которой Исаия: «Умойтесь, и чисты будете». Не устыдился, не поопасался муж Божий со слабым полом богословствовать: авось-либо приведет се в истинное из суеверия богочтение, ни к полу, ни к статям, ни к сторонам, ни к местам, ни к временам, ни к обрядам, кроме одного сердца, не привязанное, и откроет

очи ее к уразумению естества Божиего, утаенного в стихиях, наподобие ключевой воды, в земном сердце скрываемой, которой жаждет Давид: «Кто меня напоит водою?» Возвратились друзья с пищею и, зная, что он ничего еще не ел, просят, чтоб покушал: «Равви, ешь».

«Моя пища, — сказал учитель, — есть, да сотворю волю Пославшего меня».

И голоден, и жажден, и не весел, если не делать и не говорить о том, к чему Отец Небесный его родил и послал. Тут его и пища, и питье, и веселие. Учит в сонмищах, учит в домах, учит на улицах, учит в корабле, учит на траве зеленой, на горах, садах и на месте равном, стоя, и сидя, и идя, ночью и днем, в городах и селах, в разных пределах, каждого и народ очень многий.

В несродное себе дело не вмешивается. «Учитель (просил его некто), поговори брату моему, чтоб дал и мне часть наследия, пускай меня не обижает. Он тебя послушает...» «Человек! Кто меня поставил судьей или делителем? Мое дело учить о Царствии Божием». Каково ж учил? Был ли Бог с ним? Я закричу, возвысив голос, с женою, слышавшею его. «Блаженно чрево, носившее тебя...» Удивлялись народы, ибо никогда не был так в Израиле и никогда так не говорил человек: столь великая от уст его исходила приятность.

Яков. Вот вам еще один природный! Говорит Бог Мойсею: «Я Сущий...» И посылает его в посольство, а он отрекается. «Молюся Тебе, Господи, не доброречивый я». Диво, сколь неторопясь принимается за должность. Знал он свои дарования, видел в купине сияющую Истину, однак сам себе не верит, дабы паче чаяния, принявшись за несродное, не завел в беспутное народ, а себя в погибель. Да и как не опасно подрядиться показать утаеннейшую естества Божиего истину, ввести в землю таковой же природы, развязать запутанный в людях путь к точному благополучию центру? Сие значит испытывать себя.

Может статься, что рожден кто быть воином, но пешим, не конным, быть хозяином, но не пахать и не скот водить, быть купцом, но не золотыми торговать товарами, быть ученым, но не Евангелия проповедником, пускай же сим, но писателем, не оратором. И конечно бы, не отважился без сего голоса: «Ныне же иди и сойди, и возведи людей». И так, чувствуя руку Божию, пошел за приветствием Иофора²⁸, тестя своего: «Иди здоров». Здравие мир душе нашей есть последовать Господу. Каков же был проповедник? Слушай самого Бога. «Почему не боялись говорить на раба моего Мойсея? Не восстал к тому пророк в Израиле, как Мойсей. Не отемнели очи его, ни истлели уста его».

Ерм олай. Кто дерзнет из числа проповедников исключить светильника слова, через всю жизнь гласившего сие: «Покайтесь...» Не был он свет, но имел и любил в себе свет, свидетельствовал и ходил в свете, окончив в нем и за него течение жизни своей. Свидетельствовать о свете — значит благовестить истину,

правду и Царствие Божие внутри нас. Проповедует в пустыне, благовестит, кому может и в селениях, сей до конца целомудрие возлюбивший пустынножитель.

«Был человек послан от Бога». Вот свидетельство о сродности его, но он и сам о себе признает: «Да явится (Христос) Израилю, сего ради пришел...»

Каков же проповедник? Сам Господь одобряет: «Не встал в рожденных женами болящий. Многие о рождении его возрадуются».

Яков. До сего рода надлежат все пророки. Иной из них вопиет: «Было слово Господне ко мне». Иной: «Была на мне рука Господня». Иной: «Господь послал меня пророчить». Иной: «Слышал голос слов Его». Иной: «Слух слышал от Господа». Иной! «Говорит ко мне ангел, говорящий во мне: «Встань и иди, и проповедай». «Говори, сын человеческий». Все сии святые Божии не были из числа тех: «Не посылал пророков, а они потекли». «Не говорил к ним, и те пророчествовали». «Не слушайте слов пророков». «От сердца своего говорят, а не от уст Господних».

Григорий. Вот вам еще дюжина рожденных к проповеди! «Призвал, кого хотел сам, и пришли к нему, и сотворил двенадцать, да будут с ним и да посылает их проповедовать и иметь власть целить недуги и изгонять бесов. И назвал Симону имя». Искаротский тут же. Да познаем, что невозможно, дабы между сродными не нашелся несродный, и, напротив того, и да устрашит несчастная сего ученика дерзость всех, по сребролюбию и тщеславию устремляющихся к делу апостольскому. И сие-то значит: «Призвал, их же хотел сам». Видно, что не от смертных сие зависит. Сам призывает, сам посылает и имена дает. «Их же и Апостолами назвал». Даются Симону и Савлу новые имена. У смертных часто именем величаются неимущие сущности его. У Бога не так. У него имя и сущность есть тождество; как только назвал, так вдруг и естество дал. Как только сказал: «Да назовется свет!», разумеи: «Да будет свет!» Когда слышишь: «Апостолов назвал», разумеи: «Вы есть свет миру». Быть и называться разделяет наша ложь, а не Божия нераздельная истина. Если дана свыше твердость алмазу, прозрачна зелень смарагду, если сапфир родился с голубым, анфракс с блистательным, как огонь, сиянием, назови как хочешь, но естества его не тронешь. Что ж сильнее — Бог ли или ты, называя сущее не сущим и противясь Богу, «животворящему мертвых и нарицающему не сущее у тебя, как сущее у Себя»? Бог, рождая, вливает существо, силу и естество, а сим самим нарицает.

Пустое имя без сущности подобно виноградному гроздью, на стене живописью хитро изображенному. Он, покрашен, видом сущей грозди обманывает, обещая сокровенный внутри себя зрелый вкус сладкого муста, а безрассудные птички, прилетая, бьются в некую стену.

Если чем-то хочешь славиться, будь по естеству тем. Бытие и слава имени, как доброе зерно с ветвями, как источник с потоками, как солнце с лучами, есть нераздельное, а тщеславие, как трава на кровлях растущая, прежде исторжения сохнущая.

Но от тебя ли зависит взять бытие? Можешь ли быть служителем при боку его? Не можешь ни через себя, ни через другого. Вот кто силен! «И сотворил двенадцать, да будут с ним». Сотворить, призвать, назвать, послать, дать власть зависит от рождения, а сие от Царствия Божиего. Теперь отгадай, что значит: «Павел зван Апостолом»? Да кем? Не из людей, не человеком. Но Иисусом Христом и Богом Отцом. Нельзя было не позвать на то рожденного: «Бог, избравший меня от чрева матери моей...» Как можешь целить недуги, не имея власти? Откуда ж власть, когда ты не послан от Бога? Как послан, если не назван? Как назван, если не зван? Как же зван, если не на то рожден? Успокойся, не твое дело. Чуть ли ты не брат нахалу тому: «Учитель, иду по тебе».

МВ Скажи мне, откуда такой безбожий потоп? Откуда суеверия, лицемерия и ереси? Откуда у христиан ругательство священной Библии? Где радение сладчайшей дружбы? Где согласие дражайшего мира? Где живость сердечного веселия? Кто безобразит и растлевают всякую должность? Несродность. Кто умерщвляет науки и искусства? Несродность. Кто обесчестил чин священнический и монашеский? Несродность. Она каждому званию внутренней яд и убийца. «Учитель, иду по тебе». Иди лучше паши землю или носи оружие, отправляя купеческое дело или художество твое. Делай то, к чему рожден, будь справедливый и миролюбивый гражданин — и довлет. «Учитель, иду по тебе».

МВ Не ходи... Сего не довольно, что ты остр и учен. Должно быть другим званию, не любителем прибыли от него. Сему одному не будет должность орудием лакомства. Разве не учен Симон-волхв? Волхв — значит мудрец. Разве не был остр? Вся Самария проповедовала: «Сей есть сила Божия великая!» Схватила мудреца лихорадка иметь Духа Святого и подавать людям по-апостольски. Что ж сему востряку отвечает Петр? «Нет тебе части... Сердце твое не право...» Дать и взять для серебра должность — равная беда. С таковым сердцем, хотя врачуешь страсти и изгонишь бесов, не радуйся. Хотя ангельскими языками проповедуешь, не годишься. Пускай многие народы на золоте напишут: «Сей есть сила Божия великая — пустая пустошь».

Если, по пословице, на должность мостишься, как коза на кровлю, для того, чтоб через нее вскочить на кучу изобильного тщеславия, видно, как в зеркале, что ты не к должности усерден, а посему и не рожден, следственно, и не записан на небесах, разве у людей.

Не слыть у людей, но быть благовестником с Богом и у Бога — сие есть дельно, как написано: «Был Бог с ним». «Радуйтесь, ибо имена ваши...» «Учитель, иду по тебе». Вижу в тебе

корень желчи и горести. Вижу в сердце твоём семя сребролюбия. Не обновляться Духом Святым, но чтоб торговать сим сокровищем и повести себя великолепно, сего ради бешено желаешь Божественным знанием прославиться. «Покайся о злобе твоей».

Куда нелепый вздор! Лестницу, возводящую от земных подлостей, обращать на снисхождение в бездну. Не сие ли значит данным жизни хлебом удавиться? «Идя удавился». Если любишь прибыль, ищи ее приличным путем. 1000 на то перед тобою благословенных ремесел. «Учитель, иду по тебе». Иди... и будешь естества лишенное чучело, облако бездождное, прелестная денница, сатана, с небесной должности к подлым похотям падший. «Им мрак темный веки блюдетсЯ».

ВВ *Как важно научиться правильно оценивать себя! И служить Богу и ближним ровно теми дарами и способностями, которые вложены в нас при рождении. Потому что, только развивая и используя во благо данные в начале пути способности, человек реально приносит в мир нечто доброе; иначе же он только потребляет и использует блага, создаваемые другими, своего же не приносит. Более того, то добро, для умножения которого этот человек был рожден и которого в мире реально не хватает, приходится создавать другим и тем самым часто заниматься несродным им делом. Так нежелание одного человека последовать Богом данной сродности влечет за собой вынужденную несродность занятия других и т.д. Все это вместе ведет к нарушению гармонии и умножению зла. Удаляющийся от благого использования Богом данных способностей неизбежно обедняет Образ Божий в себе и удаляется от Творца. И когда все это происходит массово, возникает тот самый «безбожий потоп», по поводу которого так сокрушается Сковорода.*

ВВ *Здесь, видимо, Сковорода сформулировал четыре основных требования к человеку: первое — следование своему жизненному призванию, во имя которого человек послан в мир — «рожден» (подробнее это объясняется в других местах «Алфавита мира», причем утверждается, что в этом и состоит настоящее счастье); второе — быть справедливым, т.е. считать других столь же заслуживающими счастья, как и ты сам; третье — быть миролюбивым, т.е. дружески-любным к каждому; четвертое — быть гражданином, т.е. болеть за все общество, защищать его интересы, включаясь, таким образом, в жизнь всенародную, участвуя во всечеловеческих скорбях и радостях. Что же, во всем этом с автором вполне можно согласиться: совокупность четырех изложенных качеств достаточна для того, чтобы быть Человеком с большой буквы.*

ВВ *С каким же «таковым сердцем»? О сердце Симона-волхва в Писании сказано: «Сердце твоё не право...» Человек (в данном случае проповедующий ересь, т.е. не Христа, а себя самого) внутренне сам ощущает «в сердце» собственную неправоту. А следовательно-*

но — лицемерит, выдавая себя за посланника Небес. Вспомним: «...Если сердце наше осуждает нас, то кольми паче Бог...» (1 Иоан. 3, 20). И в наши дни есть немало «духовных наставников», которые почитаются многими, а в действительности не примирены в сердце ни с Богом, ни с людьми. Очевидно, радости истинной они лишаются не только себя, но и учеников своих... Что же касается так называемого «врачевания страстей», то нередко мы сталкиваемся с таким фактом: упомянутые лицемерные учителя всячески наставляют учеников «отсекать страсти», в то время как сами им безмерно втайне предаются. Вообще же страсти человеческие требуют, надо сказать, скорее вмешательства терапевтического, чем хирургического.

Лонгин. А иной рад бы убежать с Ионою, но влечет Бог: «Восстань и иди в Ниневию и проповедай». К иному Сам говорит Господь: «Ходи вослед Мне». По крайней мере дай погребти отца... «Оставил...»

Не пускает и проститься с домашними. И подлинно. Управляешь ли ралом? Не оглядываясь назад. Родился ли в проповедь? Брось все житейское. А иначе и природный не годишься. Пускай всяк дело свое знает. Ты же возвешай Царствие и старайся быть в числе сих: «Блаженны очи видящие, которых видите». А дабы получить награду сию, нужно прежде поработать в Божием винограде. К природным говорится: «Идите в виноград мой».

Сколь скудное число сродных делателей! Отводит их лукавый мир, пленив плотскими науками и книгами, славу и прибыль обещающими, отвлекая от безвестной невесты оной. «Вся слава дочери царевой внутри». Если кто почувствовал обман, да не стоит на пути чужом, да спешит в виноград и да слышит: «Что стоите праздны?»

Виноград Господа Саваофа есть Библия. Ум остр во многих, но не обучились рассуждать. Иные имеют обучены чувства долгим учением, но не имеют неутомимой охоты. Сыщешь и охотников, но связаны житейскими печальми. Найдешь и вольное сердце, но без страха Божия. Все сии средства без природы мертвы, но и природа без них безоружна. Видите, сколь трудно поднять змия, как обещал Господь: «Змия возьмут». Из помянутых четырех средств нужнее страх Божий. «Блажен муж, который в премудрости умрет». Но там же сын Сираха говорит: «Боящийся Господа сотворит сие и держащийся закона постигнет его». Однако нужно иметь и вольное сердце, по его ж слову: «Умалющийся деянием своим упрямудрится». Сие он твердит и в другом месте. «Дела правды его кто возвестит?». «Умалющийся сердцем размышляет сие». Умалющийся сердцем и деянием значит то же.

В Сковорода неоднократно замечает, что источник взаимной зависти и недоброжелательства в обществе в том, что всякий оставля-

ет свое, природное дело и зарится на чужое. Если хорошенько оглядеться, то такое же и даже худшее (вследствие полного смешения того, что прежде именовалось сословиями) положение характерно для нашей эпохи. Ведь немного найдется случаев, сходных, например, с биографией М.В.Ломоносова или самого Г.С.Сковороды, когда человек, «рожденный в землепашестве», обнаруживает дар в области философии или других наук. Так что сказанное автором — основа основ благой жизни не только для отдельного индивидуума, но и для социума.

Афанасий. Разве ж сердце и деяние значит то же?

Лонгин. А ты доселе не знаешь, что сердце есть мыслей бездна? А мысли — семена и источник действиям? Умаляющееся сердце значит не заросшее тернием житейских печалей и дел, а готовое к снисканию правды Божией. «Упразднитесь и разумеите».

Посему-то вседушный искатель бывает нищ, воздержан и пустыннолюбный. Для сего добрый книгочий книгочтению учится, а добрый схоластик в делах упражняется. Скажем с сыном Сираховым: «Чем умудрится держащий орало?» Мысли его и разговоры о быках, о нивах, о скотском корме. То же рассуждать о прочих. Правда, что общество без них не населится, но быть они не могут в совете, все в порядке содержащем. «Только отдающий Душу свою и размышляющий в законе вышнего премудрости всех древних взыщет и в пророчествах поучаться будет, повести мужей именитых соблюдет и в извиге притчей снизойдет, сокровенное притчей изыщет и в гадании притчей поживет, посреди вельмож послужит...»

Для сего не велит Господь Аарону иметь грунт. «Я часть твоя и наследие твое». Да блюдут скинию, да роют священные книги.

Афанасий. Итак, бедные твои проповедники остаются нищими?

Лонгин. Совсем нищими, чтоб были готовы. Но сии нищие благовествуют. Сам Господь учит их. «Приступили к Нему ученики Его, и открыл уста свои, уча их». О сих-то умаляющихся сердцем и деянием говорит: «Блаженны нищие духом...» Они-то плачут, алчут и жаждут Царствия Божиего и правды его, кротки, лишены, гонимы, поносимы, но имеют же мзду свою с Петром: «Серебра и золота не имею...» — и со Иисусом Сираховым: «Дал Господь язык мне, мзду мою, и тем восхваляю Его». Послушай, вот нищий хвалится мздою! «Уготовился мне венец...» Куда охотник к премудрости был сын Сирах! «Еще юн будучи, прежде чем странствовать мне, искал премудрости явь в молитве моей». А сии слова не чудною ли дышат горячностью? «Боролась душа моя за нее». «Возвеселилось сердце мое о ней». «До последних взыщу ее...» «Преуспевание было мне в ней...»

Но живее всего изображает сродность его сие: «Дал Господь язык мне, мзду мою, и тем восхваляю Его». Видно, что не для ко-

шелька учился, не было ему любезнее, как достать сие с Исаиею: «Господь даст мне язык научения...» И с той: «Мед и молоко под языком твоим». «И начали говорить иными языками...» Сию премудрость, познающую и любящую Господа своего, называет Соломон долгою жития, древом жизни, верою, правдою, миром, молитвою, богатством и славою, красотою молодцам, а старикам сединою. «Красота юным — премудрость, слава же старым — седины».

НЕСКОЛЬКО СИМВОЛОВ, СИРЕЧЬ ГАДАТЕЛЬНЫХ ИЛИ ТАИНСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ, ИЗ ЯЗЫЧЕСКОГО БОГОСЛОВИЯ

Не хочется мне с вами расстаться. Забавно для меня сказал тот, кто дружескую в путешествии беседу назвал возком. Жизнь наша есть путешествие.

Григорий. Прошу из сада в мою горницу... Правда, что дружеская беседа есть возок, путника облегчающий. А тем он лучше, когда катится на колесах пророческих. О колеса! О сладчайшая вечности! Счастлив, кто взор свой приучил к светозарному твоему блистанию. Сей почаще взглядывает и вкушает от тебя. Вот точная манна! А зерно ее мелкое, как кореандр, разными любителям своим приятностями вкус услаждает, как дражайший алмаз, мечет в очи молнию разного цвета. Кто хочет облегчить несытость свою без нее, тот хочет горстью песка забросать бездну океана, а каплею прохладить огненное царство, обещая душе своей пространную роскошь, заключив ее, как орла, в тесну пещеры и не разумея, что

Бездна дух есть в человеке.

Вод всех шире и небес.

Не насытишь тем векови,

Чем пленяет мир сей весь.

Но, чувствуя жало ее, наставляющее нас в выборе пищи, дружи и звания, помаленьку узнавать ее, будто из буквара, обучаемся.

NB Сказанное здесь чувствует каждый — пусть и в «тайнике души своей». Потому, видимо, и пытаются многие «забросать» или по крайней мере «завесить» эту бездну чем только возможно — от ложных теорий и заведомо никчемных занятий до наркотиков... Однако, по учению самого Сковороды, бесконечность души человеческой «заполняется» только одним: бесконечностью Божьего Духа. Ничем ограниченным она все равно не удовлетворится. Так что здесь старания материалистов-атеистов напрасны. Обретение же «сродного» занятия в жизни, на чем так настаивает Сковорода, является не самоцелью, но тем путем, на котором человек легче всего обретает

близость Создателя. Впрочем, почти тому же учил великий Л.Н.Толстой, с той только разницей, что последний почему-то ограничивал «сродность» одним лишь земледелием. Сковорода в этом смысле гораздо более объективен.

Афанасий. Ба! Откуда у тебя столько новых картин?²⁹ Смотри: вся горница ими одета.

Яков. Не удивляйся: разумным людям мудрая картина есть план, представляющий обширность целой книги. Картина есть книга немая, но, как вижу, здесь они не немые, все говорящие.

Афанасий. Фи! Они все, как вижу, языческая грязь...

Григорий. Пересмотрите, для сего я вас позвал. Но не ругайте. Они мне все любезны.

Ермолай. Если бы в твою горницу пришел младо-умный христианин, почел бы тебя идолотцеом.

Григорий. Чистое небо не боится молнии и грома.

Афанасий. Что за вздор! Вокруг звери, птицы, леса, горы, скоты, воды, рыбы, гады и проч. и проч., будто рай языческий.

Григорий. Я с Петром святым все сие режу и в сладость с Богом кушаю; с Ним ничто не есть скверно.

Афанасий. Пожалуйста, не все глотай. Пожалей хоть гор с деревьями. Посмотри на первую, что над дверью. Что за птички сидят на цветущих ветвях?

Григорий. Соловей со своими детьми, учит их петь.

Яков. А прочитайте, что говорит картинка?

Григорий. «Родители суть наши лучшие учителя». Судите, не прекрасна ли песнь? И не должно ли почитать предков наших законы? Известно, чему учит нас мать наша Библия.

Ермолай. Взгляните сюда. О бедненький олень! С вонзенною в тело стрелой страдает возле холма, полстрелы в язве, пропал он. Кто пособит?

Яков. Не бойся! Разве не видишь, что траву кушает? Она ему выгонит вон стрелу. Сия трава у древних эллинов звалась δίκτυον.

Ермолай. И так стрелец ничего над ним не успел? Хотел бы я знать, кто его учит цельбы сей?

Лонгин. Разве не видишь, что сей тебе говорит олень? Природа превосходит науку. Вот кто его учит! Самый лучший учитель.

Афанасий. А протолкуйте мне, что се за пирог, что ли?

Лонгин. Где тебе пирог? Конечно, сегодня мало ты ел. Се раковина, или черепашка, или устрица. Откушай ее, она говорит самое премудрейшее: «Ищи себя внутри себя». Все ее добро внутри черепа сохраняется.

Афанасий. О, право, вкусная черепашка... Ба! Да ты, брат, и слона кушаешь?... Хлеб да соль.

Григорий. Нет его вкуснее и здоровее. И вас милости просим. Он меня укрепляет искать счастья в Боге. А дабы я

Бога искал внутри себя самого, к сему отправляет меня устрица моя.

Афанасий. На что ж он в гору поднимает хобот?

Лонгин. Ожидает поздравить восходящее солнце. Вон, смотри! Лучи из-за гор выникают. Описатели зверей пишут, что слоны каждый день громадою собираются перед восходом солнца и смотрят на восток. Не живой ли сей образ человека благочестивого? А для чего не уподобить его слону, если пророк Малахия уподобляет быку: «Воссияет вам, боящимся имени моего, солнце правды и исцеление в крыльях его. И взойдет, и възиграет, как тельцы от уз разрешенные».

Григорий. Прочитайте ж словово поздравление солнцу.

Лонгин. «Утром предстану тебе, и узришь меня. Не пребудут незаконные пред глазами твоими».

Афанасий. Я люблю горы, дубравы, источники, сады.

Ермолай. Кто се таков? Какой-то молодчик. Конечно, пить хочет. Наклонился в источник...

Яков. Вот несчастный Нарцисс! О, бедненький! Конечно, он не раскусил сей притчи: «Не красна хата углами, а живопись красками». В чистом источнике засмотрелся на благообразную свою кожу, а не вникает внутрь, в самое сердце свое и в тайное руководство блаженной природы, могущей его наставить на путь мира; тем губит себя, что любит себя.

Лонгин. Нарцисс, изрядная статуя и живая фигура чтущих Библию, но одну в ней тлень свою видящих, а не проникающих в сокровенное под тленью, не слышащих Мойсея: «Слышь Израиль!» «Внимай себе, внемли себе...» «Господь Бог твой посреди тебя».

Григорий. Не узнав себя, как узнаешь Библию? Кто дома слеп, тот и в гостях. О Нарцисс! Премудрая твоя песенка, но не разумеешь ее; я ж твою песню воспою тебе же. «Узнай себя. Загляни внутрь».

Афанасий. Воля ваша, не могу узнать сего хвоста того зверя: бежит и оглядывается, схож на волка.

Яков. Бобер, отгрыз сам себе ядра, бросив, убегаст. Вон, смотри! Охотники гонят его.

Афанасий. На что ж он, дурак, портит сам себя?

Яков. Охотникам нужны одни его ядра для аптекарей. Ничего не падит, только бы успокоить себя. Вот песня его: «Только бы не потерять сердца».

Афанасий. Не очень глупа замена. Весь мир не заплатит спокойствия сердечного. «Веселие сердца — жизнь человеку».

Ермолай. Взгляните на горящую свечу. Что она значит?

Лонгин. А вот видишь: летает около свечи ночная бабочка.

Ермолай. Разве она любит свечу?

Лонгин. Возможно ль, чтоб ночной твари нравился свет?

Ермолай. Какой же бес несет его к несродному? Разве надеется от товарищей награждения, если угасит свет, очи их ослепляющий?

Лонгин. Может быть и то, но прежде сама обожжется. Вот прочти внизу ей награждение: «Охота моя губит меня».

Афанасий. Смотри! Собаки на горе рвут оленя... Но сей олень в человеческом одеянии, что за вздор?

Яков. Бедный Актеон³⁰ превращается в оленя. Вот при источнике моется со служанками Диана. Она его переделала в зверя, чтоб охотника свои ж собаки загрызли. Зачем ему идти из селения? Некстати ему видеть чистую деву. Дал бы Бог, чтоб сию басню раскусили монахи! Не всяк рожден к уединению и умозрению. Праздность, грусть, тоска, ах, многих погубила! Олень есть та ж скотина, только что в лесу живет. Библия есть то же, что сфинкс. Она портит и мучит не познавшего самого себя и слеппа в собственном доме своем.

Древний дурак Иксион³¹ ухватился за пустое облако, осеняющее сестру Диеву, вместо ее. А на Актеона вместо сладчайшей Дианиной любви попала месть и клятва потопного языка. Вот что делают: «Враги человеку домашние его».

Лонгин. Здесь тщеславный Фаетон³² с шумом и с колесницею с небес низвергается. Достоин! Достоин... Сел не на своем месте, презрев совет отеческий. «Высокомерие мужа смиряет» (Притчи). Высокомерие — значит противиться отцу. Сей подобен Иаковому сыну Симеону, отцовское ложе осквернившему и от отца проклятому. Да внимает сие нахально заседающее в звании; пускай разжуют и те, кто тащится с своею грязью на колесницу Божию, рожденную возить одну только вечность киота Господнего.

Ермолай. О, прекрасный холм приосененный. Что за птички сидят на сухих ветвях?

Лонгин. Песня сей птицы дает знать, что пустынолюбная горлица со своими детьми вздыхает о своем супруге. Песнь ее из Исаии: «Воспою возлюбленному песнь». Вот под деревом лежит ее любезный мертв! А от него богатый ключ качает струи вод под гору на луга... Сей есть портрет Библии. Сия колесница одного носит, а сия вдова одного только любит и вздыхает: «Бог любви есть».

Григорий. Скажи мне, Афанасий, чего ты все смеешься? Я давно приметил. Что тебе смешно?

Афанасий. Смеюсь над твоими купидонами. Ты их множество собрал, помешав дело с бездельем, а христианство с язычеством.

Григорий. Не опасайся, друг мой. Все чистое чистым. Баснословные древних мудрецов книги есть то самое предревнее богословие. Они также невещественное естество Божие изображали тленными фигурами, дабы невидимое было видимым, представляемое фигурами тварей. Скажи, каким образом изобразишь мне нетленного Духа существо, если не младенцем крылатым? Крылья его значат непрерывное, всю Вселенную движущее движение, а младенчество намечает в нем то: «Ты же Тот же».

Может быть, отсюда родилось и имя сие «Бог», что движения Вселенную движущего так, как реки текущей, есть бег непрерывный.

Если сие изображение хулишь, скажи мне, много ли ты разумеешь Лотово с дочерьми пьянство? Иероним называет сие баснею. И конечно, она тайнообразная, если богословская. Всей Библии предметом сам только один Бог. Тут ей конец до последней черты. Без нго она и лжива, и дурна, и вредна, а с ним вкуснее и прекраснее всех невест. Он свет ее грязи, как честь алмазу блеск. Ты ж слышал, что и Малахия поминает какие-то Божественные крылья. «Исцеление в крыльях его». «Как орел, покрыл гнездо свое». И невеста о братней любви говорит: «Крылья ее — крылья огня». Купидон — значит «желание», по-эллински — ἔρως. Мудрецы их означали сим-го, что самое любезнейшее в мире и благодарное. Не знаю, друг мой, что такое разумеешь под сим словом, а мне дай волю разуместь с невестою того: «Гортань его — сладость и весь — желание». «Бог любви есть».

Были и тогда, и ныне, и всегда мудрствующие низко. Если называешь Купидона бесом, не спорю... Дай же мне в сем рыкающем льве сыскать сладость сота, а в исполине корысти. Разве ты никогда не слышал, что такое к просвещающемуся Иерусалиму вопиет Исаия: «Иссосав молоко язычников». «И поймут их язычники и введут на место их, и наследят, и умножат на земле Божией».

Видишь, что Израиля и язычники ведут на место его. Если ж сего не знаешь, то, конечно, слышал то: «Если и что смертное выпьют, не вредит им». Всякая ж фигура есть смерть и яд языческий, если не исходит из нее дух того: «В благовоение мира Твоего течем». «Гортань его — сладость...» Просвещенное Духом Господним сердце взором маленькой травки и крошечного червячка возводится к чувству вечного, будто укусное гнездо, все влитое к себе в укус превращая, — не только языческими баснями, которые тебе читать и не советую. Я не виноват, что ты беззубый: за сие тебя не укоряю. Много жрать, а мало жевать — дурно. Но: «Не едящий едящего да не осуждает».

NB *Очевидно, мысль Сковороды следующая: для понявшего Истину, познавшего суть вещей каждое проявление природы — это самораскрытие, «манифестация» Единого Бога. Вот такого человека и именует автор живущим «вполне счастливо» — ведь он соединен не только с источником собственного «я», но и со всеобщим Источником самой жизни и счастья.*

Ермолай. Взгляните, пожалуйста, на великолепную гавань, издали видную. А за нею на высокой горе богатый город, смотрящий на широту морскую. Без сомнения, к той-то гавани плывут три корабля сии с поднятыми флагами, управляемые купидонами.

Лонгин. Смотри же, сколь приличное сия картина говорит: «Господь правые сотворит течения твои» (Притчи).

Ермолай. Вот два прекрасных мальчика! Конечно, они купидоны. Один другого на плечах несет. Должен носимый носящего благодарить.

Лонгин. Но еще больше одолжен носящий носимому другу.

Ермолай. Для чего?

Лонгин. Для того, что носящий слеп, а носимый видящий. Один человек из двоих составлен. Подпись из Павла: «Прилепляющийся к Господу единый дух есть с Господом»³³.

Ермолай. Помогите сему трудолюбу: упадет под бременем. Купидон целую на плечах таскает систему мира.

Лонгин. Не бойся.

Яков. Не опасайся! Он в одной руке и все Коперниковы миры в забаву носит лучше Атласа. А кто он? Се Тот, что спрашивает Иова: «Где был ты, когда основал землю?» Но кто скажет, что значит круг мира, со всех сторон пронзен стрелами?

Григорий. Что есть стрела, если не стремление? Что ж есть стремление, если не Божие побуждение, всю тварь к своему месту и своим путем движущее? Сие-то значит составлять мир и сей машине движение давать. Древнейшее любомудрцов изречение: «Любовь составляет мир». Поминает о сем и Цицерон в книжечке о дружбе³⁴. Тот же вкус и в тех речах: «*Omnia vincit amor...*» — «Все побеждает любовь». О сей-то преблаженной и всем владеющей любви и симпатии невеста в «Песне песней»: «Крепка, как смерть, любовь, жестока, как ад, ревность; крылья ее — крылья огня; угли огненные — пламя ее».

Теперь наперсника слово само изъяснилось: «Бог любви есть». Я так же рассуждал об ангелах природы, называемых у древних *гениос*, которым они приносили приношения, дабы сии ангелы были вождами в делах жития их.

Ермолай. Сей мальчик без крыльев, увенчан цветовым венцом, держащий рог изобилия, — чуть ли не ангел природы.

Григорий. Так. Но не бешенством ли пахнет приносить хранителю своему ладан, вино, цветы, а не последовать ему туда, куда ведет Божий сей наставник? Самая их Минерва, когда то же есть, что натура, тогда видно, для чего поставили ее начальницею всех наук и художеств? Знать то, что все науки и все книги родились от тех, которые за то принимались, самую начальницею руководствуемые. Между тем, разбирая древних любомудрцов, тайно образующие Божию премудрость картины, не видите на главнейшем месте, будто всеми ими владеющий образ Христов.

Вверху написано: «Образ ипостаси Его».

Внизу: «Иисус Христос вчера и днесь...»

В кругу, окружающем главу Его, сие: « Ω », то есть Суший.

На взаимном месте — образ Пречистой Матери Его, венец ее из звезд; под ногами — луна, система мира и змий, держащий в

устах яблоко; но в руках ее — цветок лилии, а в сердце — сияние Святого Духа, задумчив и целомудренный взор.

Вверху надписано: «Сотвори мне величие, сильный». Внизу: «Радуйся, честного таинства дверь! Радуйся, премудрых превосходящая разум! Радуйся, верных озаряющая смысл!»³⁵

БАСНЯ ЭЗОПОВА

Преображена на новый вид малороссийскими фарбами для учеников поэтики 1760-го года в Харькове. Причина сей басни та, что многие из учеников, нимало к сему не рождены, обучались.

Козля от стада осталось до беса.
Се ж и товарищ бежит — Волк из леса,
Кинулось было сначала в утеки.
Потом став, так сказало Драпеке:
«Я знаю, что мне нельзя минуть смерти
От твоих зубов. Но будь милосердный!
Сделай, молю тебя, ту милость едину:
На флейтузе мне заграй на кончину,
Чтоб моя мне жизнь увенчалась мила,
Сам, мудрый, знаешь, что в конце вся сила...»
«Не знал я сего во мне квалитета», —
Волк себе мыслит... Потом минавета

Начал надувать, а плясать Козлятко,
Волка хвалами подмазывая гладко.
Вдруг юрга собак, как вихрь, вкруг их стала.
Музыканта из рук и флейта упала.
Просто до Волка — сей, тот щипнет, укусит.
И сам капельмейстер плясать уже мусит.
Вдруг Черногривка хватъ за поясницу,
А Жук с Белком за горлову цевницу,
Кудлай да Гривко упилися в бедра.
Вопль раздается в долинах от ведра.
Еще ж наспел Хвост, сюда ж рыло пхает, —
Не дотолпятся. А он вздыхает:
«На что (сам себе) стал ты капельмейстром,
Проклятый, с роду родившись кохмейстром?
Не лучше ль козы справлять до россолу,
Неж заводить музыкантскую школу?
А!а! достойно!..» А собаки, рыла
Потопивши, рвут... И так смерть постигла.

ПРИСКАЗКА

Не ревнуй в том, что не дано от Бога.
Без Бога (знаешь) ни же до порога.
Если не рожден — не суйся в науку.
Ах! Премного сих вечно пали в муку,
Не многих мать породила к школе.
Хочь ли быть счастливым? — будь сыт в своей доле.

К о н е ц .

Сия о музыканте Волке сказка успела до того, что пастырь добрый Иоасаф Миткевич больше 40 отроков и юношей освободил от училищного ига в путь природы их, ревнуя человеколюбие — не тщеславию. Сему и я ревнуя, написал книжицу «Алфавит Мира».

Г.С.

В Оказывается, речь идет не только о «сродности ремесла», но и об умении быть благодарным, удовлетворенным — «сытым» в дарованной свыше участи («своей доле»). Сколь многим именно благодарности-то и недостает для счастливой жизни! Эта тема — извечная как для философии, так и для фольклора (вспомним пушкинскую, выросшую из фольклора «Сказку о рыбаке и рыбке»). Поэтому первейший долг учителя — наставлять своих подопечных быть благодарными, замечать даже малейшее благо в своей жизни и ощущать признательность за него.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Один «Разговор» уже к вам пришел» — ранее автор послал тому же адресату свой диалог «Кольцо», посвященный достижению человеком душевного мира.

² «Монумент... обратился в кумир...» — часто упоминаемое Сковородой «превращение» олицетворенных философских и духовных идей музеев древнего мира в «кумиров» — лишённые смысла идольские изображения. Причина тому — утрата первоначального смысла тех или иных символов, приводящая к их «грубо-вещественному» толкованию. Таково, по мнению Сковороды, происхождение язычества из первоначального общечеловеческого монотеизма (а не наоборот, как учили философы-материалисты).

³ «Закон духовный есть» — Римл. 7, 14.

⁴ «Знаю человека» — II Кор. 12, 2. В данном месте апостол Павел говорит о конкретном человеке (согласно некоторым интерпретаторам, о самом себе), который был при жизни «восхищен в рай». Сковорода, следуя своему методу аллегорического толкования Писания, понимает этот эпизод как свидетельство о том, что апостол знает «внутреннего человека», именно это познание и открыло для него путь высшей радости — «третье небо», «рай». То же относится и к другим библейским высказываниям, приведенным далее: патриархи и пророки «видели» именно своего внутреннего, духовного человека.

⁵ «...Восходит на Сион мира» — Сион — одна из гор, на которых построен Иерусалим. В данном контексте символизирует высшую точку духовного восхождения — «гору Господню» (ср. Пс. 23, 3).

⁶ «Первый Навал, второй Сомнас, третий Пификов...» — имена «ученых» выражают их душевные свойства, с которыми связана материалистическая направленность их учений: Навал — «подлый, низкий» (др.-евр.), Сомнас — «сонный» (от «сомнус» — «сон»), Пификов (греч. Питекос) — «обезьяна». Не случайно и то, что имена «ученых» даны на трех классических языках науки средневековья и Ренессанса.

⁷ «...О Минерве говорили без Минервы...» — Афина (греч.), Минерва (лат.) — богиня мудрости.

⁸ «Часть моя Ты, Господи» — ср. Пс. 15, 5; 72, 26; 141, 5.

⁹ «Без меня не можете творить ничего» — Иоан. 15, 5. В контексте рассуждений Сковороды эта цитата воспринимается отнюдь не фаталистически, но в связи со свободой воли: не опуская внутреннего присутствия голоса Божьего, человек не может принести в жизни доброго плода.

¹⁰ «Нетленный Дух Твой во всех есть...» — Прем. Сол. 12, 1–2.

¹¹ «...Кесаря Тита забавы...» — Тит Флавий Веспасиан — римский полководец, затем император (79–81 гг.). Приведенное здесь его изречение носит легендарный характер. Сковорода пользуется им для иллюстрации своей мысли о том, что радость не связана с земным преуспеванием: и день кесаря может быть прожит напрасно, несмотря на внешний блеск его власти.

¹² «...К пиктуре...» — пиктура — живопись (лат.).

¹³ «Разве иудеев только Бог?...» — Римл. 3, 29. Приведенные слова апостола Павла как бы вдохновляют Сковороду на то, чтобы искать не только в библейской, но и в «языческой» мудрости указания на праведный образ мышления и верный путь жизни, поскольку язычество в целом есть, по его мнению, только помрачение и искажение изначального монотеизма, свойственного всему человечеству.

¹⁴ «...Столь усердно последовал Сократ...» — см. слова Сократа в Платоновой «Апологии Сократа» (31 d): «...Мне бывает какое-то чудесное Божественное знамение... Вдруг какой-то голос, который всякий раз отклоняет меня от того, что я намерен делать...»

¹⁵ «...Сборища обезьян философских... испортили самое основание афинского юношества» — так характеризует Сковорода сущность и деятельность греческих философов-материалистов, противостоявших своим учениями идеалистическому направлению, представленному Сократом и его школой.

¹⁶ «...Нетленного нашего человека чудное слово: «Плоть — ничто, дух животворит»» — Иоан. 6, 63. Здесь Сковорода снова подчеркивает свое символическое понимание исторического Иисуса Христа как «нетленного» (внутреннего, духовного) человека в каждом из нас.

¹⁷ «...Иезекииловских колес вечности непонимающего разума...» — см. Иез. 1, 15: «...И по виду их и по устройению их казалось, будто колесо находилось в колесе». Это место из Иезекииля подвергалось на протяжении веков различным толкованиям: главным образом здесь усматривали картину гармоничной вселенной, в которой соответствие законов микромира и макромира («колесо в колесе») и слаженность частей свидетельствуют о мудрости Создателя. Поэтому Сковорода и говорит, что «непонимающий разум» (т.е. не руководимый духовным светом) не разумеет «вечности Иезекииловских колес».

¹⁸ «Неведомому богу» — такую посвятельную надпись апостол Павел обнаружил на одном из жертвенников в Афинах (Деян. 17, 23).

¹⁹ «Мнящие мудрыми быть, обезумели» — Римл. 1, 22.

²⁰ «Басня о котах» — литературные источники этой басни до сих пор не обнаружены. Возможно, она сочинена самим Сковородой.

²¹ «Зубы его — зубы льва...» — Сир. 21, 3.

²² «Апостол Яков сказывает...» — Иак. 3, 5–8.

²³ «Библия есть будто один человек...» — здесь устами Афанасия автор наиболее ясно излагает свое учение о Библии, восходящее к воззрениям многих иудейских и христианских интерпретаторов. Буквальному повествованию Писания об исторических событиях («телу») Сковорода не придает особого значения, отыскивая под его «покровом» духовный смысл — «душу».

²⁴ «Превысокого Фарийского терема» — имеется в виду одно из семи «чудес света» древности — Александрийский маяк на острове Фарос.

²⁵ «Или скажу тебе мойсеевскими словами...» — Втор. 28, 67.

²⁶ «Светися, светися, Иерусалим!..» — Ис. 60, 1. Пророчество Исайи Сковорода понимает как призыв к истинному духовному просвещению.

²⁷ «Наконец, пойдешь в землю израильскую...» — имеется в виду, конечно, не буквальное паломничество в Святую Землю, а духовное совершенствование, «восхождение в Духе».

²⁸ «...За приветствием Иофора» — см. Исх. 18, 5–7. По мысли Сковороды, помимо необходимости внимать внутреннему голосу Духа, следует также прислушиваться к советам мудрых людей, подражая в этом Моисею, руководимому самим Богом, но не пренебрегшему советом своего тестя Иофора (Исх. 18, 14–24).

²⁹ «Откуда у тебя столько новых картин?» — в 1705 г. в Амстердаме была издана известная Сковороде книга «Эмблемы и символы», включившая в себя ряд христианских и иных символических сюжетов.

³⁰ Актеон — охотник, узревший богиню Артемиду во время купания. Был превращен ею за это в оленя и растерзан собаками.

³¹ Иксион — смертный, дерзнувший ухаживать за богиней Герой, супругой Зевса, однако, по воле последнего, обнял лишь «облако» — призрак богини.

³² Фастон — сын Гелиоса, солнечного бога; отправился по небу в отцовской колеснице и чуть было не устроил всемирный пожар. Зевс низверг его с небес ударом молнии.

³³ «Прилепляющийся к Господу единый дух есть с Господом» — I Кор. 6, 17.

³⁴ «...Цицерон в книжечке о дружбе» — подразумевается его трактат «Лелий, или О дружбе».

³⁵ «Радуйся, честного таинства дверь!» — слова из богородичного акафиста.

НАРКИСС

Первый из опубликованных диалогов Сковороды (1798 г.) и, как считается, самый ранний из них (сам автор именует его своим «первородным сыном»). В отличие от обычного истолкования мифа о Нарциссе как обличения крайнего эгоизма и самовлюбленности, Сковорода рассматривает этот образ прекрасного юноши, влюбившегося в собственное отражение, как «иероглифический» призыв древних мудрецов к самопознанию, к изучению своего «внутреннего человека» (поскольку сам Наркисс символизирует человека внешнего, телесного, а его «бестелесное» отражение в воде намекает на нетленную духовную природу).

РАЗГЛАГОЛ О ТОМ: УЗНАЙ СЕБЯ ПРОЛОГ

НВ. Сей есть сын мой первородный. Рожден в седьмом десятке века сего. Наркисс нарицается некий цвет и некий юноша. Наркисс — юноша, в зеркале прозрачных вод при источнике взирающий сам на себя и влюбившийся смертно в самого себя, есть предревняя притча из обветшалого богословия, которое есть мать еврейского. Наркиссов образ благовестит сие: «Узнай себя!» Будто бы сказал: хочешь ли быть доволен собою и влюбиться в самого себя? Узнай же себя! Испытай себя крепко. Право! Как бы можно влюбиться в неведомое? Не горит сено, не касаясь огня. Не любит сердце, не видя красоты. Видно, что любовь есть Софиина дочь. Где мудрость узрела, там любовь сгорела. Воистину блаженна есть самолюбность, если есть святая; ей святая, если истинная; ей, говорю, истинная, если обрела и узрела единую оную красоту и истину: «Посреди вас стоит, Его же не знаете».

Блажен муж, который обретет в доме своем источник утешения и не гонит ветры со Исавом, ловительствуя по пустым околицам. Дочь Саулова Мелхола, из отчего дома сквозь окно рассыпающая по улицам взоры свои, есть мать и царица всех шатающихся по окольным пустыням во след беспутного того волоки-

ты, кого, как буйную скотину, встретив, загонит в дом пастырь наш. Куда тебя бес гонит? «Возвратись в дом твой!»

Сии суть Наркиссы буйные. А мой мудрый Наркисс амурится дома, по Соломоновой притче: «Разума праведник, себе друг будет».

Кто-де прозрел в водах своей тлени красоту свою, тот не во внешность какую-либо, не во тления своего воду, но в самого себя и в самую свою точку влюбится. «Пути твои посреди тебя успокоишь».

Наркисс мой, правда, что жжется, разжигаясь углем любви, ревнуя, рвется, мечется и мучится, ласкосердствует, печется и молвит всеми молвами, а не о многом же, ни о пустом чем-либо, но о себе, про себя и в себе. Печется о едином себе. Едино есть ему на потребу. Наконец, весь как лед, истаяв от самолюбного пламени, преобразается в источник. Право! Право! Во что кто влюбился, в то преобразился. Всяк есть то, чье сердце в нем. Всяк есть там, где сердцем сам.

О милая моя милость, Наркисс! Ныне из ползущего червища восстал пернатым мотыльком. Ныне се воскрес! Почему не преобразился в ручей или поток? Почто не в реку или море? Скажи мне! Отвечает Наркисс: «Не вредите мне, ибо доброе дело сотворил я. Море из рек, реки из потоков, потоки из ручьев, ручьи из пара, а пар всегда при источнике сушая сила и чад его, дух его и сердце. Се что люблю! Люблю источник и главу, родник и начало, вечные струи, источающие из пара сердца своего. Море есть гной. Реки проходят. Потоки высыхают. Ручьи исчезают. Источник вечно паром дышит, оживляющим и охлаждающим. Источник единый люблю и исчезаю. Прочее все для меня стечь, сечь, подножие, сень, хвост...» О сердце морское! Чистая бездна! Источник святой! Тебя единого люблю. Исчезаю в тебе и преобразаясь... Слышите ли? Се что воспевают орлий птенец, орлиной матери фиваидской премудрости!

Лицемеры и суеверы, слыша сие, соблазняются и хулят. Во источник преобразиться? Как могут сии быть? Не ропщите! Вельми легко верующему, яснее скажу, узнавшему в себе красоту оную: «Она есть дыхание силы Божией и излияние Вседержителя славы чистое».

Лучше-де было ему преобразиться во злато, или во драгоценный камень, или... Постойте! Он самое лучшее нашел. Он преобразуется во владыку всех тварей, в солнце. Ба! Разве солнце и источник есть то же! Ей! Солнце есть источник света. Источник водный источает струи вод, наповая, охлаждадая, омывая грязь. Огненный же источник источает лучи света, просвещающая, согревая, омывая мрак. Источник водный водному морю начало. Солнце есть глава огненному морю. Но как-де могут сии быть, дабы человек преобразился в солнце? Если сие невозможно, как ибо гласит истина: «Вы есть свет миру, то есть солнце».

О лицемеры! Не по лицу судите, но по сердцу. Ей! Солнце есть источник. Как же не (является) и человек Божий солнцем? Солнце не по лицу, но по источнической силе есть источник. Так и человек Божий, источающий животворящие струи и лучи Божества испускающий, есть солнце не по солнечному лицу, но по сердцу. Всяк есть то, чье сердце в нем: волчье сердце есть истинный волк, хотя лицо человечесь; сердце боброво есть бобр, хотя вид волчий; сердце вепрево есть вепрь, хотя вид бобров. Всяк есть то, чье сердце в нем. Но лицемеры бодают рогами упорно. Да будет-де сие так здраво! Однако-де человеку преобразиться в лицо солнцего отнюдь невозможно. Лицо-де и сердце разнь... Право, право судите! И я сужу: отнюдь невозможно. Да и какая польза? Вид бобров не творит волка бобром. О глухие лицелюбцы! Внемлите грому сему: «Плоть ничто же, дух животворит».

И сего ли не знаете, что вид, лицо, плоть, идол есть то же и ничто же? Не знаете ли, что мир сей есть идол поля Деирского? Солнце же истукану сему есть лицо его и золотая глава его, и се суета сует! Даниил не кланяется, а Наркисс не любит его. Мир есть улица Мелхолина², блудница вавилонская, бесноватое море, а Даниил и Наркисс в горящих сих адских водах узрели любезную свою милость. Какую? Росоносный источник и истое солнце, как написано: «Пока светит день», то есть солнце. «Где почи- ваешь? Яви мне вид твой»³. «О благая мудрость есть человеку, паче же видящим солнце».

Благодарение ибо блаженному Богу. Сия есть неизреченная его милость и власть, сотворившая бесполезное невозможным, возможное полезным. Ныне мой Наркисс преобразится в истое, не в пустое солнце. Вопрос лицемеров: «Что се? Так ли в солнце едином два будут солнца?» Ответ: «А где же ваши уши тогда, когда громчайшею трубою небеса проповедуют: «В солнце положил селение свое»?»

Видите, что во золотой главе кумира вашего, мира сего, и в Вавилонской сей печи обитает и субботствует свет наш незаходимый и не ваше мрачное, но наше солнце прославляется следующей трубою песнею: «Источник исходит и напоит всех».

Но оставим, да лицемеры мучаются во огненном своем озере. Сами же с Израилем да перейдем на ту сторону моря, по совету Варухову: «Кто перейдет на ту сторону моря и обретет премудрость? Там рай». Там амуруются все узнавшие себя Наркиссы. Се первый встречает нас возлюбленный Давид, воспе- вая песнь свою: «В Тебе источник живота. Во свете Твоем уз- рим свет»⁴.

Оставайтесь, лицемеры, с наличным вашим солнцем. Мы в дурном вашем солнце обретем новое и прекрасное оное: «Да буд- ет свет!» «Да встанет солнце! И утвердилось солнце».

Се за стеною и за пределами вашими встречает нас, одев- шийся светом вашим, как ризою! Се возглашает к нам: «Радуй- тесь!» «Дерзайте! Мир вам! Не бойтесь! Я есть свет! Я свет солн-

цеву кумиру и его миру». «Жаждающий, да грядет ко мне и да пьет!»

NB. Уже древневавилонские писцы именовали свои литературные произведения «детьми». Впоследствии этот образ получил распространение в мировой литературе: например, средневековые монахи (часто бездетные) относились к создаваемым или переписываемым ими рукописям как к сыновьям: всячески их любовно украшали, завещали читателям беречь и т.д. Это и не удивительно: художественное произведение — прямое «продолжение души» автора, а иногда и залог его бессмертия (своего рода «продления в потомстве»). Знакомить учеников с этой мыслью, развивать в них подобное гуманное отношение и к самим книгам, и к их содержанию, на мой взгляд, очень важно.

NB. Уподобление праведников — «сынов Божиих» — светилам, и в частности солнцу, многократно встречается в Библии, например вот в этих словах Христа: «...Да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных.» (Матф. 5, 45). Или такое вот уподобление «разумных» светилам находим у пророка Даниила: «...И разумные будут сиять, как светила на тверди, и обратившие многих к правде — как звезды, вовеки, навсегда...» (Дан. 12, 3). «Бог есть свет», и тот, кто в своей жизни вполне доверяется Божьему разуму и управлению, становится проводником Божьего света, духовно уподобляется солнцу. Достичь такого состояния не просто, но как важно с ранних лет ребенку иметь идеал благочестия, идеал, который он может иметь в виду, делая выбор за выбором на распутьях своей жизни. Как знать — всякий раз, совершая выбор между альтруизмом и эгоизмом, может быть, кто-то из наставленных в свое время родителями и учителями и достигнет состояния «светильника Божьего»!

ЧУДО, ЯВЛЕННОЕ В ВОДАХ НАРКИССУ

Скажи мне, прекрасный Наркисс, в водах твоих узрел ты что? Кто явился тебе в них?

Ответ. На водах моих всплыло елисейское железо⁵. Узрел я на полотне протекающей моей плоти нерукотворенный образ, «который есть сияние славы Отчей»⁶. «Положи меня как печать на мышце твоей». «Отражается на нас свет». Вижу Петра вашего гавань: «Землю посреди воды, Словом Божиим составленную». Я вижу моего друга, друга Исаиина сего: «Царя со славою узрите, и очи ваши узрят землю издалека». Волшебница — плоть моя явила мне моего Самуила. Сего единого люблю, таю, исчезаю и преображаюсь. Впрочем, от египетского взглянем на еврейских Наркиссов⁷. Вот первый нас встречает: «Ревнуя, поревновал во Господе Боге...». Вот второй: «Душа моя изойдет в Слово Твое», то есть преобразуется. Вот еще тебе Наркиссы: «Се все оставили

и вослед Тебе идем». А Давид не истинный ли есть Наркисс? «Исчезнет сердце мое и плоть моя». «Исчезли очи мои во спасение Твое». «Когда приду и явлюсь лицу Твоему?» А се не точный ли Наркисс? «Мир мне сораспаяся, и я миру». «Не живу я, но живет во мне Христос». «Пока преобразит тело смирения нашего...» «Желаю разрешиться». «Мне бо жить — Христос, а умереть — приобретение».

Как во источнике лицо человеческое, так в Исаииных словах, будто дуга во облаке, виден сей Наркиссов амур. «Будет Бог твой с тобою присно, и насытишься, как же желает душа твоя, и кости твои утучнеют и будут как виноград напоенный и как источник, в котором же не оскудет вода, и кости твои прозябнут, как трава, и разбогатеют, и наследят роды родов. И созиждутся пустыни твои вечными, и будут основания твои вечные родам родов, и прозовешься создателем оград, и пути твои посреди тебя успокоишь»⁸.

РАЗГОВОР О ТОМ: ЗНАЙ СЕБЯ

Лица: Лука, его Друг и Сосед

Лука. Вчера обедали мы оба у моего брата, я и сосед мой, нарочно для воскресного дня, чтоб поговорить о чем-либо из Божиего слова. Стол был в саду. Случай к разговору подали слова, написанные в беседе, следующие: «Тот сотрет твою главу, которого ты соблюдать будешь пяту».

Случились при обеде два ученые: Навал и Сомнас. Они много те слова толковали по прошению брата моего. Я непоколебимо верю, что Священное Писание есть райская пища и врачество моих мыслей. Для того охаивал сам себя за то, что не мог никакого вкуса чувствовать в тех сладчайших словах.

Друг. Как же называешь сладчайшими слова, не чувствуя в них никакого вкуса?

Лука. Так, как тот, кто издала смотрит на райские цветы, не слышит их духа, а только верит, что дивным каким-то дышит благовонием.

Друг. Слушай, брат. Хотя бы они под самый наш нос дышали, нельзя нам вкуса чувствовать.

Лука. Для чего? Разве у нас головы и ноздрей нет?

Друг. Головы и ноздрей? Знай, что мы целого человека лишены и должны сказать: «Господи, человека не имеем...»⁹

Лука. Разве же не имеем и не видим у нас людей?

Друг. Что же пользы: иметь и не разуметь? Вкушать и вкуса не слышать?.. А если хочешь знать, то знай, что так видим людей, как если бы кто показывал тебе одну человеческую ногу или пяту, закрыв прочее тело и голову; без оной же никак узнать человека невозможно. Ты и сам себя видишь, но не разумеешь и не понимаешь сам себя. А не разуметь себя самого, слово в слово,

одно и то же, как и потерять себя самого. Если в твоём доме сокровище зарыто, а ты про то не знаешь, слово в слово, как бы его не бывало. Итак, познать себя самого, и сыскать себя самого, и найти человека — все сие одно значит. Но ты себя не знаешь и человека не имеешь, в котором находятся очи и ноздри, слух и прочие чувства; как же можешь твоего друга разуместь и узнать: «Если не узнаешь сама себя, о добрая в женах, изойди в пятах паств и паси козлища твои у шалашей пастушеских»¹⁰.

Лука. Как же? Ведь вижу руки, ноги и все мое тело.

Друг. Ничего не видишь и вовсе не знаешь о себе.

Лука. Жесток твой сей замысел и очень шиповат. Не можно мне его никак проглотить.

Друг. Я ведь тебе говорил, что не можешь вкуса слышать.

Лука. Так что же вижу в себе? Скажи, пожалуйста.

Друг. Видишь в себе то, что ничто, и ничего не видишь.

Лука. Замучил ты меня. Как же не вижу в себе ничего?

Друг. Видишь в себе одну землю. Но сим самым ничего не видишь, потому что земля и ничто — одно и то же. Иное видеть тень дуба, а иное — самое дерево точное. Видишь тень свою, просто сказать, пустошь свою и ничто. А самого себя отродясь не видывал.

Лука. Боже мой! Откуда такие странные мысли?.. Ты наговоришь, что у меня ни ушей, ни очей нет.

Друг. И да, я уже давно сказал, что тебя всего нет.

Лука. Как же? Разве очи мои не очи и уши не уши?

Друг. Спрошу ж и я тебя. Скажи: пята твоя и тело твоё — все ли то одно?

Лука. Пята моя есть последняя часть в теле, а голова — *начало*.

Друг. Так я ж тебе твоим же ответом отвечаю, что сие твоё око есть пята или хвост в твоём оке.

Лука. А самое ж точное око, главное и начальное око, где?

Друг. Я ведь говорил, что хвост только свой видишь, а головы не знаешь. Так можно ли узнать *человека* из одной его пяты? А как ока твоего не видишь, кроме последней его части, так ни уха, ни твоего языка, ни рук, ни ног твоих никогда ты не видал, ни всех твоих прочих частей, целого твоего тела, кроме последней его части, называемой *пята*, *хвост* или *тень*... Так можешь ли сказать, что ты себя узнал? Ты сам себя потерял. Нет у тебя ни ушей, ни ноздрей, ни очей, ни всего тебя, кроме одной твоей тени.

Лука. Для чего ж меня тенью называешь?

Друг. Для того, что ты существа твоего потерял *исту*, а во всем твоём теле наблюдаешь пята или хвост, минуя твою точность, и потерял *главность*.

Лука. Да почему же мои члены хвостом зовешь?

Друг. Потому что хвост есть последняя часть, она последует голове, а сама собою ничего не начинает.

Лука. Мучишь меня, друг любезный. Может быть, оно и так, как скажешь. Но ты, уничтожив мои мнения, своих мыслей не даешь.

Друг. Послушай, душа моя! Я и сам признаюсь, что точно не знаю. А если тебе понравятся мои мысли, так поговорим откровеннее. Ты ведь без сомнения знаешь, что называемое нами око, ухо, язык, руки, ноги и все наше внешнее тело само собою ничего не действует и ни в чем. Но все оно порабощенно мыслям нашим. Мысль, владычица его, находится в непрерывном волнении день и ночь. Она-то рассуждает, советует, определение делает, понуждает. А крайняя наша плоть, как обузданный скот или хвост, поневоле ей последует. Так вот видишь, что мысль есть главная наша точка и средняя. А посему-то она часто и сердцем называется. Итак, не внешняя наша плоть, но наша мысль — то главный наш человек. В ней-то мы состоим. А она есть мы.

В А ведь это действительно очень важно — познать корни своего бытия. И если вдуматься, то легко понять, что мы очень зависимы от собственных мыслей о себе, о своей роли, своем предназначении. И учащийся — человек в становлении — должен знать, что не слепым копированием внешних, телесных проявлений (модная одежда, престижное положение в обществе) может он сформироваться в качестве достойного человека. Напротив, в себя самого, в свои мысли должен он взглядеться — и найти там некоторое средоточие собственной личности, пребывающее в его «духовном сердце». И он должен научиться погружаться в свой внутренний мир, ибо там — родник сил, и определяющих, и животворящих его личность. Только нащупав эту «мысленную жилку», этот «родничок самоосознания», молодой человек получает доступ к дальнейшему обновлению и развитию своей личности, к формированию тех качеств, которые одни только и способны сделать его человеком. Ведь в высшем смысле человек — это носитель и осуществитель Образа Божьего в себе. Это неотступное следование путем внутреннего развития приводит и к вере в Бога, и к исполнению своего земного предназначения, что и является, по свидетельству Библии, целью каждой человеческой личности.

Лука. Вот! Я сему верю. Я заметил, что когда я (отселе стану себя *мыслию* называть) на сторону устремился, тогда без меня мое око ничего и самого в близости видеть не может. Что ж оно за такое око, если видеть не может? Ты его хорошо назвал не оком, а тенью точного ока или хвостом. Благодарствую, что ты мне меня нашел. Слава Богу! Я теперь очи, уши, язык, руки, ноги и все имею. Потерял я старое, а нашел *новое*. Прощай, моя тень! Здравствуй, возжеленная *истина*! Ты будь мне обетованная земля! Полно мне быть работником. Да я ж о сем никогда и не думал. Куда! Я люблю сие мнение. Пожалуй, подтверди мне оное. Хочу, чтоб оно было непоколебимо.

Друг. Пожалуй, не спеши! Кто скоро прилепляется к новому мнению, тот скоро и отпадает. Не будь ветрен. Испытуй опасно всякое слово. В то время давай место ему в сердце твоём. Я и сам сие мнение несказанно люблю. И желаю, чтоб оно твоим навеки было, дабы в нас сердце и мысль одна была. И сего слаще быть ничто не может. Но пожалуй же, разжуй первее хорошенько. Потом в радости и в простоте сердца принимай. Будь прост. Но будь при том и бережлив. Если мое мнение тебе нравится, то знай, что оно не мой вымысел есть. Взглянь на Иеремию в главе 17-й, в стихе 9-м.

Лука. Боже мой! самого точного увижу Иеремию, если мысль его увижу. Но пожалуй, точные его слова...

Друг. Вот тебе: «Глубоко сердце человеку, паче всех, и человек есть, и кто познает его?» Если теперь очи и уши имеешь, примечай! А чувствуешь ли?

Лука. Чувствую, друг мой. Пророк называет человеком сердце.

Друг. А что же, кроме сего, примечаешь?

Лука. То, что угаенная мыслей наших бездна и глубокое сердце — все одно. Но удивительно! Как то возможно, что человеком есть не внешняя, или крайняя его плоть, как народ рассуждает, но глубокое сердце или мысль его: она-то самый точный есть человек и глава. А внешняя его наружность есть не что иное, как тень, пята и хвост.

Друг. Вот видишь? Уже начинаешь отпадать. Легко ты сначала поверил. Для того стала скоро оскудевать вера твоя. Что вдруг зажигается, то вдруг и угасает. Но твердое дело с косностью укрепляется, потому что совет не бывает без медленности. Ах, земля прилипчива есть. Не вдруг можно вырвать ногу из клейких, плотских мнений. Они-то, в нас укоренившись, называются поверьем. Плотского нашего жития плотская мысль начало и источник есть, по земле ползет, плоти желает, грязную нашу пята наблюдает и бережет око сердца нашего, совет наш... Но кто нам сотрет главу змиину? Кто выколет ворону око, вперившееся в ночь? Кто уничтожит нашу плоть? Где Финеес, пронзающий блудницу? Где ты, меч Иеремиин, опустошающий землю?.. Но сыскал Бог мудрого противу мудрого, змия на змия, семя против семени, землю вместо земли, рай вместо ада. Вместо мертвого живое, вместо лжи правду Свою... Се! Спаситель твой грядет, имея с собою воздаяние.

Лука. Говори, пожалуй, пояснее. Ничего не понимаю.

Друг. Но кто вкус может слышать, не имея веры? Вера, свет во тьме видящая, страх Божий, плоть пробождающий, крепка, как смерть, любовь Божия — вот единственная дверь к райскому вкусу. Можешь ли верить, что чистейший дух весь пепел плоти твоей содержит?

Лука. Верую. Но сам чувствую слабость веры моей... Пособи, если можешь, выдраться из грязи неверия. Признаюсь, что

сие слово вера в грязных моих устах мечтается за один только
обычай, а вкус в ней ничего не слышу.

ВБ Как часто приходится наблюдать тот «стиль» религиозной жизни, который именуется «обрядоверием»! Обыватель, привыкший внутри общества к чисто функциональным отношениям, при которых человек, честно выполняющий какую-либо социальную функцию, имеет взамен весь комплекс необходимых социальных и жизненных благ, — такой обыватель и на взаимоотношения с миром невидимым, да и с самим Богом переносит тот же принцип чисто функциональных взаимоотношений. Достаточно, по его мнению, освоить некоторую общественную религиозную функцию, тем более легкую, что она для всех одна и та же, — и вход в Царство Святых для него как бы открыт! Но в том-то и дело, что, как справедливо сказано в подчеркнутом нами отрывке, религиозный «обычай», будучи общим, не дает индивидуального «вкуса». Индивидуальный же «вкус» необходим, чтобы человек, движимый собственными желанием и побуждением, устремлялся к Богу. И это соответствует ожиданиям Божьим в отношении людей, как и сказано в Писании о временах Нового Завета: «И уже не будут учить друг друга, брат брата, и говорить: «познайте Господа», ибо все сами будут знать Меня, от малого до большого...» (Иер. 31, 34).

Друг. По крайней мере знаешь, куда смотрит вера?

Лука. Знаю, что должно веровать в Бога. А о прочем ничего тебе не скажу.

Друг. О бедный и бесплодный человек! Знай же, что вера смотрит на то, чего пустое твое око видеть не может.

Лука. Что за пустое такое око?

Друг. Уже говорено, что вся плоть — пустошь.

Лука. И да! Я в целой поднебесной ничего другого не вижу,
кроме видимости, или, по-твоему сказать, плотности, или плоти.

Друг. Так посему ты неверный язычник и идолопоклонник.

ВБ Думаю, что весь учебный процесс должен быть направлен как раз на то, чтобы научить ребенка «видеть» (т.е. воспринимать или мыслить) то, что находится за пределом «видимости», т.е. очевидности. Кстати сказать, в области естественных наук как раз происходит обучение тому, что скрывается «за видимостью» природы, потому что эти науки направлены на отыскание закономерностей, стоящих за отдельными феноменами. Так что, казалось бы, с обучением «невидимому» все обстоит гладко... Но проблема в том и состоит, что это правило — наблюдение за невидимым «корнем» всего видимого (например, открытие или объяснение того или иного закона природы), совершенно не распространяется современной педагогикой на внутренний мир самого ученика. Однако это важно: проследживать связь между «невидимым» — его собственной мыслью и «видимым» — действием, воплощающим эту мысль. Вследствие неумения выводить «видимый» поступок из «невидимого» замесила большое число людей с детства до старости остаются на ин-

фантильном уровне восприятия и самопроявления, т.е. живут мгновенными вспышками эмоций и совершают непродуманные, немотивированные действия («живут одним моментом»). И уж тем более не учат в современной школе усматривать связь между невидимой Высшей Причиной (т.е. Богом) и сотворенным Им видимым миром. Мне, например, десятки раз в жизни приходилось терпеливо выслушивать следующий, с позволения сказать, «аргумент в пользу атеизма»: «Бога нет и не может быть, потому что мы Его не видим». И эти слова произносятся теми людьми, которые живут в эпоху не только теоретических доказательств существования невидимых «полей» (энергетического, информационного и т.д.), но и их прямого технического использования!.. Воистину, и в наше время люди буквально силком заставляют своих детей не видеть «ничего другого, кроме видимости»...

Лука. Как же идолопоклонник, если верую в единого Бога?

Друг. Как же веруешь, если, кроме видимости, ничего не видишь? Ведь вера пустую видимость презирает, а опирается на то, что в пустоше голова сила есть и основание, и никогда не погибает.

Лука. Так посему другое око надобно, чтоб еще увидеть и невидимость.

Друг. Скажи лучше так, что надобно для тебя истинное око, дабы ты мог истину в пустоши усмотреть. А старое твоё око никуда не годится. Пустое твоё око смотрит во всем на пустошь. Но если бы ты имел истинного в себе человека, мог бы ты его оком во всем усмотреть истину.

Лука. Как же сего человека нажать?

Друг. Если его узнаешь, то и достанешь его.

Лука. А где ж он?.. Но прежде отвечай: отчего ты говорил о вере, а теперь об оке?

Друг. Истинное око и вера — все одно.

Лука. Как так?

Друг. Так, что истинный человек имеет истинное око, которое понеже, минуя видимость, усматривает под нею новост и на ней опочивает, для того называется верою. А веровать и положиться на что, как на твердое основание, все то одно.

Лука. Если находишь во мне два ока, то и два человека.

Друг. Конечно, так.

Лука. Так, довольно и одного. На что два?

Друг. Глянь на сие дерево. Если сего дуба не будет, может ли стоять тень?

Лука. Я ведь не тень. Я твердый корпус имею.

Друг. Ты-то тень, тьма и тлень! Ты сон истинного твоего человека. Ты риза, а он тело. Ты привидение, а он в тебе истина. Ты-то ничто, а он в тебе существо. Ты грязь, а он твоя красота, образ и план, не твой образ и не твоя красота, понеже не от тебя, да только в тебе и тебя содержит, о прах и ничто! А ты его до тех пор не узнаешь, поколь не признаешься со Авраамом¹²

в том, что ты земля и пепел. А теперь кушай землю, люби пяту свою, ползай по земле. О семя змиино и тень безбытная! Придет богообещанный тот день, в который благословенное чистой души слово лукавый совет твой уничтожит сей: «Тот сотрет твою главу».

РАЗГОВОР 2-Й О ТОМ ЖЕ: ЗНАЙ СЕБЯ

Лица: Клеопа, Лука и Друг

Клеопа. Правду говоришь... Однак пан Сомнас сколько ни велеречив, я в нем вкуса не слышу. Пойдем опять к нашему Другу. Слова его едкие, но не знаю, как-то приятны.

Лука. А вот он и сам к нам...

Друг. Тень мертвая! Здравствуйте!

Лука. Здравствуй, Мысль! Дух! Сердце! Ведь се твой человек? Пересказали мы твои мысли нашим книгочиям. Они говорили, что должен ты свое мнение в натуре показать.

Друг. Что се значит — в натуре показать?

Лука. Я сего не знаю.

Клеопа. Как сего не знать? Должно показать, что не только в одном человеке, но и в прочих тварях невидимость первенствует.

Лука. Так точно. За тем хотели к тебе идти.

Друг. А вы доселе сего не знаете?

Лука. Конечно, должен ты доказать.

Друг. Верите ли, что есть Бог?

Лука. Его невидимая сила все исполняет и всем владеет.

Друг. Так чего ж ты еще требуешь? Ты уже сам доказал.

Лука. Как доказал?

Друг. Когда говоришь, что невидимая сила все исполняет и всем владеет, так не все ли одно сказать, что *невидимость* в тварях первенствует? Ты уже сам назвал невидимость головою, а видимость хвостом во всей Вселенной.

Лука. Так возьми что из всей Вселенной в пример для изъяснения.

Друг. Я тебе всю подсолнечную и все Коперниковы миры представляю. Возьми из них, что хочешь. А что говорите — показать в натуре, то должно было сказать: изъясни нам притчами или примерами и подобиями то, что человек состоит не во внешней своей плоти и крови, но мысль и сердце его — то истинный человек. Взгляни на стену сию. Что на ней видишь?

Лука. Вижу написанного человека. Он стоит на змие, раздавив ногою голову змиину.

Друг. Ведь живопись видишь?

Лука. Вижу.

Друг. Скажи же, что такое живописью считаешь? Краски ли или закрытый в краске рисунок?

Лука. Краска не иное что, как порох и пустошь: рисунок или пропорция и расположение красок — то сила. А если ее нет, в то время краска — грязь и пустошь одна.

Друг. Что ж еще при сей живописи видишь?

Лука. Вижу приписанные из Библии слова. Слушайте! Стану их читать: «Мудрого очи — во главе его. Очи же безумных — на концах земли».

В Очевидно, Сковорода не случайно цитирует здесь эти библейские слова: они встречаются на многих страницах его сочинений. Чем же так важны они для философа? Они, конечно же, находятся в непосредственной связи с его учением о «сродности» человеку назначенного ему «удела» и, следовательно, о необходимости быть довольным тем, что тебе назначено в жизни (при условии, что ты правильно понял свое предназначение и избрал себе соответствующее занятие). В библейском учении приведенные слова соответствуют тексту десятой заповеди: «Не пожелай себе... ничего, что у ближнего твоего». Таким образом, выражение: «Мудрого очи во главе его» — означает знание мудрым своего пути, постоянное обдумывание им следующего шага на этом пути и довольство своим уделом. В этом случае он как раз и не будет желать себе то, что принадлежит его ближнему, и уж тем более не захочет отнять это у ближнего. А следующая часть библейского стиха: «Очи же безумцев — на концах земли» — имеет в виду метания человеческого духа в суетной погоне за не принадлежащими ему чужими «уделами», находящимися «на концах земли», т.е. весьма удаленными от действительных надобностей данного человека. Такой человек как раз и является, с точки зрения как Священного Писания, так и учения Сковороды, настоящим безумцем, так как живет «без ума» (ужом же, как мы помним, философ именует не просто способность к интеллектуальной деятельности, но реализацию правильного жизненного выбора).

Друг. Ну! Если кто краску на словах видит, а письмен прочесть не может, как тебе кажется? Видит ли такой письмена?

Лука. Он видит плотским оком одну последнюю пустошь или краску в словах, а самих в письме фигур не разумеет, одну пядь видит, не главу.

Друг. Право рассудил. Так посему, если видишь на старой в Ахтырке церкви кирпич и вапно¹³, а плана ее не понимаешь, как думаешь — усмотрел ли и узнал ее?

Лука. Никак! Таким образом, одну только крайнюю и последнюю наружность вижу в ней, которую и скот видит, а симметрии ее, или пропорции и размера, который всему связь и голова материалу, понеже в ней не разумею, для того и ее не вижу, не видя ее головы.

Друг. Добрый твой суд. Скинь же теперь на счеты всю сумму.

Лука. Как?

Друг. А вот так! Что в красках рисунок, то же самое есть фигура в письменах, а в стросении план. Но чувствуешь ли, что

все сии головы, как рисунок, так фигура, и план, и симметрия, и размер не иное что есть, как мысли?

Лука. Кажется, что так.

Друг. Так для чего же не постигнешь, что и в прочих твоих невидимость первенствует не только в человеке? То ж разуметь можно о травах и деревьях и о всем прочем. Дух все-на-все вылепливает. Дух и содержит. Но наше око пята блюдет и на последней наружности находится, минуя силу, начало и голову. Итак, хотя бы мы одним без души телом были, то и в самое то время еще не довольно себя понимаем.

Лука. Для чего?

Друг. Для того, что, почитая в теле нашем наружный прах, не поднимаемся мыслию во план, содержащий слабую сию персть. И никогда вкуса не чувствуем в словах сих Божиих, ползущее по земле наше понятие к познанию истинного нашего тела возвышающих, а именно: «Не бойся, Иаков! Се на руках Моих написал стены твои...» Но поступим повыше.

Клеопа. Мы выше поступать еще не хотим, а сомнение имеем. И желаем хорошенько узнать то, что называешь истинным телом. Нам дивно, что...

Друг. Что такое дивно? Не Бог ли все содержит? Не Сам ли глава и все во всем? Не Он ли Истина в пустоше, истинное и главное основание в ничтожном прахе нашем? И как сомневаешься о точном, вечном и новом теле? Не думаешь ли сыскать что ни есть такое, в чем бы Бог не правительствовал за главу и вместо начала? Но может ли что бытие свое, кроме Его, иметь? Не Он ли бытие всему? Он в дереве истинное дерево, в траве трава, в музыке музыка, в доме дом, в теле нашем перстнем новое есть тело и точность или глава его. Он всячина есть во всем, потому что истина есть Господня; Господь же, Дух и Бог — все одно есть. Он един дивное во всем и новое во всем делает Сам Собою, и истина Его во всем вовеки пребывает; прочая же вся крайняя наружность не иное что, токмо тень Его, и пята Его, и подножие Его, и обветшающая риза... Но «мудрого очи — во главе его, очи же безумных — на концах земли».

РАЗГОВОР 3-Й О ТОМ ЖЕ: ЗНАЙ СЕБЯ

Лица: Клеопа, Филон, Друг

Клеопа. Ах! Перестань, пожалуй. Не сомневайся. Он человек добрый и ничьею не гнушается дружбою. Мне твое доброе сердце известно, а он ничего, кроме сего, не ищет.

Филон. Я знаю многих ученых. Они горды. Не хотят и говорить с поселянином.

Клеопа. Пожалуй же, поверь.

Друг. О чем у вас спор?

Клеопа. Ба! А мы нарочно к тебе... Вот мой товарищ. Пожалуйста, не погневайся.

Друг. За что? «Человек зрит на лицо, а Бог зрит на сердце». А Лука где?

Клеопа. Не может понять твоих речей. Он прилепился к Сомнасу при вчерашнем разговоре, а нам твои новинки милы.

Друг. О чем была речь?

Клеопа. Помнишь ли, Филон?

Филон. Помню. Была речь о бездне.

Клеопа. А-а! Вот слова: «И тьма вверху бездны».

Филон. Потом спор был о каких-то старых и новых мехах и о вине.

Клеопа. Один спорил, что бездною называется небо, на котором плавают планеты, а господин Навал кричал, что точная бездна есть океан великий; иной клялся, что через то значится жена; иной толковал учение и проч. и проч.

Друг. Если хотим измерить небо, землю и моря, должны, во-первых, измерить самих себя с Павлом собственной нашею мерою. А если нашей, внутри нас, меры не сыщем, то чем измерить можем? А не измерив себя прежде, что пользы знать меру в прочих тварях? Да и можно ли? Может ли слеп в доме своем быть прозорливым на рынке? Может ли сыскать меру, не уразумев, что то есть мера? Может ли мерить, не видя земли? Может ли видеть, не видя головы ее? Может ли усмотреть голову и силу ее, не сыскав и не уразумев своей в самом себе? Голова головою и сила понимается силою.

Клеопа. Не можно ли поговорить проще?

Друг. Измерить и узнать меру есть одно. Если бы ты долго-ту и широту церкви измерил саженом или веревкою, как тебе кажется, узнал ли бы ты меру ее?

Клеопа. Не думаю. Я бы узнал одно только пространство материалов ее, а точную ее меру, содержащую материалы, в то время узнаю, когда понимаю план ее.

Друг. Так посему, хотя бы ты все *Коперниканские миры* перемерил, не узнав плана их, который всю внешность содержит, то бы ничего из того не было.

Клеопа. Думаю, что как внешность есть пустота, так и мера ее.

Друг. Но кто может узнать план в земных и небесных пространственных материалах, прилепившихся к вечной своей симметрии, если его прежде не мог усмотреть в ничтожной плоти своей? Сим планом все-на-все создано или слеplено, и ничто держаться не может без него. Он всему материалу цепь и веревка. Он-то есть рука десная, перст, содержащий всю персть, и пядь Божия, всю тлень измерившая, и самый ничтожный наш состав. Слово Божие, советы и мысли его — сей есть план, по всему материалу во Вселенной нечувствительно протершийся, все содержащий и исполняющий. Сия есть глубина богатства и премудро-

сти его. И что может обширнее разлиться, как мысли? О сердце, бездна всех вод и небес ширшая?... Сколь ты глубока! Все объемлешь и содержишь, а тебя ничто не вмещает.

ВВ Кажется, лучше не скажешь! Почему же по сей день в наших школах учат законам частным (физическим, химическим, математическим и т.п.) и не учат закону главнейшему — Божьему, из коего протекают все остальные законы вселенной? И позволительно спросить: что в конечном счете важнее и необходимее для блага ученика — запоминание таблицы химических элементов или же познание божественных принципов мироустройства, теснейшим образом связанных с бессмертной душой самого ученика и с целью его собственной жизни? А почему-то в наших школах все акценты ставятся на познании вещей частных и проходящих...

Клеопа. Правду сказать, помню слово Иеремиино сие: «Глубоко сердце человека, паче всех, и человек есть...»

Друг. Вот сей же то человек содержит все! Он-то утверждает плотские твои руки и ноги. Он голова и сила очей твоих и ушей. А если ему верить можешь, «не стемнеют очи твои и не истлеют уста твои во веки веков».

Клеопа. Верую и понуждаю сердце мое в послушание веры. Но не можно ли хотя маленько меня подкрепить? Прошу не гневаться. Чем выше в понятие невидимости взойду, тем крепче будет вера моя.

Друг. Праведно требуешь, для того что Бог от нас ни молитв, ни жертв принять не может, если мы Его не узнали. Люби Его и приближайся к Нему всегда, сердцем и познанием приближайся, не внешними ногами и устами. Сердце твоё есть голова внешностей твоих. А когда голова, то сам ты есть твоё сердце. Но если не приблизишься и не сопряжешься с тем, кто есть твоей голове *головою*, то останешься мертвою тенью и трупом. Если есть тело над твоим телом, тогда есть и голова над *головою* и выше старого *новое сердце*. Ах, не стыдно ли нам и не жалко ли, что Бог суда Себе от нас просит, да и не получает?

Клеопа. Возможно ли? Как так?

Друг. Соперники Его — идолы и кумиры. Сих-то, сидя на суде, оправдаем.

Клеопа. Ужасная обида! И ее не понимаю.

Друг. Не понимаешь? Вот сам сей же час будешь судиею против него.

Клеопа. Боюсь. Но пожалуй, подкрепи мне мое неверие о бессмертном теле. Любы мне твои слова сии: «Не стемнеют очи твои...»

Друг. Ну, скажи мне: если бы твоё внешнее тело или скотское через 1000 лет невреждено было, любил бы ты плоть свою?

Клеопа. Сему статья нельзя. А если бы можно, нельзя не любить.

Друг. Знай же, что ты себя самого нимало еще не узнал. Клеопа. По крайней мере знаю, что тело мое на вечном плане основано. И верую сим обещаниям Божиим: «Се на руках Моих написал стены твои...»

Друг. Если бы ты в строении какого-то дома план узнал в силу стен его, довольно ли то к познанию совершенного оногo дома?

Клеопа. Не думаю. Надобно, кажется, еще знать и то, для которых советов или дел тот дом построен — бесам ли в нем жертву приносят или невидимому Богу, разбойническое ли жилище или ангельское селение?

Друг. И мне кажется, что не довольно понимаешь, например, сосуд глиняный, если разумеешь одну его фигуру, на грязь изображенную, а не знаешь, чистым ли или нечистым наполнен ликером или питием.

Клеопа. Теперь понимаю, что тело мое есть точно то, что стены храма, или то, что в сосуде череп. А сердце и мысли мои то, что во храме жертвоприношение, или то, что в сосуде вода. И как стены дешевле жертв, потому что они для жертв — не жертвы для стен и череп для воды — не вода для сосуда, так и душа моя, мысли и сердце есть лучшее моего тела.

Друг. Но скажи мне: если бы те стены прекрасные развалились, погибли ли бы они? Пропал бы тот сосуд, если б его череп фигурный расшибся?

Клеопа. Тьфу! Сие и младенец разумеет. Конечно, он не целый, если...

Друг. Не радуйся ж, мой Израиль, и не веселися. Заблудил ты от Господа Бога твоего. Не слыхал ли ты от пророков никогда, что Бог суд имеет со соперником своим — землею?

Клеопа. Да кто может Его судить?

Друг. Уже ты дал суд твой на Него, уничтожив сторону Его.

Клеопа. Коим образом?

Друг. Кто неправедного оправдал, без сомнения, обидел невинного. А оправдать обоих никак нельзя. Таков-то судия был, каков ты, Ефрем, которого некто из пророков называет голубом безумным, лишенным сердца. Да и не дивно, потому что по сказке того же пророка, наподобие печи, огнем разожженной, столь все судии страстью к видимости разгорелись, что все наставники с землею слеглись, и не было ни одного, который бы был приятель Богу.

Клеопа. Умилосердись. Скажи, какой я суд произнес против Бога?

Друг. Так! Ты, влюбясь в землю, отдал ей судом твоим то, что единственно Богу принадлежит.

Клеопа. Не понимаю.

Друг. Слушай! Голубь темноокий! Не Божия ли есть сила? И не Господня ли крепость?

Клеопа. Да кто ж о сем спорит?

Друг. Как же ты дерзнул сказать, что при разбитии черепа сосуд пропал? Смеешь ли сосуд утвердить на прахе, а не в Боге? Какая твердость быть может в том, что всеминутно подвержено развалинам и переменам? Не Божий ли невидимый перст содержится в стенах прах? Не он ли голова в стенах? Не стена ли вечна, если главное *начало* ее вечное? Как же ты посмел, уничтожив голову, возвеличить хвост, присудив тлению безвредность, праху — твердость, кумиру — Божество, тьме — свет, смерти — жизнь? Вот нечестивый на Бога суд и совет! Вот лукавое лукавого змия око, любящее палу, а не главу Христа Иисуса! «Он есть всяческое во всем...» Не ты ли сказал, что нельзя не любить тленного тела, если б оно чрез тысячу лет невреждено было? И как можешь сказать, что ты по крайней мере узнал твое тело? Да и к чему хвалишься Божиими сими милостивыми словами: «Се на руках Моих написал стены твои, и предо Мною всегда»? Может ли тлень стоять всегда, то есть вечно? Может ли недостойное честным быть, а тьма светом и зло добром? Не все ли одно — увериться праху ног твоих и положиться на серебряного кумира? Все то идол, что видимое. Все то бесчестное, что тленное. Все то тьма и смерть, что преходящее... Смотри на землянность плоти твоей. Веришь ли, что в сем твоем прахе зарыто сокровище, то есть таится в нем *невидимость* и перст Божий, прах твой сей и всю твою персть сию содержащий?

Клеопа. Верую.

Друг. Веруешь ли, что он есть голова и первоначальное основание и вечный *план* твоей плоти?

Клеопа. Верую.

Друг. Ах! Когда бы ты верил, никогда бы ты не говорил, что тело твое пропадает при рассыпании праха твоего. Видишь одно скотское в тебе тело. Не видишь тела духовного. Не имеешь жезла и духа к двойному разделению. Не чувствуешь вкуса в тех Божиих словах: «если выведешь честное от недостойного, как уста Мои будешь...»

В *Материалистическое учение о тождестве человеческого сознания (духа) с телесной субстанцией (мозгом), как исподволь, так и прямо внушаемое учащемуся в течение всех лет учебы, порождает такие последствия: во-первых, безумный страх смерти; во-вторых, беспредел в поведении, вызванный отсутствием страха Божьего; в-третьих, неуважение к окружающим, которые воспринимаются как «материальные тела в пространстве», а не как носители Образа Божьего; наконец, в-четвертых, ощущение бессмысленности собственной жизни и стремление забыться при помощи опьяняющих, наркотических и т.д. средств. Так что приведенные слова Сковороды как нельзя более актуальны в наше время.*

Клеопа. Непонятно мне то, каким образом присудил я кумиру Божество, а жизнь тому, что мертвое. Слыхал я, что погибший есть тот, кто называет свет тьмою, а горькое сладким.

Друг. Не удивляйся, душа моя! Все мы любопрахи. Кто только влюбился в видимость плоти своей, не может не гоняться за видимостью во всем небесном и земном пространстве. Но для чего он ее любит? Не для того ли, что усматривает в ней светлость и приятность, жизнь, красу и силу?

Клеопа. Конечно, для того.

Друг. Так не все ж ли одно — почитать идола за живое и присудить ему жизнь, а ему умереть должно. Мне кажется то же: почитать горькое сладким и дать суд в том, что медовая сладость принадлежит желчи. Но можно ли желчи сладость присудить без обиды меду? Вот каким образом все собираемся на Господа и на Христа Его! Он кричит: «Моя крепость и сила! Во Мне путь, истина и живот!» А мы судим, что все сие принадлежит внешней плоти и плотской внешности. И сей суд наш несменно подтверждаем таковым же житием нашим пред людьми.

Клеопа. Вижу теперь вину свою. И ужасно удивляюсь, что за тьма наши очи покрыла? Столько пророки вопиют: «Дух, Дух! Бог, Бог!» Всякая внешность есть трава, тень, ничто, а мы ропщем, тужим, когда плоть наша увядает, слабеет и прах переходит к праху. Можно ли сыскать упрямейшую и наижесточайшую несчастливость?

Друг. Семя и я часто дивлюся. Теперь, думаю, понимаешь, что то за суд, которого от нас столь ревностно и единственно требует Бог через пророков. И как можем дать добрый суд меньшим нашим братьям, обидев первородного брата — Христа Иисуса? Он первый сирота, что все его оставили; он первый нищий, что все от него отняли. Все за тьмою, оставив свет, пошли, побежали.

Клеопа. Но откуда в нас проклятое сие семя рождается? Если земля проклята, тогда и любовь к ней.

Друг. Хорошо мысли называешь семенем. Семя есть начало плодов. А совет в сердце — голова наших дел. Но понеже сердце наше есть точный человек, то и видно, кого премудрость Божия называет семенем и чадами змийными. Сии люди любят землю, а она есть пята и подножие и тень. По сей-то причине ничем они не сыты. Блажен, если в чьем сердце проклятая сия голова раздавлена. Она-то нас выводит в горести, а нам во мнимые сладости. Но откуда сей змий в сердце зарождается? Ты ли спрашиваешь?

Клеопа. Хочу знать.

Друг. Откуда злое семя на грядках огородных? Полно везде всяких советов. Не убережешься, чтобы не родилось. Но что делать? Сын! Храни сердце твое! Стань на страже с Аввакумом. Знай себя. Смотри себя. Будь в доме твоём. Береги себя. Слышь! Береги сердце.

Клеопа. Да как себя беречь?

Друг. Так, как ниву. Выпленый или искоренный и вырывающий всякий совет лукавый, все злое семя змиино.

Клеопа. Что есть совет лукавый и семя змиино?

Друг. Любить и оправдать во всяком деле пустую внешность или пяту.

Клеопа. Скажи проще.

Друг. Не верь, что рука твоя согниет, а верь, что она вечна в Боге. Одна тень ее гибнет. Истинная же рука и истина есть вечна, потому что невидима, а невидима потому, что вечна.

В *Насколько оптимистичнее выглядел бы не только учебный процесс, но и сами учащиеся (да и обучающие тоже), если бы верили и знали, что «рука не согниет», что она «вечна в Боге»! А под «рукой», конечно, подразумевается не только духовное тело человека, но и его «рукотворные» дела: все разумное и доброе, созданное человеком, на земле, тоже «не согниет», — как бы говорит нам Сковорода. Предположим даже, что учение о бессмертии души и тотальной осмысленности бытия было бы столь же слабо аргументированным, как и противоположное учение (о тленности человека и бессмысленности жизни в целом). Почему же, при равно невозможном доказательстве правоты одного из этих учений, громадное большинство наших педагогов упорно продолжает учить детей тому, что душа смертна, а вселенная «лишена разумного смысла»? Подчеркнем, однако, что учение о Высшем Смысле бытия является, в отличие от противоположного взгляда, всесторонне аргументированным!*

Клеопа. Сии мысли чудные.

Друг. Конечно, новые. Если же содержание твоей руки при-судишь плотской тлени, тогда будешь старым мехом, надутым бездною мыслей, непросвещенных потоль, поколь возможешь сказать: «Бог, повелевший из тьмы свету воссиять, воссиял в сердцах наших...» А сие делается при сотворении нового неба и земли. «Се Я новое творю!» — говорит Господь (Исаия).

РАЗГОВОР 4-Й О ТОМ ЖЕ: ЗНАЙ СЕБЯ

Лица: Лука, Клеопа, Филон, Друг

Лука. Посему весьма не малое дело: узнать себя.

Друг. Один труд в обоих сих — познать себя и уразуметь Бога, познать и уразуметь точного человека, весь труд и обман его от его тени, на которой все останавливаемся. А ведь истинный Человек и Бог есть то же. И никогда еще не бывала видимость истиною, а истина видимостью; но всегда во всем тайная есть и невидимая истина, потому что она есть Господня. А Господь и Дух, плоти и костей не имущий, и Бог — все то одно. Ведь ты слышал речи истинного человека. Если-де не узнаешь себя, о добрая жена, тогда паси козлы твои возле шалашей пастушеских. Я-де тебе не муж, не пастырь и не господин. Не видишь меня потому, что себя не знаешь. Пойди из моих очей и не являйся!

Да и не можешь быть передо мною, поколь хорошо себя не уразумеешь. Кто себя знает, тот один может запеть: «Господь пасет меня...»

Клеопа. А мы из последнего разговора имеем некоторые сомнения.

Друг. Когда речь идет о важном деле, то и не дивно. Но что за сомнения?

Клеопа. Первое: ты говорил, что человек, влюбившийся в видимую плоть, для того везде гонится за видимостью, понеже усматривает в ней светлость и приятность, жизнь, красу и силу.

Друг. А вы как думаете?

Клеопа. Нам кажется для того, что не может верить о пребывании невидимости и думает, что одно только то бытие свое имеет, что плотскими руками ощупать может и что в тленных его очах мечтается. Впрочем, он и сам понять может и совершенно знает, что все то преходит, что он любит. Посему-то он и плачет, когда оно его оставляет, рассуждая, что уже оно совсем пропало, подобно как младенец рыдает о разбитом орехе, не понимая, что орешная сушая иста состоит не в корке его, но в зерне, под коркою сокровенном, от которого и сама корка зависит.

Друг. Сия есть самая правда, что был бы весьма глуп земледел, если бы тужил о том, что на его ниве начало пшеничное стебло в месяце августе сохнуть и дряхлеть, не рассуждая, что в маленьком закрытом зерне скрылась и новая солома, весною наружу выходящая, а вечное и истинное свое пребывание в зерне невидимо закрывшая. Но не все же ли то одно — причитать соломе силу ее и существо, а не главе ее или зерну и не верить, ни же поминать о пребывании зерна? Для того-то, например, судия присудил двоюродному брату власть и силу в наследии, понеже уверен, что родного наследника в живых нет. И сей-то есть тот нечестивый суд, о котором в последнем разговоре и шла меж нами речь.

Клеопа. Другое сомнение. Я сказал ведь так: помню слово Иеремиино сие: «Глубоко сердце человеку, паче всех, и оно-то истинный человек есть...» А ты к сим словам присовокупил следующее: «Вот сей же то человек и содержит все» и прочее.

Друг. Так в чем же сомневаешься?

Клеопа. Я без сомнения понимаю, что все внешние наши члены закрытое существо свое в сердце имеют так, как пшеничная солома содержится в своем зерне. Она, иссохши и издрыхлевши, то закрывается при согнании в зерне, то опять наружу в зелени выходит и не умирает, но обновляется и будто перемениет одяние. Но понеже на всех без исключения людях видим внешние члены, которые свидетельствуют и о зерне своем, то есть что всяк из них имеет и сердце, которое (как пророк Божий учит) точный есть человек и истинный, а сие есть великое дело, так что се будет? Всем ли быть истинным человеком? И какая разница меж добрым мужем и злым?

Друг. Не так! Отведи мысли твои на время от человека и посмотри на прочую природу. Не всякий орех и не всякая солома с зерном.

Клеопа. Ужасное зрелище!

Друг. Не бойся! Знаю. Ты, осмотрясь на людей, ужаснулся. Но ведь видишь, что сие в природе не новое. Довольно сего водится в земляных плодах и в древесных. Но нигде больше не бывает, как в людях. Весьма тот редок, кто сохранил сердце свое или, как вообще говорят, спас душу свою. А так научил нас Иеремия, и ему веруем, что истинный человек есть *сердце в человеке*, глубокое же сердце и одному только Богу познаваемое не иное что есть, как мыслей наших неограниченная бездна, просто сказать, душа, то есть истое существо, и сущая иста, и самая эссенция¹ (как говорят), и зерно наше, и сила, в которой единственно состоит [сродная] жизнь и живот наш, а без нее мертвая тень мы, то и видно, сколь несравненная тщета потерять себя самого, хотя бы кто завладел всеми Коперниковыми мирами. Но никогда бы сего не было, если бы старались люди уразуметь, что значит человек и быть человеком, то есть если бы самих себя узнали.

Клеопа. Ах! Не могу сего понять, потому что у каждого свои мысли и неограниченные стремления, как молния, в безмерные расстояния раскидаются, ни одним пространством не вмещаемые и никаким временем не усыпаемые, одному только Богу известные...

Друг. Перестань! Не так оно есть. Правда, что трудно изъяснить, что злые люди сердце свое, то есть самих себя, потеряли. И хотя между нами в первом разговоре сказано, что кто себя не узнал, тот тем самым потерялся, однако ж для лучшей уверенности вот тебе голос Божий: «Послушайте Меня, погубившие сердце, сущие далече от правды».

Клеопа. Ах, мы сему веруем. Но как они потеряли? Ведь и у них мысли также плодятся и разливаются. Чего они себе не воображают? Чего не обнимают? Целый мир их вместить не может. Ничего им не хватает. Одно за другим пожирают, глотают и не насыщаются. Так не бездонная ли бездна сердце их? Ты сказал, что сердце, мысли и душа — все то одно. Как же они потерялись?

Друг. Чего достигнуть не можем, не испытываем. Понудить себя должно и дать место в сердце нашем помянутому Божию слову. Если его благодать повеет на нас, тогда все нам простым и прямым покажется. Часто мелочей не разумеем самых мелких. А человек есть маленький *мирок*, и так трудно силу его узнать, как тяжело во всемирной машине *начало* сыскать; затверделое нечувствие и привыкший вкус причина есть нашей бедности. Раскладывая перед слепцом все, что хочешь и сколько хочешь, но все то для него пустое. Он ощупать может, а без прикосновения ничего не понимает. Сколько раз слышим о [воде и духе]?

Не по воздуху ли опираются птицы? Он твердее железа. Однако деревянную стену всяк скорее приметить может. А воздух почитают за пустошь. Отчего? Оттого, что не столько он приметен. Стену скорее ошупаешь. Скорее различные краски усмотришь. А воздух не столько казист, однако крепче камня и железа. А нужен столь, что вздохнуть без него нельзя. Вот в самых мелочах ошибаемся и слабейшее вещество за действительнейшее почитаем. Почему? Потому что стена грубее и нашим очам погуще болванеет, как уже сказано, а воздух сокровеннее, и кажется, будто в нем ничего силы нет, хотя корабли гонит и моря движет, деревья ломает, горы сокрушает, всде проникает и все съедает, сам цел пребывая. Видишь, что не такова природа есть, как ты рассуждаешь. В ней то сильнее, что непоказнее. А когда что-то уже столь закрылось, что никакими чувствами ошупать не можно, в том же то самая *сила*. Но если о воздухе почти увериться не можем и за ничто почитаем, будто бы его в природе не бывало, хотя он шумит, гремит, трещит и сим самым дает знать о пребывании своем, тогда как можем счесть то, что очищено от всякой вещественной грязи, утаено от всех наших чувств, освобождено от всех шумов, тресков и перемен, в вечном покое и в спокойной вечности блаженно пребывает? Испортив от самого начала око нашего ума, мы не можем никак проникнуть до того, что одно достойное есть нашего почтения и любви во веки веков. Пробудися ж теперь мыслию твоею! И если подул на твое сердце Дух Божий, тогда должен ты теперь усмотреть то, чего ты от рождения не видал. Ты видел по сие время одну только стену, болванеющие внешности. Теперь подними очи твои, если они озарены *духом истины*, и взгляни на нее. Ты видел одну только тьму. Теперь уже видишь свет. Всего ты теперь по двое видишь: две воды, две земли. И вся тварь теперь у тебя на две части разделена. Ее кто тебе разделил? Бог. Разделил Он тебе все на двое¹⁵, чтоб ты не смешивал тьмы со светом, лжи с правдою. Но понеже ты не видел, кроме одной лжи, будто стены, закрывающие *истину*, для того Он теперь тебе сделал новое небо, новую землю. Один Он творит дивную истину. Когда усмотрел ты новым оком и истинным Богом, тогда уже ты все в Нем, как в источнике, как в зеркале, увидел то, что всегда в Нем было, а ты никогда не видел. И что самое есть древнейшее, то для тебя, нового зрителя, новое *есть*, потому что тебе на сердце не всходило. А теперь будто все вновь сделано, потому что оно прежде тобою никогда не виделно, а только слышано. Итак, ты теперь видишь двоих — старое и новое, явное и тайное. Но осмотришь на самого себя. Как ты прежде видел себя?

Клеопе. Я видел (признаюсь) одну явную часть в себе, а о тайной никогда и не думал. А хотя б и напоянул кто, как то часто и бывало, о тайной, однако мне казалось чудно почитать то, чего нет, за бытие и за истину. Я, например, видел у меня руки,

но мне и на ум не всходило, что в сих руках закрылись другие руки.

Друг. Так ты видел в себе одну землю и прах. И ты доселе был земля и пепел. Кратко сказать, тебя не было на свете, потому что земля, прах, тень и ничтожная пустошь — все то одно.

Лука. Ведь же ты из Иеремии доказал, что человеком находится не наружный прах, но сердце его. Как же Клеопы не было на свете? Ведь Клеопино сердце всегда при нем было и теперь есть...

Друг. Постой, постой! Как ты так скоро позабыл — *двое, двое?* Есть тело земляное и есть тело духовное, тайное, сокровенное, вечное. Так для чего же не быть двоим сердцам? Видел ты и любил болвана и идола в твоём теле, а не истинное тело, во Христе сокровенное. Ты любил сам себя, то есть прах твой, а не сокровенную Божию *истину* в тебе, которой ты никогда не видел, не почитал ее за бытие. И понеже не мог ошупать, тогда и не верил в нее. И когда телу твоему болеть опасно довелось, в тот час впадал в отчаяние. Так что же такое? Не старый ли ты Адам, то есть старый мех с ветхим сердцем? Одна ты тень, пустошь и ничто с твоим таковым же сердцем, каковое тело твое. Земля в землю устремилась, смерть к смерти, а пустошь люба пустоши. Душа тощая и голодная пепел, не хлеб истинный, поедающая и питье свое вне рая с плачем растворяющая. Слушай, что о таковых ко Исаию говорит Бог: «О Исаия, знай, что пепел есть сердце их. И прельщаются, и ни один не может души своей избавить...»¹⁶ «Помяни сие, Иаков и Израиль, ибо раб Мой есть ты...» «Се бо отнял, как облако, беззакония твои и, как призрак, грехи твои. Обратися ко Мне — и избавлю тебя...» Некий старинных веков живописец изобразил на стене какие-то ягоды столь живо, что голодные птички, от природы быстрый имеющие взор, однак и бились во стену, почитая за истинные ягоды. Вот почему таковые сердца глотают и насытиться не могут! Покажи мне хоть одного из таких любопрахов, какой имеет удовольствие в душе своей. Любовь к тени есть мать голода, а сего отца дочь есть смерть. Каковое же таковых сердец движение? На то одно движется, чтоб беспокоиться. Видал ли ты во великих садах большие, круглые, наподобие беседок, птичьи клетки?

Лука. Довелось видеть в царских садах.

Друг. Они железными сетями обволочены. Множество птичек — чижей, щеглов — непрестанно внутри их колотятся, от одной стороны в другую бьются, но нигде пролета не получают. Вот точное изображение сердец, о коих ты выше сказывал, что они в разные стороны, как молнии, мчутся и мучатся, в стенах заключенные. Что есть столь узко и тесно, как видимость? По сей причине называется ров. Что фигуре кажется пролететь сквозь сеть на свободу духа? Но как же нам опять вылететь туда, чего за бытие не почитаем? Мы ведь давно из самого детства напоены сим лукавым духом, засеяны сим змииным семенем, заня-

ты внедрившиеся в сердце ехидною, — дабы одну только грубую видимость, последнюю пяту, внешнюю тьму любить, гониться, наслаждаться всегда и во всем? Так ли? Так! Всегда и во всем... Ах! Где ты, меч Иеремиин, опустошающий землю? Меч Павлов? Меч Финеезов?... Заблудили мы в землю, обнялись с нею. Но кто нас избавит от нее? Вылетит ли, как птица, сердце наше из сетей ее? Ах, не вылетит, потому что сердцем ее сердце наше сделалось. А когда уже сердце наше, глава наша и мы в нее претворились, тогда какая надежда в пепле? Может ли прах, во гробе лежащий, восстать и стать и признать, что еще и невидимость есть, есть еще и дух? Не может... Для чего? Не может восстать и стать пред Господом. Для чего же? Для того, что сей прах не может принять в себя сего *семени*. Коего? Чтоб верить, что есть сверх еще и то, чего не можем оцупать и аршином мерить... О семя благословенное! Начало спасения нашего! Можем тебя и принять, но будешь у нас бесплодно. Для чего? Для того, что любим внешность. Мы к ней привыкли. И не допустим до того, чтоб могла согнить на *зерне* вся внешняя видимость, а осталась бы сила в нем одна невидимая, которой увериться не можем. А без сего новый плод быть никак не может... Так нас заправили наши учителя. «Се накормлю их полынью и напою их желчию. От пророков ибо Иерусалимских изойдет осквернение на всю землю» (Иеремия, 23).

РАЗГОВОР 5-Й О ТОМ ЖЕ: ЗНАЙ СЕБЯ

Лица: те же

Филон. Отсюда-то, думаю, старинная пословица: «Столько глуп, что двоих насчитать не знает». Но и мы по сие время одно только во всем свете насчитали, затем что другого в нем ничего не видели.

Клеопа. Не лучше ли тебе сказать, что нам одна тень была видна. Ничего нам не было видно. Мы хватали на воде одну тень пустую. А теперь похожи на жителя глубокой Норвегии, который по шестимесячному зимнему мраке видит чуть-чуть открывающееся утро и всю тварь, начинающую несколько болванеть.

Друг. Если не будете сжимать и отворачивать очей, тогда увидите всю тварь просвещенную. Не будьте подобны кроту, в землю влюбившемуся. А как только невзначай прорылся на воздух, — ах! — сколь он ему противен! Приподнимайте очи и принаравливайте оные смотреть на того, который сказывает: «Я есть свет мира».

Все, что мы доселе видели, что такое есть? Земля, плоть, песок, полынь, желчь, смерть, тьма, злость, ад... Теперь начинаст светать утро воскресения. Перестаем видеть то, что видели, почитая всю видимость за ничто, а устремив очи на то, что от нас было закрыто, а посему и пренебрежение. Мы доселе бесплотной

невидимости не удостаивали поставить в число существа и думали, что она мечта и пустошь. Но теперь у нас, напротив того, видимость есть трава, лесь, мечта и исчезающий цвет, а вечная невидимость находится ей головою, силою, камнем основания и счастьем нашим. Послушаем, что говорит нам новый и истинный человек и что обещает. «Дам тебе, — говорит, — сокровища темные, сокровенные, невидимые открою тебе, и увидишь, как я, Господь Бог твой, называющий имя твое, Бог Израилев». Теперь рассуждайте: нравится ли вам переход, или будьте по-прежнему во видимой земле вашей, или очищайте сердце ваше для принятия нового духа. Кто старое сердце отбросил, тот сделался новым человеком. Горе сердцам затверделым...

Лука. Для того-то самого смягчить сердце и сокрушить трудно. Закоренелое мнение похоже на младенца, возросшего во исполина. Трудно, наконец, бороться.

Друг. Но что нам воспрещает в жизни о сем рассуждать и разговаривать, а употребить к сему хотя закомплетное время? Новый дух вдруг, как молния, осветить сердце может, 600 тысяч вызваны были¹⁷ в обетованную землю пеши, но для чего два только в нее вошли?

Лука. Два. Сын Навин и Халев¹⁸.

Друг. А вот для чего! Тьфу! Как может то быть, чего видеть нельзя? Вот какая пустошь! «Зачем, — зароптали, — вводит нас Господь в землю сию, чтоб пасть на брани? Посему, если руки и ноги потерять, что в нас будет? Не хотим мы сего. Где сие водится, чтоб то было да еще сильное, то, чего не видишь?.. Дай нам вернуться в нашу старую землю. Не нравится нам тот, кто в пустошь выводит...» Слышите ли вы мысли сих староверцев? Вот шестьсот тысяч дураков! Представьте себе ветхие кади, скверным занятые квасом. Можно ли этаким скотам что-либо внушить? По их мнению, нельзя бытия своего Богу иметь, если Он захочет чист быть от всякой видимости. Если того нет, чего не видят, так Бога давно не стало. Вола пререкания! Семя змиино! Сердце неверное! Совет лукав! Не сие ли есть не исповедаться Господу и не призывать имени Его? Не таково было в сердце семя двоих тех благополучных наследников. «И дал Господь Халеву крепость. И даже до старости пребывал у него, (дабы) найти ему на высоту земли. И семя его одержал в наследие; ибо да видят все сыновья Израилевы, какое добро ходить вслед Господа». «Все же разгневавшиеся не увидят ее, — говорит Господь. — Раб же мой Халев, ибо был Дух Мой в нем, и следовал Мне, введу его в землю, в которую ходил там, и семя его наследит ее».

Клеоп. Посему вся сила в Боге, а не во внешней видимости.

Друг. А что ж есть идолопоклонство, если не в том, чтоб приписывать силу истуканам? Не хочешь рук невидимых. Видно, что видимости воздаешь силу и почтение твое. Но долго ли сия твоя видимость пребудет? На что ты положился? Что есть види-

мая плоть, если не смерть? И на ней-то ты основал сердце твое и любовь? Всякая внешность есть мимо протекающая река. Не на льду ли ты воткнул кущу твою и поставил шалаш твой? Пожалуйста, перенеси его на твердость; перенеси его во дворы Господни; воткни на новой земле. А иначе что твоя за радость? Какой покой? Не всегда ли опасаясь, что когда-либо лед, однако, растает. Когда-либо смертное тело оставлять надобно. О беднейшие, почитающие тело свое тленное и не верующие новому! Таковые-то «возволнуются и почить не возмогут. Не радоваться нечестивым», — говорит Господь Бог.

Филон. Что есть нечестивый?

Друг. Тление почитающий.

Филон. Как?

Друг. Так почитающий, что если отнять у него тление, тогда думает, что ему без него никак бытия своего иметь невозможно. Не великое ли сие почтение для праха?

Филон. Кажется, что весьма не малое, ибо таким образом боготворит он свой пепел, приписывая ему жизни своей действительность.

Друг. Так теперь, думаю, постигаешь сии слова: «Я Господь Бог! Сие Мое (не чужое) есть имя. Славы Моей иному не дам, не добродетелей Моих истуканам». То, что мы называли действительностью, называется тут добродетелью, то есть силою и крепостью, которую Бог за Свое преимущество от всей тленности так отнял и Себе присвоил, что ужасно злится, если кто дерзнет ее хотя мало уделить твари или кумирам, с которыми Он от начала века всегда ревностную тяжбу имеет. Мы все Его в сем ужасно обижаем, всегда и везде.

Филон. Как?

Друг. А вот так! Весь мир состоит из двоих *натур*; одна видимая, другая невидимая. Видимая называется тварь, а невидимая — Бог. Сия невидимая *натура*, или Бог, всю тварь пронизывает и содержит, везде и всегда был, есть и будет. Как же Ему не досадно, если мы, смотря на перемену тленной *натуры*, пугаемся? А сим самым приписываем ей важность в жертву, чего сделать нельзя, не отняв ее от Бога, Который всю важность, и силу, и бытие, и имя, и все-на-все исполнение Себе только одному полно и без причастников приусвоил. Разжуй, если Он бытие и всему исполнение, тогда как можешь что твое потерять? Что у тебя есть, Он тебе все то есть. Ничто твое не пропадает потому, что Бог порчи не знает. Одна для тебя остается школа веры, или, как Давид говорит, поучение вечности. Потерпи в нем немножко, поколь староверное твое пепельное сердце несколько от сего светных очистится душков.

РАЗГОВОР 6-Й О ТОМ ЖЕ: ЗНАЙ СЕБЯ

Лица: те же

Друг. Земля! Земля! Земля! Слушай слово Господне!

Филон. Не слышу.

Друг. Для чего?

Лука. Кто может взойти на небо, разве сошедший с небес? Кто может слышать слово Божие, если не будет Бог в нем? Свет видится тогда, когда свет в очах есть. Чрез стену пролазит тогда, когда Бог вождем есть. Но когда сила в оке опорочена, лучше сказать, когда сила от ока отступила и селения своего во вещество его не имеет, в то время никоего око различия меж тьмою и светом не находит.

Клеопа. Но не может ли Бог мертвого живым, а видимого невидимым сделать? Ей! Есть время и теперь воскреснуть. Может искра Божия упасть на темную бездну сердца нашего и вдруг озарить. Уверуем только, что Бог есть во плоти человеческой. Есть подлинно Он во плоти видимой нашей, не вещественно во вещественной, вечный в тленной, один в каждом из нас и цел во всяком, Бог во плоти и плоть в Боге, но не плоть Богом, ни же Бог плотию. Ах, зерно горчичное! Вера! Страх и любовь Божия! Зерно правды и Царствия Его! Чувствую, что тайно падаешь на земное мое сердце, как дождь на руно. О дабы не поклевали тебя воздушные птицы!

Филон. Вспомним теперь с Давидом вечные лета и поучимся в них.

Клеопа. Кому или чему поучиться?

Филон. Вечности поучимся... Кому подобен истинный Человек, Господь наш, во плоти?

Друг. Подобен доброму и полному колосу пшеничному. Рассуди теперь: стебло ли с ветвями? Постой! Не то колос. Колос все заключает в себе. Ость ли на колосе, она ли есть колос? На колосе ость, правда, и в колосе ость, но не колосом ость, не она есть колос. Что ж есть колос? Колос есть самая сила, в которой стебло со своими ветвями и ость с пологою заключается. Не в зерне ли все сие закрылось, и не весною ли выходит все сие, переменяв зеленую вместо желтой и ветхой одежды? Не невидима ли сила зерна?

Так. Оно в то время действует, когда вся внешность уже на нем согнила, дабы не приписал кто нового плододействия мертвой и нечувственной земле, то есть гниющей внешности, но вся бы слава отдана была невидимому Богу, тайною своею десницею все действующему, дабы Он один во всем был глава, а вся внешность пятою и хвостом.

Филон. Теперь мне в колосе показывается то, что по сие время не было видно.

Клеопа. Лучше скажи, что ты в нем один хвост видел.

Друг. Пускай же сия в колосе новость называется рост. Господь Бог прирастил его нам.

Лука. Но как мы с поля перешли в сад, взгляните, чем нас приветствует в беседке сей человек.

Филон. Сию икону написал мой друг живописец.

Клеопа. Куда мне нравится! Из-за черного облака луч касается головы его. Но что за слова в луче? Они вместе с лучом с высоты снисходят в облитую светом голову его. Прочитай, Лука! Ты из числа книжников...

Лука. Образ пророка Исаии. В луче написаны сии слова: «Возопий...»

Клеопа. Но что за слова из уст его исходят?

Лука. Знаю те слова: «Всяка плоть — сено, и всяка слава человека как цвет травный...»

Филон. А что ж написано на бумажке, которая в его руках?

Лука. Знаю: «Слово же Бога нашего пребывает вовеки».

Друг. Видите ли исписанную бумажку?

Клеопа. Мы двое с Филоном столько уже лет около одного земледельства упражняемся, а колос недавно усмотрели. Что же касается бумажек, да еще пророчиих, спрашивай Луку — его то дело.

[Лука]. Ты видишь в руках пророчиих бумажку. Но знай, что видишь дело весьма малое и весьма великое. Сей блаженный старик легко держит в правой руке то дело, в коем всегда везде все содержится. Рассуди, что сам откровения светом озаренный старец в его состоит руке; носимым носится и держится у себя держимым. Смотрел ты на колос? Посмотри теперь на человека и узнай его. Видел ты в колосе зерно, а теперь взгляни на семя Авраамово да тут же и на твое. Видел ты в колосе соломѹ с половию? Посмотри ж и на траву тленной твоей плоти с пустым доселе цветом пепельных твоих рассуждений. Усмотрел ты в колосе то, чего прежде не видывал? Теперь узнавай в *человеке* то, что для тебя видно не было. Видя колос, не видел его и не знал человека, зная его. Но что показалось тебе в колосе напоследок, то не было от плоти, но от Бога.

Подними ж от земли мысли твои и уразумей человека, в себе от Бога рожденного, а не сотворенного в последнее жития время. Усмотрел ты в колосе новый рост столь сильный, что для всей соломѹ с половию сделался он головою и убежищем. Познай же в себе нового Иосифа (значит, приращение), нового пастыря, отца и кормителя нашего. В пшеничном зерне приметил ты легонькую внешность, в которой закрылась тайная действительность невидимого Бога.

Взгляни же теперь на глагол Божий, пророчѹ бумажкою, как легоньким облаком, прикрытый. Силу зерна умным ты оком увидел. Открой же око веры и увидишь в себе тоже силу Божию, десницу Божию, закон Божий, глагол Божий, Слово Божие, Царство и власть Божию, тайную, невидимую, а узнав Сына, уз-

наешь и Отца его. Дряхлая на колосе солома не боится гибели. Она как из зерна вышла, так опять в зерне закроется, которое хотя по внешней коже согниет, но сила его вечна. Чего ж ты трепещешь, трава и плоть? Дерзай! Не бойся! Ты уже видишь в себе десницу Божию, которая тебя так же бережет, как пшеничную солому. Или не веришь? Если так, тогда бойся. Нет надежды. Вся плоть гибнет. Где деваться? Беги ж с Давидом в дом Господень или с Иеремиею в Его ж дворы. Раскрой же сердце твое для принятия веры и для объятия того человека, который Отцу своему вместо десницы и вместо силы Его есть во веки веков. Слушай, что Отец его через него ж самого и в нем и к нам говорит. Слушай же: «Положу слова Мои в уста твои и под сенью руки Моей покрою тебя...» А какою рукою? «Ею же поставил небо и основал землю». Слышишь ли? Сколь сильное зерно в тебе! Небо сие видимое и земля в нем закрывается. И тебе ли сие семя сберечь не сильно будет? Ах, пожалуй, будь уверен, что и самый нечувствительный головы твоей волос, наличность одну свою потерявши, в нем без всякого вреда закроется, сохранится, ублажится. Скажи с Павлом: «Знаю человека». Нашел я человека. Обрел Мессию, не плотского кумира, но истинного Божиего во плоти моей человека. Насилу я нашел его, в траве и тени моей, в остаток дней моих. Семя благословенное! Спасение всей наличности моей! Свет откровения слепому языку! Доселе был я во тьме и в грязи я был, то есть сердце мое, сл и насыщался землею. А теперь от уз ее меня отпускаешь, убив семя ее во мне, пустую пядю наблюдающее. А вместо него вовек ты во мне воцарился, открыв мне небо новое и тебя, сидящего на месте десницы Отца Небесного. Будь же мне теперь мир в силе твоей и спокойствие! Будь мне теперь суббота благословенная! Вынесли меня крылья голубиные из земных бездн, и почию. Чего ж больше скорбеть тебе, душа моя? Зачем тебе теперь беспокоить меня? Познала ты уже в себе человека, и сила его бесконечна. Уповай же на него, если узнала его. И точно знаешь его. Он муж твой. Он глава твоя в тебе под видом твоей плоти и крови. Спасение лица всего твоего и Бог твой.

ВВ *Понятно, что «поднять от земли мысли» — значит устремить их в небесную высь, т.е. направить на вещи высокодуховные. Здесь Скворода явно апеллирует к известным каждому православному христианину словам Символа веры о Христе, который описывается как «рожденный, не сотворенный». Однако наш философ относит эти слова еще и ко внутреннему, духовному нашему человеку, который, в отличие от «сотворенного» (т.е. данного нам при плотском рождении физического естества), «рождается свыше» — обретает жизнь и рост путем духовного научения, воспитания, просвещения. Вот о таком — истинном — воспитании и просвещении, приводящем к развитию всех наших духовных способностей, приходится только мечтать в наш «технократически просвещенный» век...*

РАЗГОВОР 7-Й. ОБ ИСТИННОМ ЧЕЛОВЕКЕ, ИЛИ О ВОСКРЕСЕНИИ

Беседующие персоны: старец Памва, Антон,
Квадрат, Друг и прочие

Друг. Слушай, Памва! Куда долго учишься!.. Уже ли ты научился Давидовому псалму?

Памва. Да, я только один псалом умею.

Друг. Один?

Памва. Одним-один...

Друг. Какой псалом?

Памва. А вот он: «Сказал сохраню пути мои!..» А больше мне не надобно. Я уж устам моим сыскал затвор и заложил.

Антон. Самая правда. Язык все тело обращает и всему голова есть.

Квадрат. Ах, Памва! Блажен ты, если не согрешаешь языком твоим. Сколь горячо сего от Бога себе просят Давид и Сирахов сын.

Лука. А прежде о чем ты говорил, Памва? Ведь ты и прежде имел язык.

Памва. Я уже древнему моему языку наложил печать.

В Одна из важнейших целей педагогики — научить детей адекватно и полно выражать свои мысли. А для этого необходима такая дисциплина, предшествующая риторике, которую можно было бы назвать «обузданием языка». Сковорода, очевидно, под древним языком одного из персонажей своего диалога подразумевает прежний способ общения с окружающими, который теперь полностью отошел в прошлое — «запечатан». Как выясняется из дальнейшего, одним из главных свойств этого «древнего языка» была льстивость, по необходимости связанная со лживостью. Вообще говоря, об уровне образованности человека мы судим прежде всего по его речи. Увы, у громадного большинства выпускников отечественных школ с речью, мягко говоря, не все обстоит гладко... Видимо, здесь подразумевается та самая борьба, о которой говорится в Послании апостола Иакова (3, 8): «...А язык укротить никто из людей не может: это — неудержимое зло...» Этот «неукротимый язык» Сковорода, в свою очередь, именует «устаами неправедными», заставляющими мучиться душу, т.е. в данном случае совесть человека.

Антон. А кто тебе его запечатал?

Памва. Кто может запереть бездну, кроме Бога?

Лука. Не худо называешь язык бездною, потому что и Давид языку льстивому дает имя потопных слов: потоп и бездна — все одно.

Квадрат. Я слышал, что и разум премудрого потопом у Сирахова сына называется.

Друг. Речь какая-либо не иное что есть, как река, а язык есть источник ее. Но если уже тебя, Памва, Господь от языка не-преподобного избавил, тогда видно, что вместо льстивого дарил тебе язык Давидов, весь день правде Божией поучающийся, силу его всему роду грядущему возвещающий.

Квадрат. Самая правда. Кто может говорить о белости, чтобы ему не была знакома чернота? Один вкус чувствует горькое и сладкое. Если кому открыл Господь узнать язык льстивый, таков вдруг узнать может праведные уста, поучающиеся премудрости.

Антон. Что такое? Вы насказали чудное. Разве не разумеет и старого языка тот, кто не знает нового?

Памва. Без сомнения. В то время покажется старое, когда уразумеешь новое. Где ты видал, чтобы кто разумел тьму, не выдав никогда света? Может ли крот, скажи, пожалуйста, сказать тебе, где день, а где ночь?

Антон. Если крот не может, тогда может сказать человек.

Памва. Может ли слепой усмотреть и тебе показать на портере краску белую?

Антон. Не может.

Памва. Зачем?

Антон. Затем, что он не видел и не знает черной. А если бы он хоть одну из противных меж собою красок мог разумать, в то же мгновение мог бы понять и другую.

Памва. Вот так же и тут. Тот понимает юность, кто разумеет старость.

Антон. Довольно надивиться не могу, если всяк человек так родится, что не может и сего понять, что такое есть старость и юность, если не будет другой раз свыше рожден.

Памва. Свет открывает все то, что нам во тьме несколько болванело. Так и Бог один всю нам истину освещает. В то время усматриваем пустую мечту, усмотрев истину и уразумев юность, понимаем старость. Земляной человек думает про себя, что понимает будто. Но мало ли младенец видит в потемках, а того не бывало? Но воссиявший свет все привидение уничтожает. Не всякому ли знакомы сии слова: *время, жизнь, смерть, любовь, мысль, душа, страсть, совесть, благодать, вечность*? Нам кажется, что разумеем. Но если кого о изъяснении спросить, тогда всяк задумается. Кто может объяснить, что значит время, если не проникнет в Божественную высоту? Время, жизнь и все прочее в Боге содержится. Кто ж может разумать что-либо со всех видимых и невидимых тварей, не разумея того, кто всему глава и основание? Начало премудрости — разуметь Господа. Если кто не знает Господа, подобен узникам, поверженным в темницу. Таков кто может понять во тьме? Главнейший и начальнейший премудрости пункт есть знание о Боге. Не вижу Его, но знаю и верую, что Он есть. А если верую, тогда и боюсь; боюсь, чтоб не разгневать Его; ищу, что такое благоугодно Ему. Вот любовь! Знание

Божие, вера, страх и любление Господа — одна-то есть цепь. Знание во вере, вера в страхе, страх в любви, любовь в исполнении заповедей, а соблюдение заповедей в любви к ближнему, любовь же не завидует и прочее.

Итак, если хочешь что-либо познать и уразуметь, должно прежде взойти на гору ведения Божия. Там-то ты, просвещен тайными Божества лучами, уразумеешь, что захочешь, не только юность орлюю, обветшающую старости ризу, но и ветхое из ветхих и небеса небес. Но кто нас выведет из преисподнего рова? Кто возведет на гору Господню? Где ты, свет наш, Иисус Христос? Ты один говоришь истину в сердце Твоем. Слово Твое истина есть. Евангелие Твое есть зажженный фонарь, а Ты в нем сам свет. Вот единственное средство к избежанию обмана и тьмы незнания. Вот дом Давидов, в котором судейский престол всякую ложь решит и режет. О чем ты, Антон, знать хочешь? Ищи в сих возлюбленных селениях. Если не сыщешь входа в один чертог, постучи в другой, в десятый, в сотый, в тысячный, в десяти тысячный... Сей Божий дом снаружи кажется скотского пещерою, но внутри дева родит того, которого ангелы поют непрестанно. В сравнении сей премудрости все мудрости света не иное что суть, как рабские ухищрения. В сей дом воровским образом не входи. Ищи дверей и стучи, поколь не отворят. Не достоин будешь входа, если что в свете предпочтешь Божией сей горе. Не впускают здесь никого с одною половиною сердца. А если насильно продерешься, в горшую тьму выброшен будешь.

Сколь горел Давид любовью к сему дому! Желал и истаивал от желания дворов Господних. Знал он, что никоим образом нельзя выбраться из началородной безумия человеческого тьмы, разве через сии ворота. Знал он, что все заблудились от самого материнского чрева. И хотя говорили: «Се дверь! Вот путь!» — однак все лгали. Знал он, что никакая птица и никакая мудрость человеческая, сколь она быстра, не в силе вынести его из пропасти, кроме сей чистой голубицы. Для того из нетерпеливости кричит: «Кто даст мне крылья?» Да чтобы они таковы были, каковы имеет сия голубица, то есть посребрены, а между связью крыльев блистало бы золото. А если не так, то не надобно для меня никаких летаний, сколь они ни быстропарны. Сею-то нескверною голубкою он столь усладился, столь ею пленился, что, как Магдалина при гробе, всегда сидел у окошка своей возлюбленной. Просил и докучал, чтоб отворила для него дверь, чтоб окончила его страдания, чтоб разбила мглу и мятеж внутренний, называя ее всею своею утехою. «Встань, — говорит с плачем, — слава моя, встань ты, сладчайшая моя десятиструнная, псалтырь и гусли сладкозвонные! Если ты только встанешь, то я и сам тотчас встану, а встану рано, поднимуся на свет. Долго ли мне во тьме жить?» Когда приду и явлюся лицу Божию? Кто, кроме тебя, о краснейшая всех дочерей в мире дева, кто воведет меня во

град утвержден? Твоими только дверьми и одним только своим следом привестися могут к Царю Небесному девы, если с тобою имеют дружество. Не без пользы же трудился Давид. С каким восторгом кричит: «Отворите мне врата правды!», «Исповедую Тебя, чтобы услышал меня Ты!», «Сей день возрадуемся и возвеселимся». «Бог Господь и явился нам». «Призвал я Господа, и услышал меня в пространстве».

Что теперь сотворит мне человек? Ничего не боюсь. Широко вельми стал Давид. Вылетел из сетей и преисподних теснот на свободу духа. Исчезла вдруг вся тьма. Где ни шел, везде свет. «Куда пойду от Духа Твоего?» Окрылател Давид: боится, любит, удивляется: от места на место перелетает: все видит, все понимает, видя Того, в Которого руке свет и тьма.

Квадрат. Правда, что верно и ревностно возлюбленный Давид свою любезнейшую любит. Ее-то он, думаю, называет матерью, Сионом, дочерью, царицею, в золото одетою и преукрашенною, колесницею Божиею, царством живых людей, жилищем всех веселящихся и проч. Едино просит от Господа, чтобы жить в доме сем Божиим на месте покрова сего предивного, где глас радующихся и шум празднующих.

А впрочем, ничего ни на небесах, ни на земле не желает, кроме сей чаши, наполненной благосчастьем, кроме сей дочери царской, которой вся красота внутри ее сокрывается и сокрылась. И столь сии врата сионские и путь сей, ведущий его к знанию Господа, люб ему был, что на нем так наслаждался, как во всяком роде богатства. Что-либо в нем говорится, все то называем чудным и преславным, от общенародного мнения вовсе отличным. Тут-то его жертва, пение и покой душевный, пристанище хотения. Ах, покой душевный! Сколь ты редок, сколь дорог! Здесь-то он закрывается в тайне лица Божия от мятежа человеческого и от пререкания языков, сие есть от всех световых мнений, противных Божией премудрости, называемой от него благолепием дома Господнего, камнем прибежища для перестраченных грешников, о коих пишется: «Бежит нечестивый, никем не гонимый».

Антон. Без сомнения ж в сии каменные возводит он же очи свои горы, надеясь от них помощи.

Квадрат. Известно, что грешник, как только почувствовал опасность своего пути, бежит, как гонимый заяц, к сим горам, находясь в замешательстве бедных своих рассуждений, которые ему прежде весьма казались правильными. Но когда из Божиих гор блеснувший свет на лицо ему покажет его прельщение, в то время весь свой путь сам уничтожает так, как случилось Павлу, едущему в Дамаск. И в сей-то силе говорит Давид: «Просвещаешь дивно от гор вечных». «Смутились все неразумные сердцем». Кому ж сей свет не был бы любезен, если б мы хоть мало его вкусили? О киот света, святой славы Отца Небесного! Конечно, твое блистание — несносное очам нашим, ко тьме привыкшим, а

то бы мы непременно сна очам нашим не дали, пока бы дверь открылась, дабы можно увидеть, где селение Свое имеет Бог Иаковлев, где Царствие и правда Его, где начало, глава и счастье наше, дабы можно и о нас сказать: «Им же отворилися очи и познали Его, и Тот не видим был им». Или сие: «Пришли же и увидели, где жил, и у Него пребыли день тот».

Антон. Как же ты говорил прежде, что Священное Писание возводит на гору познания Божия, а ныне оное называешь горою?

Квадрат. Оно у Давида называется *гора Божия*. Так разве тебе удивительно то, что горою восходим на гору? Если путь ведет из рова на гору, то, конечно, первая его часть есть низкая, а последняя высокая столько, сколько гора, на которую конец дороги поднимается. То же видеть можно и на лестнице, к высокому месту приставленной. Она дольней своей частию дольных, или долинных, жителей принимает, а горней возносит на высоту; по сей же причине и крыльями называется, и дверьми, и пределом, или границею, пристанью, песком, или берегом, море ограничившим, и стеною.

Антон. Для чего стеною и пределом называется?

Квадрат. Разве мало сего водится, что стена грань делает, разделяя наше собственное от чуждого? А сия богосозданная стена как не может назваться пределом, когда она граничит между светом и между чужестранною тьмою? Сия стена имеет темную сторону, ту, которая смотрит ко тьме. Но сторона ее, к востоку обращенная, есть внутренняя и вся светом Вышнего Бога позлащенная, так что если темный житель приходит к ее дверям, изнутри темным, не видит никоей красы и отходит назад, бродя во мраке; когда же уверится и, паче чаяния, откроются двери, в то время светом воскресения облиставшись, закричит с Давидом: «Исповедуюся Тебе, ибо страшно Ты удивился». «Не сие, но дом Божий и сии врата небесные».

Антон. Посему она подобна луне, когда луна меж солнцем и землею. В то время один полукруг ее темный, а тот, что к солнцу, светлый.

Квадрат. Сия посредственница похожа и на мост, делающий сообщение между Богом и смертными.

Антон. Если сей чудный мост переводит смертных в живот, то достойно и праведно называться может воскресением.

Квадрат. Ах! Сия-то голубица точное есть воскресение мертвых человеков. Она нас, спавших от горы долу, поставляет опять на той же горе.

Лука. И я сему согласен. Сие слово (*воскресение*) в греческом и римском языках значит, кажется, то, если павшего поставить опять на ноги. Кроме того, я слышал, что *голубица* — по-еврейски *иона*. Да и Бог явно говорит Иеремии, что поставит его опять на ноги, если будет ему послушен. И как в Священном Писании весьма бедственное состояние значит сие слово *си*

деть, так, напротив того, стоять есть то быть в точном благополучии. А как несчастное дело есть сидеть и быть колодником в темнице, так еще хуже быть в компании тех, коих Павел пробуживает: «Встань, спящий, и воскресни из мертвых...» Разбей сон глаз твоих, о несчастный мертвец! Поднимись на ноги! Авось уразумеешь, что-то такое есть Христос, свет мира?

Друг. Не могу больше молчать, услышав блаженнейшее и сладчайшее имя светлого воскресения. Я, правда, между прочими и сам сижу в холодном смертном мраке. Но чувствую во мне тайный луч, тайно согревающий сердце мое... Ах, Памва! Сохраним сию Божественную искру в сердце нашем! Побережем ее, дабы прах и пепел гробов наших не затушил ее. В то время что ли мы останемся такое? Разве единый прах и смерть?.. Огня истребить не можем. Не спорю. Но что самим нам делать без огня? Какая польза нам в том, что имеем в себе плоть и кровь? Знай, что ей должно опуститься в истление. В то время погибать ли нам без конца? И мы не инос что, разве мечта, сон, смерть и суета? О премногобедственное ж наше состояние, если все-на-все одно только есть тленное без вечности, если, кроме явного, ничего не имеется в нем тайного, в чем бы существо наше, как на твердом основании, держалось, если всяческая суть суета и всяк человек живущий.

Подлинно ж теперь, если так сильное твое царство, о горькая смерть, непобедимая твоя победа, о ад! Кто или что может противиться тленным вашим законам, все в прах без остатка обращающим? Ах, беда! Погибель! Болезнь! Горесть! Мятеж... Слышите ли? Понимаете ли? Какой сей есть язык?..

Памва. Господи! Избави душу мою от уст сих неправедных... от языка неправолюбного, от человека неправедного... Язык их есть меч острый, гроб открытый.

ВВ *Из контекста следует, что «человек неправедный» находится в данном случае не вне, а внутри говорящего. Следовательно, душа страдает, нуждаясь в избавлении от внутреннего беззакония самого человека, страдает его совесть, пытаясь избавиться от «закона греха»: «...Итак, тот же самый я умом моим служу закону Божию, а плотью закону греха» (Римл. 7, 25).*

Друг. Вот точный яд аспидов, жало греховное, язык змиин, низводящий Адама в труд и болезнь!.. Что ты нам нашептал, о древняя злоба и прелесть? Для чего ты очень высоко возносишь умирающую мертвость, и стареющуюся старость, и тлеющую тлень? Одна ли смерть царствует? И нету живота? Лесть одна без правды, и злоба без благодати, и старость без юности, и тьма без света, и потоп без суши?.. Да запретит же тебе Господь, о потопный язык, реку вод лживых изbleвающий, потопляющий матери Сиона младенцев, покрывающий мраком и облаком черным, низводящий в ад от Господа, на которого клеветал с гордос-

тию, уничтожая Его Царство и правду, юность и вечность, новую землю и живой род!.. Слушай же, бес глухой, язык немой и пустой! Понеже не признаешь пребывания Господня, исповедуя, что одна только смерть везде владеет, низводя все-на-все в ад истления, того ради знай, что новый и нетленный человек не только попрет тленные твои законы, но совсем вооружен мстью до конца тебя разрушит, низвергнет с престола твоего, сделав тебя из головы ничтожным ошьюбом. Памва! Слушай, Памва! Зачем ты молчишь? Ведай, что ты уже познал путь твой. Не шепчет в твоём сердце, онемев, злой язык. Разве опять ожил? Разве опять болезнь грешного языка в утробе твоей обновилась? Опять колет меч душу твою? Видно, что для того молчишь, онемев и смирившись, не говоришь доброго, не вопрошаешь о мире Иерусалима.

Памва. Я давно уже тайно сей язык проклиная в сердце моем.

Друг. Но для чего явно не поешь? Если действительно научился псалму Давидову, для чего со Исаиею возлюбленному твоему песни через весь день не простираешь? Если дал тебе Господь новые уста, зачем с Иеремиею не говоришь: «И отверстые уста мои к тому не затворятся»? Если согрелось сердце твое в тебе, должен ты в поучении твоём раздувать венчающую воскресение искру, пока возгорится ярость блаженного сего пламени и поест всю себе сопротивную тлеть, пока наполнится огненная река Божия, потопляющая нечестивых. Согретое сердце есть огненный Духа Святого язык, новое на небеси и на земле поющий чудо воскресения. Не видишь ли, что во всех ветхое сердце, земной язык? Все боязлив, печален, несит, отчаянный, лишенные небесного параклитового утешения. Сколь же, напротив того, мало тех, о коих сказано: «На стенах твоих, Иерусалим, приставил стражи день и ночь, которые не перестанут помянуть Господа». Мало сынов Амосовых для утешения людей Божиих. Не много Аввакумов, стоящих на Божественной страже. О всех можно сказать: мертв с мертвым твоим сердцем. Железо пройдет душу твою. Сидишь во тьме, лежишь в гробу... О Божественная искра! Зерно горчично и пшенично! Семя Авраамово! Сын Давидов! Христос Иисус! Небесный и новый человек! Глава и сердце, и свет всей твари! Пункт Вселенной! Сила, закон и царство мира! Десница Божия! Воскресение наше! Когда тебя уразумеем?.. Ты истинный человек из истинной плоти. Но мы не знаем такого человека, а которых знаем, те все умирают. Ах, истинный человек никогда не умирает. Так видно, что мы никогда истинного не выдвигали человека, а которых знаем, у тех руки, и ноги, и все тело в прах обращается. Но что свидетельствует камень Священного Писания? «Не стемнеют, — говорит, — очи его, и не истлеют уста его». Но где такой человек? Мы его никогда не видели и не знаем. Не разумею ни очей, ни ушей, ни языка. Все то, что только знаем, на сие не похоже. Тут говорится о бессмертном че-

ловеке и нетленном теле, а мы одну грязь посели и ничего такого не видим, что бы не было не порчено. Итак, сидя в грязи и на нее надеясь, подобными ей и сами сделались. Очи имеем те, которыми ничего не видим, и ноги, ходить не могущие, и таковые же руки, лишенные осязания, язык и уши такого ж сложения. Вот как хорошо разумеем, что такое то есть человек. Кто ж из воскресших не скажет, что мы тень мертвая, что мы не прах, ветром колеблемый? Может ли нечувственная земля признать невидимого?

П а м в а . Скажи лучше по-Давидовому: «Исповедается ли тебе персть?» Брение и вода, мимо текущая, есть естеством своим всякая плоть, из стихий составленная, ров страданий и глубина тьмы. «Спаси меня, — вопиет Давид, — от брения, пусть не утону и от вод многих и глубоких». «Не мертвые восхвалят тебя...»

Д р у г . От сего ж то брения изводит нас помянутая царская дочь Давидова, чистейшая голубица и прекраснейшая дева, одев нас не бренными, но позлащенными в междурамии и посребренными Духом Божиим крыльями. Сими окрылатев, возлетаем с Давидом и почиваем. Бросив земного Адама с его хлебом, болезни, перелетаем сердцем к человеку Павлову, к невидимому, небесному, к нашему миру, не за моря и леса, не выше облаков, не в другие места и века — единый он есть веки, — но проникаем в самый центр сердца нашего и души нашей и, минув все бренные и потопные мысли со всею крайнею внешностью плоти нашей, оставив всю бурю и мрак под ногами его, восходим через помянутой лестницы высокий восход и исход к животу и главе нашей, к истинному человеку, в нерукотворенную скинию и к его нетленной и пречистой плоти, которой земная наша храмина слабая тень и вид есть в рассуждении истинной, сопряженной во едину ипостась без слития естеств Божиего и тленного. Сей-то есть истинный *Человек*, предвечному своему Отцу существом и силою равен, единый во всех нас и во всяком целый, Его же Царствию нет конца...

Сего-то *Человека*, если кто уразумел, тот и возлюбил, и сам взаимно любезным сделался, и одно с ним есть, как прилепившийся брению, и сам есть землю и в землю возвращается. А познавший нетленного и истинного *Человека* не умирает, и смерть им не обладает, но со своим господином верный слуга вечно царствует, раздевшись, как из обветшалой ризы, из земной плоти, надев новую, сообразную его плоти плоть, и не уснет, но изменяется, приняв вместо земных рук нетленные, вместо скотских ушей, очей, языка и прочих всех членов истинные, сокровенные в Боге, как Исаия говорит: «Се Спаситель твой придет, имея с собою мзду, или награждение, воздавая вместо железа серебро, вместо меди золото, полагая на основание твое камень сапфир, то есть небесную, нерукотворенную храмину». Да будет Бог всяческая во всем твоим, а не мертвая земля и брение. Кто ли охотник к сему истинному

животу, к сим блаженным дням? Сейчас вдруг, как молния, дастся тебе. Удержи только язык твой от зла и уста твои... О злой язык! О глава змиина! Начало горестных дней! Всех из рая выводишь, всех в бездну потопляешь. Кто даст на сердце наше раны и на помышления наши наказания премудрости? А иначе нельзя нам долой не упасть. К тебе прибегаем, о гора Божия, купина неопалимая, свечник златой, святая святых, ковчег завета, дева чистая и по рождестве твоём! Ты одна и рождаешь и девиствуешь. Твое единое святейшее семя, един Сын твой, умерший по внешности, а сим самым воскресший и воцарившийся, может стереть главу змиеву, язык, поносящий Господа...

Антон. Если Священное Писание есть сладкие гусли Божие, не худо, если б кто нашу компанию повеселил, поиграв на сем инструменте хоть немножко.

Лука. Я в сем согласен с Антоном и сего ж прошу.

Квадрат. Не поврежу и я вашего доброго согласия и о том же прошу.

Друг. Слышишь ли, Памва? Принимайся за гусли. Ты долго учился Давидовой песне. За десять лет можно приучиться хоть мало.

Памва. Ах! Что мне в жизни приятнее, как петь возлюбленному моему человеку? Не боюсь, чтоб не поразнить голосов. Страшит меня сын Сирахов сими словами: «Скажи, старейшина, и не возбрани музыки».

Друг. Пой и воспой! Не бойся! Будь уверен, что сладкая ему будет беседа наша.

Памва. Но что ее приусладит, если я не искусен?

Друг. Что приусладит? То, что делает приятным отцу младшего сыночка неправильное болтание в речи или худое игжание на арфе. Разве ты позабыл, что искусство во всех священных инструментах тайнах не стоит полушки без любви? Не слышишь ли Давида: «Возлюбите Господа»? А потом что? «И исповедайте, хвалите и превозносите». Любление Господа есть преславная глава премудрости. Какая ж нужда в прочем? Пой дерзновенно! Но как в светской музыке один тон без другого согласного не может показать фундамента, а приобщение третьего голоса совершенную делает музыку, которая состоит вся в троих голосах, меж собою согласных, так точно и в Давидовых гусях одна струна сомнительна, если ее с другим стихом не согласить. А при троих же свидетелях совершенно всякое слово утверждается.

Воскликнем же, Господеви, в гусях! Вооружимся согласием против проклятого языка, врага Божественному нашему человеку. Авось по крайней мере из нашей компании выгоним сего нечистого духа.

**СИМФОНΙΑ, СИРЕЧЬ СОГЛАСИЕ СВЯЩЕННЫХ
СЛОВ СО СЛЕДУЮЩИМ СТИХОМ:
«СКАЗАЛ: СОХРАНЮ ПУТИ МОИ,
ЧТОБЫ НЕ СОГРЕШАТЬ ЯЗЫКОМ МОИМ...»**

Разговор: Памва, Антон, Лука и прочие

Лука. Продолжай же притчу твою, Памва...

Памва. Наконец, те два невольника пришли к великим горам. Они о своем освобождении благодарили Богу. Но голод и скука по отечеству их мучила. Как утих ветер, услышали шум вод и подошли к источнику. Старейший из них, отдохнув несколько, осмотрел места около богатого сего источника, проистекающего из ужасных азиатских гор. «Конечно, — говорит, — недалеко тут люди где-то живут». — «Не знаю, кто бы мог поселиться в сих страшных пустынях, — сказал молодой, — по крайней мере виден бы был след какой-либо к источнику». — «Да, в близости его по камням не видать, — сказал старик, — но в дальней околичности приметил я след, весьма похожий на человеческий». Мало помедлив, поднялися узенькою тропею по кручам. Она привела их к каменной пещере с надписью сею: «Сокровище света, гроб жизни, дверь блаженства».

«Не знаю, какой дух влечет меня в темный сей вертеп, — говорит старик. — Или умру, или жив буду. Ступай за мною!» Последуя предводительству духа, пошли оба внутрь. Молодой, не терпя больше глубокой тьмы: «Ах, куда идем?» — «Потерпи! Кажется, слышу человеческий голос». И действительно, стал слышен шум веселящихся людей. Приблизившись к дверям, начали стучать. За шумом не скоро им отперли. Вошли в пространную залу, лампадами освещенную. Тут их приняли так, как родственников, сделав участниками пира. А живут здесь несколько земледельцев с семьями. Отдохнув несколько дней у сих человеколюбных простаков, праздновавших шесть дней рождение своего господина, спросили путники у Конона, который был меж ними главою, как далеко живет их господин? «Он нас всем тем, что к веселости принадлежит, снабжает, — сказал Конон, — однак мы к нему в дом никогда не ходим и не видим, кроме наших пастухов, которые ему вернее прочих. Они от нас носят ему поклоны. Если желаете, можете к нему идти. Он не смотрит на лицо, но на сердце. Вам назад возвращаться нельзя. Вот двери! Вам не страшен темного вертепа путь при факеле? Господь с вами! Ступайте!»

Седьмого дня по входе своем в пещеру 1771-го года с полночи вступили чужестранцы в путь господский. На рассвете услышали хор поющий: «Смертию смерть поправ...»

После пения вдруг отворились двери. Вошли в чертог, утренним светом озаренный...

Лука. Полно! Воскликните Богу Иаковлеву ныне! Начиная петь псалом твой и веди хор, Памва! А мы за тобой, насколько можно.

Хор

Памва. «Сказал: сохраню пути мои...»

Лука. Кажется, со стихом сим согласен тот: «Сказал: сохрани закон твой...» Отсюда видно, что Давидовы пути, которые он намерен сохранять, и закон Божий — все то одно. Итак, второй стих есть истолкователь первого.

Антон. Немножко есть сомнения в том, что Давид назвал своим то, что Божие есть, а не его.

Квадрат. Для чего ж Давиду закона Божия не назвать своим путем: он, путь нечестивых оставив, усвоил и усыновил себе путь Божий.

Антон. Не спорю. Однако лучше, когда бы третий стих решил сомнение, дабы твердое было в троих тонах согласие.

Лука. Что ж сомневаться? Ведь Давид и Бога своим называет. «Часть моя Ты, Господи. Ты мой, а закон Твой есть мой же». «Сказал: сохраню пути мои...» — то же, что «Сказал: сохрани закон Твой». Но для твоего удовольствия вот тебе третий: «Пути мои исповедал, и Ты услышал меня».

Антон. Я и сим недоволен. Сей стих изъясняется следующим: «Сказал: исповедую на меня беззаконие мое Господеву». И так: «Пути мои исповедал», то есть беззаконие мое, а не закон Божий. «И Ты услышал меня», то есть: «И Ты отпустил нечестие сердца моего». Сии два во всем с собою сходны. И как начало началом, так и конец концом второго открывается. Итак, несколько разнят два стиха сии: «Сохраню пути мои», «Сохрани закон Твой...» Если бы сказал: «Сохраню пути Твои», в то время совершенная была бы симфония с сим: «Сохрани закон Твой».

Квадрат. Как же теперь быть? Слушай, Памва! Завел ты нас в непроходимость. Ты ж сам и выведи.

Памва. Знаю. Для вас сомнительно то, что Давид как закон Божий называет путем своим, так и беззаконие называет своим же. Не удивляйтесь. Один наш для всех нас есть путь, ведущий в вечность, но две в себе части и две стороны, будто два пути, правый и левый, имеет. Часть Господня ведет нас к себе, а левая его сторона в тление. Сею стороною Давид прежде шествовал и, усмотрев обман, говорит: «Пути мои исповедал, и Ты» и проч. Потом, избрав благую часть, сказывает: «Сохраню пути мои», сиречь стану бережечь сию благую часть, дабы меня мой язык не отвел от нее в нетление. «Искуси меня, Боже, и уведи сердце мое, и если есть путь беззакония во мне, тогда наставь меня на путь вечный».

Друг. Любезные друзья. Вы не худо на Давидовой арфе забренчали и, по моему мнению, не нарушили музыки. Но опустили самое нужное, а именно: «Сказал».

Антон. Сие, кажется, всяк разумеет.

Друг. А мне снится, будто нет труднее.

Антон. Конечно, ты шутишь.

Друг. Никак! Священное Писание подобно реке или морю. Часто в том месте глубина и самим ангельским очам неудобозримая закрывается, где по наружности показывается плохо и просто. Примечайте, что Давид на многих местах говорит «сказал» и после сего весьма важное следует, например: «Сказал: ныне начал...» и прочее. «Сказал: потом рождается сохранение закона». «Говорит: безумен в сердце своем»; в то время следует растление всех начинаний; «Сказал: Ты Бог мой». (Видите, что речь семенем и источником есть всему добру и злу, а вы сию голову опустили.) Сей-то доброй речи просит у Бога он же. «Скажи душе моей: Я спасение твое». «Господи, уста мои откроешь...» А как послал Слово Свое и исцелил, в то время Давид всему строению своему положил основание... Как же ты, Антон, говоришь, что всяк разумеет? Разумеешь ли, что такое есть речь?

Антон. По крайней мере вижу человеческие уста.

Друг. Бог знает... «Приступит человек и сердце глубоко». Как же можешь видеть?

Антон. Сердце видеть не могу.

Друг. Так не видишь же ни уст его. Позабыл ты уже оное? «Глубоко сердце человеку, и человек есть». Слушайте, любезные друзья! Запойте на Давидовых гуслях. Обличите его невежество. Изгоните беса. Памва, начинай!

Симфония

Памва. «Согрейся, сердце мое». «Сказал языком моим».

Лука. «Дал Ты веселие в сердце моем».

Квадрат. «Отрыгну сердце мое, слово благо, язык мой — трость...»

Памва. «Возрадуется язык мой правде Твоей».

Квадрат. «Слово Господне разожжет его».

Лука. «Возвеселится в веселии языка Твоего».

Памва. «Разожжется сердце мое и утроба моя».

Лука. «Возрадуются уста мои и душа моя».

Квадрат. «Тебе говорит сердце мое: Господа найду».

Друг. Полно! Слышишь ли, Антон, симфонию? Понял ли ты, что язык со устами радуется, а сердце говорит? Признайся ж с Сираховым сыном, что «уста мудрых в сердце их». Но как сердца их не видишь, так ни уст их, ни языка, ни слова уст их, ни речи. Видишь, сколь трудное слово «сказал»!

Антон. А внешние уста и язык — что такое?

Друг. Онемей и молчи! Не слышал ли ты, что на сих гуслях не должно петь для твоей земли, плоти и крови, но единому Господу и его языку, о коем пишется: «Земля убоялася и умолчала тогда восстать на суд Богу».

Антон. Новый подлинно язык.

Друг. Новый человек имеет и язык новый. Слушай, Памва! Запойте сему возлюбленному нашему человеку, сладости и жела-

нию нашему. Но так пойте, чтоб сладка была ему ваша хвала. Воспойте умом, и не одним воздух поражающим голосом. Новому новую песнь.

Симфония

Памва. «Пою тебе в гусях, святой Израиль».

Лука. «Красен добротою паче сынов человеческих».

Квадрат. «Возлюбленный, как Сын единорожденный».

Памва. «Сего ради помазал тебя, Боже, Бог твой».

Лука. «Честно имя его пред ними и жив будет».

Квадрат. «Обновится, как орлина, юность твоя».

Памва. «Жезл силы пошлет тебе Господь от Сиона».

Лука. «Что есть человек, как помнишь его».

Квадрат. «Человек и человек родился».

Памва. «Престол Его, как солнце».

Лука. «Восстань, почему спишь, Господи!»

Квадрат. «Десница Твоя воспримет меня».

Памва. «Не дашь преподобному Твоему видеть истления».

Лука. «Еще же и плоть моя вселится на уповании».

Квадрат. «И лета Твои не оскудеют».

Друг. Знаешь ли, Антон, сего блаженного мужа? Он не умирает, а плоть его не истлевает.

Антон. Признаюсь, не знаю. А что знаю, те все умирают и тлеют.

Друг. Так слушай же, что те все у Бога непочетные. «Не соберу, — говорит Господь, — соборов их от кровей». Какая польза в крови их, когда они тлеют? Ищи, что то за человек, который в памятной записи у Бога? Если сыщешь, в то время и сам записан будешь на небесах. Ведь ты читал, что «единою говорит Бога», а там разумеется *двое* — человек и человек, язык и язык, «сказал» и «сказал», старое и новое, истинное и пустое, слово Божие и смертное, глава и пята, путь и грех, то есть заблуждение... «Сказал». А потом что? «Сохраню пути мои». «Сказал беззаконующим». А что такое? — «Не беззаконуйте». «Сказал». Что ж то за речь? «Услышу, что говорит во мне Господь?» «Мир! Яко говорит мир на людей своих». «Сказал: вот же и речь». «Господи, уста мои откроешь». «Сказал: Господь скажет слово благовествующим». «Сказал: послал Слово Свое и исцелил их». «Сказал: вначале было Слово». «Сказал: Бог, повелевший из тьмы свету воссиять». «Сказал: тот сотрет твою главу». «Сказал: говорит Бог. — Да будет свет». «Сказал: просвещаешь тьму мою». «Сказал: сердце чистое созидай». «Сказал: Господи, во чреве нашем зачатый». «Сказал: всякая плоть — трава». «Сказал: клялся и поставил судьбы...» «Сказал: живо есть слово Божие». «Сказал: доколе сечешь, о меч Божий? Говорящий истину в сердце моем, Бог сердца моего, доколе сечешь? Я уже скрыл слова Твои в сердце моем».

Антон. А я думал, что Давид обыкновенно сказал нашим языком — «сказал».

Друг. Нет, но тайным, новым, нетленным. Он не любил иначе говорить; слышь, что сказывает: «О Господи, похвалю слово».

Антон. О, когда б Бог дал и мне новый сей язык!

Друг. Если узнаешь старый, познаешь и новый.

Антон. Тьфу! Что за беда? Будто я уже и старого не знаю? Ты меня чучелом сделал.

Друг. Если б тебе трактирщик поставил один старого, другой стакан вина нового, а ты не знаток, то как можно сказать, будто знаешь? Ошибкою можешь почесть старое вместо нового.

Антон. Что же пользы видеть, не имея вкуса?

Друг. Самая правда. А я тебе говорю, что и о самом старом языке не знаешь, где он, хотя б ты вкуса и не был лишен.

Антон. Что ты поешь? Ведь старый наш язык во рту.

Друг. А рот где?

Антон. Разве не видишь моего рта?

Друг. Полно врать, непросвещенная грязь! Преисподняя тьма! Послушай Давидовых гуслей и прогони духа лжи. Воспой, старик!

Симфония

Памва. «Нет в устах их истины. Сердце их суетно».

Лука. «Уста льстивые в сердце».

Квадрат. «Говорит безумен в сердце своем».

Памва. «Труд и болезнь под языком их».

Лука. «Доколе положу советы в душе моей?»

Квадрат. «Болезни в сердце моем...»

Друг. Вот видишь, что и самый старый твой язык в ветхом твоём сердце, а не в наружности.

Антон. Как же наружный мой язык не говорит, когда он говорит? Ведь голос его слышен.

Друг. Мысль движет грязь твоего языка, и она-то говорит им, но не грязь; так как молоток часы на башне бьет, выходит из нутра часовой машины побудительная сила, коею нечувствительный движется молоток. И посему-то Давид поет: «Помыслили (так вот уже) и сказали». Старый, новый ли язык — оба закрылись в бездне сердец своих. «Помыслил, — говорит, — пути твои», то есть «Сказал: сохраню пути мои». А опять о злом языке вот что: «Неправду умыслил язык твой», то есть «Сердце его собрало беззаконие себе». А как в мертвость твоего наружного языка, так во все твоей тленности члены выходит побудительная сила из сердечной же машины. Посему видно, что все они в той же бездне, как яблоня в своем семени, утаиваются, а наружная грязь о них только свидетельствует. Певчие, поиграйте и сей песенки!

СИМФОНИЯ

Памва. «Нога моя стоит на правоте».

Лука. «Те же всегда заблуждают сердцем».

Квадрат. «Неправду руки ваши сплетают».

Памва. «В сердце беззаконие делаете».

Лука. «Язык его соплетает лъшение».

Квадрат. «Возвел очи мои».

Памва. «К тебе взял душу мою».

Лука. «Глянь и приклони ухо твое».

Квадрат. «Преклонил сердце мое в откровения твои».

Друг. Разжуй силу сих слов и усмотришь, что нога гордыни и рука, и рога грешных, и зубы, уши, и око простое и лукавое — и все до последнего волоса спряталось в сердечной глубине. Отсюда-то исходят помышления, всю нашу крайнюю плоть и грязь движущие. Помышление, владеющее наружным твоим оком, есть главное твое око, а плотское так, как бы одежда, последующая своей внутренности. То же разумей и о прочих частях.

Антон. Да ты ж говорил, что уста мудрых только одних в сердце их, а теперь говоришь то о всяких устах.

Друг. Весьма ты приметлив на мои ошибки. Вот Сирахов стих: «Сердце безумных в устах их, уста же мудрых в сердце их». Пускай же и безумного уста будут в сердце. Но если ты сего не разумеешь, в то время мысль твоя будет в грязи наружных твоих уст. А о чем размышляешь, там твое пустое и сердце. Оно думает, что плотская грязь сильна и важна. В сем ложном мнении оно пребывая, делается и само пустошью, так как и язык его есть суетный. Таков помысел есть устами твоими бренными, а в них твое сердце дотоле будет, поколе не скажешь: «Сказал: сохраню пути мои». «Спаси меня от грязи, пусть не утону». Затем-то язык и головою называется, что за сим вождем все человеческое сердце идет. Желал бы я, чтобы тебе Господь и всем нам дал новое и чистое сердце, стер главу языка зминого, а заговорил в сердце нашем тем языком, о коем сказано: «Языка его же не видя, услышал». «Послал Слово свое и избавил их от растлений их».

Антон. Теперь, кажется, и я разумею сии слова: «Возрадуются кости смиренные».

Друг. Когда все-на-все, то и самая кость в душе и в сердце заключается. «Как только, — говорит, — умолчал, обветшали кости мои».

Памва. «Онемел и умолчал от благ в то время, когда востать грешному языку предо мною».

Друг. Подлинно. А как сей злой вождь и глава змиина приводит все сердечное сокровище в смущение, так, напротив того, веселый Божий мир благовествующий язык приносит всему сердцу, всей бездне нашей радость и свет. «Слуху, — говорит, — моему дашь радость и веселие». Для того как все мое, так и кости мои, прежде всего смирившиеся во нетление, теперь возраду-

ются. Сему мирному языку веровал, тем же и говорил. А что сказал? Вот что: «Всяк человек — ложь». «Всякая плоть — сено». «Плоть — ничто же». «Сказал: имя Господне призову». «Сказал: сохранию пути мои». Пойду вслед за новым моим языком, за нетленным человеком. Не пойду во истление за грешным языком. Закричу со Исаиею: «Божий есмь».

Памва. Вошли мы несколько во внутренность плоти нашей, будто в недра земное. Нашли, чего не видели. Людей мы нашли новых, руки, ноги и все новое имеющих. Но еще не конец. Продолжим путь к совершенному миру нашему. Пренебреги, о душа моя, совершенно всю плоть видимую и невидимую! Отходи от нее и приближайся к Господу. Верую отходи, а не видением. Вера роет и движет горы. Вот светильник путям твоим, язык новый!

ВВ *Вот главное отличие метода обучения Сковороды от множества прочих: исследование ведется прежде всего во внутреннем мире обучаемых, помогая им познать самих себя. Остается только пожелать, чтобы такой подход, хотя бы отчасти, стал свойствен нашим учебным программам, в которых так не хватает элементарных знаний по психологии, не говоря уже о предметах действительно духовных. Вспомним, в древности самопознанию отводилась ведущая роль в обучении, что нашло отражение и на страницах Библии, где учение прежде всего сводится к исследованию своего внутреннего мира: «Вникай в себя и в учение...» (1 Тим. 4, 16).*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «...Матери фиваидской премудрости» — т.е. мудрости, свойственной мудрецам города Фивы, одной из столиц Древнего Египта. Египетских мудрецов Скворода рассматривал как носителей истинного монотеистического учения, исполненного глубокой нравственности, но впоследствии искаженного привнесением грубых и плотских «языческих понятий».

² «Мир есть улица Мелхолина» — Мелхола, дочь царя Саула, насмехалась, глядя из окна на экстатическую пляску своего мужа, царя Давида, пред ковчегом Господним (II Цар. 6, 16). Поскольку пляска Давида — символ внутренней радости, испытываемой верующими, Мелхола олицетворяет кошунников «мира сего», издевающихся над непонятным для них и недоступным им «духовным весельем».

³ «Где почиваешь?..» — вопрос, задаваемый Суламифью Соломону в Песни Песней (1, 6). В традиционной иудео-христианской символике Возлюбленный означает Всевышнего, а невеста — человеческую душу. В этом смысле и следует воспринимать приведенную цитату в данном контексте.

⁴ «В тебе источник...» — Пс. 35, 10.

⁵ «Елисейское железо» — по слову пророка Елисея всплыл оброненный в воды Иордана железный топор (IV Цар. 6, 5–6).

⁶ «Сияние славы Отчей» — слова апостола Павла о Сыне Божьем (Евр. 1, 3).

⁷ «Взглянем на еврейских Наркиссов» — имеются в виду библейские пророки, призывавшие к самопознанию.

⁸ «Будет Бог твой с тобою присно...» — Ис. 58, 11–12.

⁹ «Господи, человека не имеем...» — Иоан. 5, 7.

¹⁰ «Если не узнаешь сама себя...» (Песн. П. 1, 7) — слова, обращенные Соломоном к Суламифи, рассматриваются как призыв Бога к человеческой душе: не познавшая себя, она должна идти «по пятам пастухов», т.е. слушать внешних проповедников, а не внутренний Голос, звучащий в сердце.

¹¹ «Финеес, пронзающий блудницу» — Числ. 25, 6–8. Имеется в виду внук первосвященника Аарона, убивший мadianитянку-ворожею, соблазнившую израильского князя и склонившую его к идолослужению. Согласно пониманию Сквороды, блудница символизирует «плотские помышления», а Финеес — силу духа, их побеждающего.

¹² «Поколь не признаешься со Авраамом...» — см. Быт. 18, 27. Имеется в виду, что только признав ничтожность вещественной составляющей своего бытия, человек может осознать свою бессмертную духовную сущность и приблизиться к Богу.

¹³ «Кирпич и вапно»: вапно — приготовленный для строительных работ раствор извести.

¹⁴ «...Голубем безумным, лишенным сердца» — Ос. 7, 11. По мысли Сквороды, «лишенный сердца» — тот, кто не ведает о существовании «внутреннего человека», обитающего в сердце.

¹⁵ «Разделил Он тебе все на двое...» — согласно библейской космогонии, одной из важнейших составляющих сотворения мира было разделение образованных Богом начал: «...И отделил Бог свет от тьмы» (Быт. 1, 4). По учению Сковороды, это служит указанием на разделение между духовным (свет) и материальным (тьма) началами, которое, по примеру Бога, должен «производить в себе» каждый человек.

¹⁶ «Пепел есть сердце их» — т. е. они принимают духовную составляющую своего существа («сердце») за ничто («пепел»), приписывая волю, ум и чувства действию материальных начал.

¹⁷ «600 тысяч вызваны были...» — имеется в виду исход израильтян из Египта — Исх. 12, 37.

¹⁸ «Сын Навин и Халев» — единственные из покинувших Египет взрослых израильтян, которым Бог позволил войти в землю обетованную. Остальные умерли в пустыне в наказание за ропот на Бога, а страну Ханаанскую наследовали их дети — Числ. 14, 29–30.

¹⁹ «Вот светильник путям твоим, язык новый!» — заключительная фраза диалога — контаминация двух мест Писания: «Слово Твое — светильник ноге моей и свет стезе моей» (Пс. 118, 105) — и: «...Будут говорить новыми языками...» (Марк. 16, 17) — обетование Иисуса Христа об одном из духовных даров, сопровождающих крещение Духом Святым (ср. Деян. 2, 4; 1 Кор. 12, 8–10 и 14, 2–5). Соединением этих двух библейских образов Сковорода иллюстрирует свое понимание «нового языка», как нового духовного осмысления себя и мира, основанного на Слове Божьем — «светильнике», зажженном в сердце человека.

БЛАГОДАРНЫЙ ЕРОДИЙ

Притча об аисте («Еродии»), сочиненная Сковородой в 1787 г. на тему воспитания. Основные ее мысли — необходимость возрастить «внутреннего человека», опираясь на природные дарования ученика, его «сродность» с тем или иным образом жизни, с определенным видом деятельности. Особое значение для педагогики, по идее автора, имеет развитие в учащемся чувства благодарности, без которого нельзя стать полноценным человеком.

**ГРИГОРИЙ ВАРСАВА СКОВОРОДА
ЛЮБЕЗНОМУ ДРУГУ
СЕМЕНУ НИКИФОРОВИЧУ ДЯТЛОВУ
ЖЕЛАЕТ МИРА БОЖИЕГО**

Проживая дни жизни по оному Сираховскому типуку: «Блажен муж, который в премудрости умрет и который в разуме своем поучается святыне, размышляя о путях ее в сердце своем, и в сокровенном ее уразумится», соплел я в сие 1787-е лето маленькую плетеницу, или корзинку, нареченную «Благодарный Еродий». Се тебе дар, друг! Прими его, Еродия, по-сродисву, прими парящего и сам сущий парящий. Прими сердцем Еродиево сердце, птица птицу. «Душа наша, как птица». Да будет плетенка сия зеркалом тебе сердца моего и памятною нашей дружбы в последние лета. Ты ведь отец и сам птенцов твоих воспитываешь. Я же друг твой, принесший плетенку сию. В ней для молодого ума твоих птенцов обретишь опреснок от оных хлебов: «Хлеб сердце человеку укрепит». Все в них зерно сие так: живет среди вас нечто дивное, чудное, странное и преславное, должно явиться в свое ему время. Вы же с благоговением ждите, как рабы, ожидающие Господа своего... Ничто же бо есть Бог, только сердце Вселенной; наше же сердце нам же есть Господь и Дух. Сие домашнее они свое благо со временем узнав и пленившись прекрасною его добротою, не станут безобразно и бесновато гоняться за мирскими суетами и во всех злоудачах смогут

себя утешить сею Давидовою песенкою: «Возвратись, душа моя, в покой твой и пути свои посреди себя упокой с Исаиею». Ибо ничем бездна сия — сердце наше — не удовлетворяется, только само собою, и тогда-то в нем сияет вечная радости весна. Такое сердце родив птенцам твоим, будешь им сугубый, сиречь истинный, отец; дети же твои будут истинные, благодарные, благочестивые и самодовольные еродии. Прочее же подобает нечто сказать о еродийской природе. Они подобны журавлям, но светлейшие перья и коралловый или светло-червлёный нос. Неприимимые враги змиям и буфонам, значит, ядовитым жабам. Имя сие (ἐρδῖος) есть эллинское, значит боголюбный, иначе зовется пеларгос и ерогас, по-римски — кикония, по-польски — боцян, по-малороссийски — гайстер. Сия птица освятилась в богословские гадания ради своей благодарности, прозорливости и человеколюбия. Поминают ее Давид и Иеремия. Они кормят и носят родителей, паче же престарелых. Гнездятся на домах, на кирках, на их шпилях и на башнях, сиречь горницах, пирамидах, теремах, вольно, вольно. В Венгрии видел я на каминах. Гадание — по-эллинически символон. Первый символ составляет она сей: сидит в гнезде, на храме святом утвержденном. Под образом подпись таковая: «Господь утверждение мое». Второй символ: стоит один Еродий. Подпись сия: «Ничего нет сильнее благочестия». Третий символ: Еродий терзает змия. Подпись: «Не возвращусь, пока не скончаются». Сии три символа да будут знамением, гербом и печатью книжицы сей. Она совершилась в первую квадру первой луны осенней.

«Там птицы возгнездятся». «Еродиево жилище предводительствует ими» (Псалом). «Еродий познал время свое» (Иеремия).

В Сковорода вслед за авторами Священного Писания называет блаженным, т.е. истинно счастливым, того, кто достиг премудрости. Действительно, какое из физических наслаждений может сравниться с духовной радостью, получаемой от созерцания и исследования предметов и событий, от рационального и интуитивного постижения их скрытого смысла? А именно это и называется премудростью. Современны методы обучения направлены на «овладение реальностью» для ее использования во благо себе, а отнюдь не на «постижение тайны, в ней сокрытой». Поэтому, видимо, так мало «мудрых и разумных» среди воспитанников наших школ...

ГЛАВИЗНА И ТВЕРДЬ КНИЖИЦЫ

«Придите, дети, послушайте меня, страху Господнему научу вас» (Давид).

«Если сердце наше не осуждает нас, дерзновение имеем» (Иоанн).

«Сын! Храни сердце твое, люби душу твою» (Сирах).

«Разума праведник, себе друг будет» (Соломон).

«Человек в чести сущий не разумеет...» (Давид).

«Всяк дух, который не исповедует Иисуса Христа, во плоти пришедшего, не от Бога» (Иоанн).

«Еродий познал время свое, Израиль же меня не познал»² (Иеремия).

«Неблагодарного упование, как иней зимний, растает и изольется, как вода ненужная» (Соломон).

ПРИТЧА, НАРЕЧЕННАЯ «ЕРОДИЙ»

**В ней разглагольствует обезьяна
с птенцом Еродиевым о воспитании**

Обезьяна, по древней своей фамилии именуемая Пишек³. Она в африканских горах на рясном и превознесенном дереве с двумя детей своих седмицами сидела. В то же время пролетал мимо молодой Еродий. Госпожа Пишек, узрев его: «Еродий, Еродий! — воззвала к нему, — друг мой Еродий, сын Пеларга! Радуйся! Мир тебе! Χαῖρε! Салам алейкум!..»

Е р о д и й. А-а! Всемиловитая государыня! Бонжур! Кали имѣра! День добрый! Gehorsamer Diener! Дай Бог радоваться! Salve! Спасайся в Господе!..

П и ш е к. Ай, друг ты мой! Радуюсь, что начал говорить многими языками. Видно, что ученый обучал тебя попугай. Куда Бог несет?

Е р о д и й. Лечу за пищею для родителей.

П и ш е к. Вот беда! Ты ли родителей, а не они тебя кормят?

Е р о д и й. Сие не беда, но веселье и блаженство мое. Они кормили меня в молодости моей от молодых ногтей моих, а мне подобает кормить их при старости их. Сие у нас нарицается ἀντιπαραρῆν, сиречь возблагодарять, или взаимно пеларгствовать, и эллинцы весь наших птиц род называют *пеларгос*. Но мы их не только кормим, но и носим за немощ и старость их.

П и ш е к. Чудо преестественное! Новость, редкость, раритет, необыкновенность, каприз, странная и дикая дичь... Сколько вас у отца и матери детей?

Е р о д и й. Я и меньший меня брат Ерогас и сестра Кикония.

П и ш е к. Где вы обучались в отроческие лета?

Е р о д и й. Нигде. Меня и брата научил отец, а мать — сестру.

П и ш е к. О, мой Боже! Везде цветут славные училища, в которых всеязычные обучают попугаи. Для чего он вас не отдавал? Он не убог. Как быть без воспитания?

Е р о д и й. Для того же то самого сами нас воспитали родители.

П и ш е к. Да его ли дело учить и воспитывать? Разве мало у нас везде учителей?

Е р о д и й. Он сам великий к сему охотник, а мать ему во всем последует. Он славословит, что две суть главные родительские должности сии: «Благо родить и благо научить». Если кто

ни единой из сих двоих заповедей не соблюл, ни благо родил, ни благо научил, сей не отец дитю, но виновник вечной гибели. Если же родил видно благо, но не научил, таков, говорит, есть полуотец, как достойно есть полумать, чревородившая, но не млекопитавшая, даровавшая полматеринства своего доилице и погубившая половину детолюбия. Если-де место владыки сидением рабским бесчестится, как не безобразится отеческая должность, исправляемая рабом или наемником? Пусть же отец извиняется скудостью времени, прощается тогда, когда обретет лучшее дело. Но ничего нет лучше благого воспитания: ни чин, ни богатство, ни фамилия, ни милость вельмож, разве благое рождение. Оно единое есть лучше всего и сего, как семя счастию и зерно воспитанию.

NB *Поскольку в наши дни большое число родителей как бы уступает учителям прерогативу «благо научить» своих детей, то учителя должны рассматриваться, в некотором смысле, как духовные родители своих учеников. Какую огромную ответственность это налагает на воспитателей! Здесь уже поистине не может быть места безразличию, черствости и т.п. Проявлять такие качества к ученикам — то же, что и к собственным детям.*

Пишечк. Благо родить разумеешь ли что?

Еродий. Не знаю. Знаю же, что он сие поставляет известным для единых избранных Божиих. Иногда-де в убогом домике, исполненном страха Божиего, друг роду человеческому благо родится человек, не всегда же и в царских чертогах. Да разумеем, что не красота мира сего, ни тварь какая-либо, но единая благодать Божия благому рождению виновна бывает и что благородство не летами к нам прицепляется, но рождается зерно его с нами. Знаю же и сие, что мой отец, разъярен из-за какого-либо негодяя, стреляет на него сими словами:

O quarta luna seminate!
O malo utero gestate!
O mala mens et ingenium!

Иными же словами язвить не привык никого.

Пишечк. Протолкуй же мне сии уязвления.

Еродий. Я силы их не знаю, а скажу один их звон:

О в четверту луну посеян!
О зло чревоношен матерью!
О злой ум и злая врода!

Пишечк. Конечно, отец твой знает римский и эллинский языки?

Еродий. Столько знает, сколько попугай по-французски.

Пишечк. Что се? Не ругаешь ли отца твоего?

Еродий. Сохрани меня, Господи... Не так я рожден и воспитан. Я самую истину благочестиво сказал.

Пишек. Как же он, не научен по-римски, говорит по-римски?

Еродий. Есть у него друг, нехудо знающий по-римски и маленькую часть по-эллински. С ним он, часто беседуя, научился сказать несколько слов и несколько сентенций.

Пишек. Ах, мой Боже! Как же он мог вас воспитать, невежда сущий?

Еродий. О премудрая госпожа моя! Носится славная притча сия: «Не ходи в чужой монастырь с твоим уставом, а в чужую церковь с твоим типиком». У нас не как у вас, но совсем иной род воспитания в моде. У вас воспитание очень дорогое. У нас же вельми дешевое. Мы воспитываемся даром. Вы же великою ценою.

Пишек. Безделица! Сотницу рубликов с хвостиком потратить в год на мальчика, а чрез 5 лет вдруг он тебе и умница.

Еродий. Госпожа! Деньги достают и за морем. Но где их взять? А воспитание и убогим нужно. И кошка блудлива не находит себе пристанища. Избавляют же от блуда нас не деньги, но молитва даром.

Пишек. Я говорю не о подлом, но о благородном воспитании.

Еродий. А я размышляю не о богатом, но о спасительном воспитании.

В Многие ли из современных родителей и учителей смогли бы повторить вслед за Еродием эти слова? Наоборот, сейчас не только в семьях, но, к сожалению, и в школах все более воцаряется дух корысти, наживы, «маммоны». Соответственно идет научение «выгодному» образу не только жизни, но даже мышления. Как видим, Сковорода подчеркивает несовместимость двух способов воспитания: «богатого» и «спасительного»...

Пишек. Полно же! Ты, вижу, старинных и странных дум придержишься. Однако скажи, как он вас воспитал? Чему научил? Арифметике ли и геометрии? Ученому ли какому или шляхетному языку?..

Еродий. Да мне и сие неведомо: кто есть ученый, а кто-то шляхетный язык.

Пишек. Да ты же со мною привитался разными языками.

Еродий. Да сколько же сказалося, столько и знаю, не больше.

Пишек. По крайней мере танцевать или играть на лютне...

Еродий. А Бог с вами! Я и на балалайке, не только на цимбалах, не умею.

Пишек. Ха-ха-ха! Ему лютня и цимбалы все одно. И сего-то не знает. Но, друг мой! Музыка — великое врачевство в скор-

би, утешение же в печали и забава в счастии. Да чего же он тебя научил? Скажи, пожалуй!

Ер о д и й . Ничего.

Пи ш е к . Умора, ей-ей! Уморил ты меня смехом... Так, так-то у вас воспитывают?

Ер о д и й . Так!

Пи ш е к . Может быть, достал тебе чинок?

Ер о д и й . Ни!

Пи ш е к . Может быть, деньги вам великие собрал или имение?

Ер о д и й . Ни!

Пи ш е к . Так что же? Рога золотые вам на голове вырастил, что ли?

Ер о д и й . Родил и возрастил нам посребренные крылья, ноги, попирающие головы змиев, нос, растерзывающий оных. Се наша и пища, и слава, и забава!

Пи ш е к . Да у вас же крылья черные, по крайней мере смуглые.

Ер о д и й . Черные ведь, но летают путем посребренным.

Пи ш е к . Чего же либо научил вас, однако нельзя не так. Конечно, есть что-то, на сердце вам напечатанное. Родители суть Божий, дети же суть родительский список, изображение, копия. Как от яблони соки в ветви свои, так родительский дух и нрав переходит в детей, пока отлучатся и нововкоренятся.

Ер о д и й . Рожденного на добро нетрудно научить на добро, хоть научить, хоть навychить, хоть извychить. Хоть ученый, хоть звычайный, хоть привычный есть то же. От природы, как матери, легонько успевает наука собою. Сия есть всеродная и истинная учительница и единая. Сокола вскоре научишь летать, но не черепаху. Орла во мгновение навychишь взирать на солнце и забавляться, но не сову. Оленя легко направишь на Кавказские горы, привлечешь пить без труда из чистейших нагорных водотечей, но не верблюда и не вепря. Если всяческое строит премудрая и блаженная *натура*, тогда как не единая она и исцеляет и научает? Всякое дело преуспевает, если она путеводствует. Не мешай только ей, а если можешь, отвращай препятствия и будто дорогу ей очищай; воистину сама она чисто и удачно совершит. Клубок сам собою покатится из горы: отними только ему препятствующий претыкания камень. Не учи его катиться, а только помогай. Яблоню не учи родить яблоки: уже сама натура ее научила. Огради только ее от свиней, отрежь сорняки, очисти гусень, отврати устремляющуюся на корень ее мочу и прочее. Учитель и врач — не врач и учитель, а только слугитель природы, единственной и истинной и врачебницы, и учительницы. Если кто чего хочет научиться, к сему подобает ему родиться. Ничто от людей, от Бога же все возможно. Если же кто дерзает без Бога научить или научиться, да памятует пословицу: «Волка в плуг, а он в луг». Доколь кольцо

висит из ноздрей свиньи, дотоль не роет. Выйми же, опять безобразит землю.

Сие не воспитание и не учение, но обуздание, от человеческой помощи происходящее, всех беззаконников управляющее. Воспитание же истекает от природы, вливающей в сердце семя благой воли, да мало-помалу, без препятствий возросши, самовольно и доброхотно делаем все то, что свято и угодно есть пред Богом и людьми. Какое идолопоклонство воспитывать человеческим наукам и человеческим языкам, восприносить и воспричитать воспитание? Какая польза ангельский язык без доброй мысли? Какой плод тонкая наука без сердца благого? Разве что орудие злобы, бешенству меч и притчею сказать «крылья и рога свиньи». Воззрим, госпожа моя, на весь род человеческий! У них науки, как на торжищах купля, кипят и мятутся. Однако они хищнее суть птиц, невоздержнее скотов, злобнее зверей, лукавее гадов, беспокойнее рыб, невернее моря, опаснее африканских песков... Чего ради? Того ради, что зло рождаются. Природа благая есть всему начало, и без нее ничто не было, что было благо. Благодарю же неизреченным образом Богу в Образе Его святом в отце моем, что благо от него родиться удостоил меня. Вторая же икона Божия нам есть мать наша. Сего ради главным Божиим дарованием одарен через родителей моих; все прочее человеческое: чин, богатство, науки и все ветроносные их блонды и букли с кудрями — вменяю во хвост, без которого голова и живет, и чтится, и веселится, но не хвост без головы.

В Можно себе представить, какое множество людей, воспитанных и воспитывающих описанным образом, возмутится, читая эти строки! А ведь это явный признак того, что обличение попало в цель. Действительно, человек, оставшийся в сердце своем дикарем — «свиньей», постарается использовать все могущество, предоставляемое просвещением, одним из двух способов: либо будет портить жизнь окружающих — «бодать их» вновь приобретенными «рогами» (дополнительной силой и навыками, полученными в процессе обучения), либо — надмеваться и властвовать тиранически над другими людьми, взлетать над ними с помощью обретенных посредством обучения «крыльев».

Пишечк. Что же есть благо родиться и благая природа что есть?

Еродий. Благая природа и врода есть благое сердце.

Пишечк. Что есть сердце благое?

Еродий. Сердце благое есть то же, что приснотекущий источник, источающий чистые вечно струи, знай, мысли.

Пишечк. Что суть мысли?

Еродий. Семя благих дел.

Пишечк. Дела же благие суть что ли?

Еродий. Добрые плоды, приносимые Богу, родителям, благодетелям в честь, славу и жертву.

Пишек. Зачем же мне сердце твое не видно?

Еродий. Тем, что древесного корня не видишь.

Пишек. А ведь вся влага от корня?

Еродий. От сердца же все советы.

Пишек. Какая же твоя природа или врода? К чему ты рожден или врожденное тебе что ли? Скажи, молю!

Еродий. Благодарность — вот вам начало и конец моего рождения!

Пишек. Ах, мой Боже! И ты на сем одном храмину счастья основал? Так ли?

Еродий. Ей-ей! Трехтысячелетняя печь неопально соблюла притчу, сию: «Много хитростей знает лис, а еж — одно великое».

Пишек. Но может ли от дождевых безгодий спасти сия, так сказать, куртая и куца куртинка?

Еродий. Довлеет, как ковчег.

Пишек. Мне кажется, сия надежда есть паучиная одежда.

Еродий. И мне видится малым червончик, но тайно там много сидит гривен.

Пишек. Сего же единого учит тебя твой отец?

Еродий. Единого только сего. Он родил мне крылья, а я сам научился летать. Он родил мне благое сердце, я же самовольно навикаю и глумлюсь, сиречь забавляюсь благодарностью. Он только часто отсекает мне сорняки, разумеи, поступки мои, не достойные благодарения, орошает беседую, оживляющею к благодарности. Все же беседы его, как магнитная стрела в северную точку, праволучно поражают в сей кон: неблагодарная воля — ключ адских мучений, благодарная же воля есть всех сладостей рай. Сын (часто вопиет на меня), сын мой! Ей, учись единой благодарности. Учись, сидя в доме, летя путем, и засыпая, и просыпаясь. Ты рожден благо, и сия наука есть дочь природы твоей. Да будет она тебе сладчайшим и вечерним, и ранним, и обедним куском! Знай, что все прочие науки сугь рабыни сей царицы. Не будь буйным! Не хватайся за хвост, минув голову. Приемли и обращай все во благо. Да будет душа твоя желудком птиц, которые песок, черепашины и камушки обращают себе варением крепкого своего внутреннего жара в питательные свои соки. Неблагодарная и ропотливая душа есть то же, что больной желудок, гнушающийся всякой пищи. Благодарность же есть твердость и здоровье сердца, приемлющего все во благо и укрепляющегося. Плоды блаженной жизни суть радость, веселие и удовольствие; корень же их и дерево благодетельное есть тишина сердечная, а корню зерном есть благодарность. Она есть дух чистый, тихий, благодушный, благовонный, весна и ведро светлого смысла. Не трещит там молния и гром. Вопреки же, все терния и сорняки рождаются от несытой циявицы зависти, зависть же — от ропота, ропот же — от неблагодарной воли, наполнившей сердечное

недро неусыпаемым червием, беспрерывно денно и ночью душу грызущим. Ах! Дети мои, дети! Вот вам надежда и гавань! Евхаристия.

НВ *Неблагодарность ведет не только к неуважению по отношению к тем, кто оказывает нам поддержку, но и к страданиям неудовлетворенности, отправляющим всю жизнь, подобно адским мукам. Поэтому благодарность — корень и основа всякого правильного, поистине спасительного обучения.*

Пишек. А что ли сие слово значит *евхаристия*?

Еродий. Эллины сим словом называют благодарение.

Пишек. И так сим-то образом вас учит ваш отец? Кому же вы сие благодарение ваше воздавать будете?

Еродий. Богу, родителям и благодетелям. Оно Богу жертва, родителям — честь, а благодетелям — воздаяние. Обладатели суть первые благодетели.

Пишек. Чудная форма воспитания. У нас бы осмеяли с ног до головы вас. Где сия мода? Разве на Луне или в дикой Америке?

Еродий. Отец наш вельми странного сердца. Из тысячи сердец едва одно найти, согласное ему.

Пишек. Так что же прочее?

Еродий. Так не удивляйтесь чудной форме.

Пишек. Как же так? Ведь не должно отставать от людей, а люди и мода — одно то.

Еродий. О! О! Он от сей думы дальше, нежели китайская столица от португальской. Он нам часто-пречасто сию притчу поет:

По мосту, мосточку с народом ходи,

По разуму ж его себя не веди.

За жуком ползая, влезешь и сам в глинку.

Он всегда благовестит нам, что мода то же есть, что мир, мир же есть море потопляющихся, страна моровую язвою прокаженных, ограда лютых львов, острог плененных, торжище блудников, улка сластолюбная, печь, распалаяющая похоти, пир беснующихся, лик и хоровод пьяно-сумасбродных. И не отрезвятся, пока не устанут, кратко сказать, слепцы за слепцом в бездну грядущие. Блажен муж, который не идет на путь его. Вначале ведь ворота его красны и путь пространный, конец же его — непроходимая пропасть, неторенная дебря, бездна глубокая. Ах, каковых он приемлет к себе? Каковыми же опять отпускает от себя юношей? Если бы ваше, дети мои, око презирало так, как мое, показались бы и в ваших очах слезы. Но око ваше есть слепое, и злодей ваш хитер, сие источает мне слезы. О юноши! Когда помышляя о вас, в мир устремляющихся, нельзя, чтоб не па-

ла мне в ум притча о волке, который, сожрав мать незлобных ягнят и надев кожу ее на себя, приблизился к стаду. Сын же, увидев мнимую мать свою, со всех сил устремился к ней, а за ним бесчисленные. Также-де мне приходят на память наши братья — птицы тетеревы, гоняющиеся за избытком пищи и уловляемые. Но чайки, соседки, и дятлы бережливее их настолько, насколько олени и сайгаки — овец и волов. Послушайте, дети, отца вашего песенку сию:

Будь доволен малым. За многим не гонись.
Сетей, простертых на лов, вельми берегись.
Я вам предсказываю — роскошно не жить!
На таковых-то всегда закидывают сети.
Триста пали в неволю по горячей страсти,
Шестьсот плачут в болезнях за временны сласти.
Кто благодарен Богу, тот малым доволен,
А ропотник всем миром не сыт и не полон.
Благодарная душа избежит от сети;
Вместо же ее в сети попадет несытый.

Не правду ли я сказал, госпожа моя, что отец наш нравоучение всегда печатлеет благодарностью? В благодарности, говорит, так скрылось всякое благо, как огонь и свет утаился в кремешке. Верую и исповедую. Кто бо может возложить руки на чужое, если не прежде погубит благодарность, довольствующуюся собственным своим, посылаемым ей от Бога? Из неблагодарности — уныние, тоска и жажда, из жажды — зависть, из зависти — лесть, хищение, татьба, кровопролитие и вся беззаконий бездна. В бездне же сей царствует вечная печаль, смущение, отчаяние и с неусыпным червием удка, увязшая в сердце. Сим образом живет весь мир.

ВВ *Для того чтобы этого «малого» было достаточно для радостной жизни, оно должно быть именно «сродным» естеству и стремлению данного человека (например, нехитрый инструментальный ремесленник, любящего свое ремесло, вполне может обеспечить ему и удовлетворенность собственной жизнью, и достаток, и признание в социуме). Подчеркнутые слова Сковороды, конечно же, подобны «мечу вострому» для тех, кто наживаете именно на «раздувании потребностей» человеческого общества, производя и активно рекламируя товары, без которых можно (а иногда и нужно) обойтись. Призыв «будь доволен малым» вызывает ярость тех, кто ориентирован на исключительно материальный подход к жизни.*

Пишек. Но, друг мой, поколь мир впадет в ров отчаяния, вы с вашей богиней, благодарностью, прежде погибнете от голода, не научившись сыскать место для пропитания.

Еродий. Так ли? В сем-то ли блаженство живет? Иметь пропитание? Вижу же ныне, что по вашей желудковой и черева-

той философии блаженнейшая есть засаженная в тюрьму, нежели вольная свинья.

Пишек. Вот он! Черт знает что поет! Разве же голод то не мука?

Еродий. Сию муку исцелит мука.

Пишек. Да где же ее взять?

Еродий. Когда свинья имеет, как нам не достать пищи? Да и где вы видите, что свинья или наш брат, тетерев, от голода умирает? Но от прожорства или умирает, или страдает. Может ли быть безумие безумнейшее и мерзостнейшая неблагодарность Богу, помышляющему о нас, как бояться голода? Нужно ведь никто не лишается. Зачем клевете на владыку Вселенной, как бы Он голодом погублял своих домочадцев? Пища насущная от Небесного Отца всем подается тварям. Будь только малым доволен. Не жажди ненужного и лишнего. Не за нужным, но за лишним за море плывут. От ненужного и лишнего — всякая трудность, всякая гибель. Всякая нужность ведь есть дешева и всякая лишность есть дорога. Для чего дорога и трудна? Для того, что не нужна, и напротив того. Мы аисты. Едим зелье, вкушаем зерно, поедаем змий, редко съедаем буфонов и пищи никогда не лишаемся; только боимся прожорливости. О Боже! Какая чародейка ослепила очи наши не видеть, что природная нужда малою малостью и мальским малым удовлетворяется и что необузданная похоть есть то же, что пытливая пиявица, рождающая в единственный день тысячу дочерей, никогда не сказавших: «Довлеет!»

Пишек. Отрыгну слово эллинское *μάλα εὖ* (мала эи) или турецкое *пек эи*. — «Вельми добро». «Благо же!» Но пытливая пиявица разнообразно из околичностей может ведь мало-помалу насосать себе многого добраца, но уже сухая ваша, немазанная, по пословице, и немая благодарность, скажи, молю, какие вам принесет плоды? Чинок ли, или грунтик, или империалик, что ли? Скажи, умилось сердце!

Еродий. Она нам не приносит многих плодов, но один великий.

Пишек. В одном не много ведь доброго найдешь.

Еродий. Отец наш славословит, что все всяческое, всякая всячина и всякая сплетка, сплетающая множество, не есть блаженная; только блаженное есть едино *то*, что *единое* только есть. На сем *едином*, сего же ради и святом, птица обретет себе храмину и горлица гнездо себе; еродиево же жилище предводительствует ими. «Окаянен (говорит) всяк человек есть и все мятется, не обретший *единое*».

Пишек. Да подай же мне в руки оное твое единое!

Еродий. Премудрая и целомудрая госпожа! Наше добро в огне не горит, в воде не тонет, глеть не тлит, тать не крадет. Как же вам показать? Я единосердечен отцу и в том, что счастья и несчастья нельзя видеть. Обое сие дух есть, проще сказать, мысль. Мысли в сердце, а сердце с нами, будто со своими кры-

льями. Но сердце невидимое, ведро ли в нем и весна, и брак или война, молния и гром, не видно. Отсюда-то в прельщение, когда несчастных счастливыми, вопреки же, блаженных творим бедными.

Пиш е к. Однако я ничему не верю, поколь не ощупаю и не увижу. Таковая у меня из молодых лет мода.

Еродий. Сия мода есть слепецкая. Он ничему не верит, поколь не ощупает лбом стены и падает в ров.

Пиш е к. По крайней мере назови именем духовное твое оно едино. Что ли оно?

Еродий. Не хочется говорить. Конечно, оно вам постылою кажется пустошью.

Пиш е к. Сделай милость, открой! Не мучь.

Еродий. Оно по-эллински именуется *χῆρις* или *εὐφροσύνη* (эвфросина).

Пиш е к. Но протолкуй же, Христа ради, что значит сия твоя харя?

Еродий. Будете ведь смеяться.

Пиш е к. Что же тебе нужды? Смех сей есть приятельский.

Еродий. Оно есть веселие и радость.

Пиш е к. Ха! ха! ха! ха!.. Христа ради, дай мне отдохнуть... Уморишь смехом... Здравствуй же и радуйся, гол да весел! Ты мне сим смехом на три дня здоровья призапасил.

Еродий. Для меня ведь лучше веселие без богатства, нежели богатство без веселия.

Пиш е к. О мать Божия, помилуй нас!.. Да откуда же тебе радость сия и веселие? Оттуда, что ты гол? Вот! В какую пустошь ваша вас приводит благодарность. Хорошо веселиться тогда, когда есть чем. Веселие так, как благовонное яблочко. Оно не бывает без яблони. Надежда есть сего яблока яблонь. Но не тверда радость, встрено веселие есть что? Пустая мечта — мечетная пустыня, сон встающего.

Еродий. Воистину так есть. Всяк тем веселится, что обожает, обожает же то, на что надеется. Павлин надеется на красоту, сокол на быстроту, орел на величество, еродий же веселится тем, что гнездо его твердо на сдине. Порицаете во мне то, что я гол да весел. Но сие же то самое веселит меня, что моя надежная надежда не на богатстве. Надеющийся на богатство в кипящих морских волнах ищет гавани. Радуюсь и веселюсь, что гнездо наше не на сахарном ледке, не на золотом песке, не на буянном возке, но на облачном столпе возлюбленного храма, красящего всю *кифу, кифу адамантову*, святого *Петра кифу*, которую врата адовы вовек не одолеют. Впрочем, в какую суету наша нас вводит благодарность? Не клеветите на нее. Она никогда не низводит во врата адовы. Она избавляет от врат смертных. Благодарность входит во врата Господни, неблагодарность — в адские, возлюбив суету мира сего паче бисера, который суть заповеди Господни, и путь нечестивых, как свинья болото, предызбравшая паче

пути, которым ходят блаженны непорочные. Что бо есть оный бог: «В них же бог мира сего ослепил разумы»? Бог сей есть неблагодарность. Все духом ее водимые, как стало гергесенское, потопляются в озере сует и увязают в болоте своих тленностей, едящие дни жизни своей и, не насыщаясь, жаждущие, ропотливые и день ото дня неблагоприятны; пока не искусили Божии заповеди иметь в разуме и презрели вкусить ангельского сего хлеба, улаждающего и насыщающего сердце; сего ради предаст их Вышний во свиные мудрования искать сытости и сладости там, где ее не бывало, и бояться страха, где же не было страха, дабы из единой несытости 300 и из единой неблагоприятности 600 родилось дочерей во истомление и мучение сердцам и телесам их и во исполнение Исаиных слов: «Сами себе разожгли огонь вожделений ваших, ходите же во пламени огня вашего и опалайтесь». Не гордость ли низвергнула сатану в преисподнюю бездну? Она изгнала из рая Адама. Что же есть рай? Что есть благовидная светлость высоты небесной, если не заповеди Господни, просвещающие очи? Что же опять есть гордость, если не бесовская мудрость, предпочитающая драгоценные одежды, сластные трапезы, светлые чертоги, позлащенные колесницы, и как бы престол свой поставляющая выше скипетра и Царствия Божия, выше воли и заповедей Его? Не только же, но и все служебные духи (разумей, науки мирские) возносятся и восседают выше царицы своей, выше Божией Премудрости. Кто есть мать сих блудливых и прозорливых бесиков? Гордость. Гордости же кто мать? Зависть. Зависти же кто? Похоть. Похоти же кто? Неблагодарность. Неблагодарности же кто? Никто! Тут корень и адское тут дно. Сия адская душа, жадная утроба, алчная бездна, рай заповедей Господних презревшая, никогда же ничем не удовлетворяется, пока живет, пламенем и хворостом похотей опалается, по смерти же, горя, жжется углем и жупелом своих вожделений. Что бо есть сердце, если не печь, горящая и дымящая вечно? Что же опять есть смерть, если не из снов главный сон? Беззаконную бо душу, не спящую ведь во внутреннем судилище, зеркалом, тайно образующим живо беззакония, тайно уязвляет свежая память, во сне же горя ужасными мечтами, страшными приведенный театрами и дикообразными страшилищами смущает и мучит та же вечности памятная книга, грозя достойною мезтью. Из неблагоприятного сердца, как из горнила вавилонского, похотный огонь, пламенными крыльями развеваясь, насилием сердце восхищает, да что ненавидит, то же и творит, и тем же мучится. Ибо ничто не есть вечная мука, только самому себя осуждать, быть достойным мести. Грех же достоинством, как жалом, уязвляет душу покрывающей тьме и находящему страху. Налетает же страх оттуда, как помыслы, не обретая помощи, как гавани, и не видя ни малого света надежды; помышляя, ужасаются, рассуждая, недоумевают, как бы улучшить исход злоключению... Отсюда раскаиваются без пользы, болят без

отрады, желают без надежды. Вот сей есть исход сердцу неблагодарному!

В Да, это так. Потому что не ценят того, что имеют, и постоянно стремятся к тому, чего лишены. Приобретая же это последнее, опять бывают недовольны и, таким образом, живут в ничтожной суете, напрасно тратя драгоценные дни жизни...

Пишечк. Ба! Как балалайку, наладил тебя твой отец. Бряцаешь не вовсе глупо. Для меня мило, что сердце есть то же, что печь.

Еродий. Всякое сердце есть жертвенник, огнище или каминок...

Пишечк. Что же ты умолк?

Еродий. Желание есть-то неугасаемый огонь, день и ночь горящий. Дрова суть то все, желаемое нами. Сие горнило и сия бездна — углие огненное, курение дыма, восходящее до небес и нисходящее до бездн, пламенные волны вечно изблевают сама сущь морских бездн и ширина небес всех. Тут-то прилично подобает сказать святого Исидора слово. «О человек! Почему удивляешься высотам звездным и морским глубинам? Войди в бездну сердца твоего! Тут-то удивись... если имеешь очи». О глубокое сердце человека, и кто познает его? О сердце и воля, беспредельный и бесконечный ад!

В Поскольку доказано и подтверждено многими философскими учениями, что «средоточие» человека есть его воля, а воля воплощается в желаниях, то в практике воспитания ключевую роль следует отводить «воспитанию желаний». Человек более всего и преуспевает там, где действует по доброй воле, т.е. в соответствии со своими желаниями. Как мы помним, по мысли Сковороды, как раз в виде желаний проявляется и «сродность» человека с определенными занятиями и образом жизни. Желание же, направленное на недолжные цели, повреждает и опалает душу. И вот, чтобы желание не превращалось в «неугасимый огонь», напоминающий адское пламя, его следует «просветлить» — направить на соответствующие цели, заставить светить и греть, а не чадить и угрожать пожаром.

Пишечк. Ведь же и твое сердце горит, и курит, и дымится, кипит, клокочет, пенится. Так ли?

Еродий. Содома ведь горит, курит и прочее, сиречь неблагодарное сердце. О всех бо неблагодарных пишется: «Горе им, ибо в путь Каинов пошли...» Но не все же суть сердца Каиновы. Суть и Авелсы жертвенники благовонные, как кадило дым, возвевающие в обоняние Господа Вседержителя. Не знаете ли, госпожа моя, что пеларгиянский мы род, рождаемый к благодарности? Сего ради и благочестивые из людей нашим именем знаменуются (еродиос), ибо мы есть Божие благоухание. Не воздаем безумия Богу, тщанием не ленивы, духом горя, Господу работая,

упованием радуясь, скорби терпя, в молитвах пребывая и всем благодаря, всегда радуясь.

Пиш ек. Разве же у вас благочестие и благодарность есть то же?

Еродий. Разве ж то не то же есть: благое чествовать и благой дар за благо почитать? Благочестие чествует тогда, когда благодарность почтет за благое. Благочестность есть дочь благодарности. Благодарность есть дочь духа веры. Тут верх... Вот вам Араратская гора!

Пиш ек. Признаюсь, друг, что сердце мое нудится дивиться сердцу, неописанной (по слову твоему) бездне. Оно мне час от часу удивительнее. Слово твое действует во мне, будто жало, впущенное в сердце пчелою.

Еродий. Сего ради ублажаю вас.

Пиш ек. О чем?

Еродий. О том, что ваше желание, или аппетит, начал остериться к единой сладчайшей и спасительнейшей из всех пищ пище. Как денница солнце, так и сие знамение ведет за собою здравие. Недужной утробе мерзка есть еда самая лучшая и яд для нее. Здоровое же и обновленное, как орлина юность, Господом сердце преобразует и яд в сладкополезную еду. Какая спасительнее пища, как беседа о Боге? И все гнушаются. Что горестнее есть, как пароксизмами мирских сует волноваться? И все услаждаются. Откуда сия превратность? Оттуда, что голова у них болит. Больны, последы же мертвы, и нет Елисея, чтоб сих умонедужных и сердобольных отроков воскресить. Ибо что есть в человеке голова, если не сердце? Корень дереву, солнце миру, царь народу, сердце же человеку есть корень, солнце, царь и голова. Мать же что есть болящего сего отрока, если не перламутр, плоть тела нашего, соблюдающая в утробе своей бисер оный: «Сын, храни сердце твое!»⁴ «Сын, дай мне сердце твое!»⁵ «Сердце чистое создай во мне, Бог!»⁶ О блажен, сохранивший цело цену сего Маргарита! О благодарность, дочь Господа Саваофа, здоровье, жизнь и воскресение сердцу!

Пиш ек. Пожалуйста, еще что-либо поговори о сердце. Вельми люблю.

Еродий. О любезная госпожа моя! Поверьте, что совершенно будете спокойны тогда, когда и думать и беседовать о сердце не будет вам ни омерзения, ни сытости. Сей есть самый благородный глум. Любители же его названы «царское священие».

Пиш ек. Для чего?

Еродий. Для того, что все прочие дела суть хвост, сие же есть глава и царь.

Пиш ек. Ба! А что значит глум? Я вовсе не разумею. Мню, что иностранное слово сие.

Еродий. Никак. Оно есть старославянское, значит то же, что забава, по-эллиньски διατριφή (диатриба), сиречь провождение времени. Сей глум настолько велик, что нарочито Бог возбужда-

ет к нему: «Упразднитесь и уразумейте»; столько же славен, что Давид им, как царским, хвалится: «Поглумлюся в заповедях Твоих». Древле един только Израиль сею забавою утешался и назван языком святым, прочие же языки, гонящие и хранящие суетное и ложное, — псами и свиньями. Сей царский театр и дивное зрелище всегда был постоянный и неразлучный всем любомудрым, благочестивым и блаженным людям. Всякое зрелище велит за собою скуку и омерзение, кроме сего; паче же сказать: чем более зрится, тем живее рвется ревность и желание. Насколько внутреннее открывается, как только множайшие и сладчайшие чудеса открываются. Не сей ли есть сладчайший и насытый сот вечности? Мир насытый есть, ибо не удовлетворяет. *Вечность* насыта, ибо не огорчает. Сего ради говорит: «Сын, храни сердце твое». Разжевав, скажите так: «Сын, отврати очи твои от сует мирских, перестань примечать враки его, обрати сердечное око твое в твое же сердце. Тут делай наблюдения, тут стань на страже с Аввакумом, тут тебе обсерваториум, тут-то узришь, чего никогда не видал, тут-то надивишься, насладишься и успокоишься»⁷.

Пишек. Но для чего, скажи мне, все сердце презирают?

Еродий. Для того, что все его цены не видят. Сердце подобно царю, в убогой хижинке и в ризе живущему. Всяк его презирает. А кому явилось величие его, тот, упав ниц, раболепно ему поклоняется и сколь можно, все презрев, наслаждается его и лицом, и беседой. Слово сие: «Сын, храни сердце твое» — сей толк и сок утаивает. Сын! не взирай на то, что твое телишко есть убогая хижинка и что плоть твоя есть плетенка и тканка простонародная, рубище подлое, слабое и нечистое. Не суди по лицу ничего, никого, ни себя. В хижинке той и под убогою тою одеждою найдешь там Царя твоего, Отца твоего, дом твой, ковчег Его, кифу, гавань, скалу и спасение твое. Быстро только храни, блюда и примечай. А когда опять Давид говорит: «Поглумлюся в заповедях Твоих», — не то же ли есть, что сказать так: «Наслажусь Твоего лица, слов Твоих, советов и повелений»? Самое ведь величие Его неизреченно удивляет прозорливца. Не пустой ведь вопль сей: «Исповедуюсь Тебе, ибо страшно удивил меня Ты». В древние лета между любомудрыми восстал вопрос сей: «Что ли есть наибольшее?..» О сем все размышляли через долгое время, летом и зимою, ночью и днем. Породились о сем книги. Отдавалось от ученых гор по всей Вселенной многое многих ответов и разногласное эхо. Тогда-то смешались и слились языки. Встал язык на язык, голова на голову, разум на разум, сердце на сердце... В сем столпотворении нашелся муж некий, не ученый, но себя презревший. Сей, паче надежды, обезглавил Голиафа. Смутилась и вскипела вся музыка, поющая песни бездушному истукану, тленному сему миру, со златою его главою — солнцем. Злоба правде противилась, но о кифу вся разбилась. Восстали борющиеся волны, но победила славная сия слава:

«Посреди (говорит) вас живет то, что превыше всего». О Боже, сколь не красива музыка без Святого Духа Твоего! И сколь смехотворна есть премудрость, не познавшая себя! Сего ради молю вас, любезная госпожа моя, не смейтесь и не хулите отца моего за то, что ничему нас не научил, кроме благодарности. Я стану плакать, убегу и полечу от вас.

Пишек. Постой, постой, любезный мой Еродий! Ныне не только не хую отца твоего, но и благословляю и хвалю его. Ныне начало мне, как утро зареть, так открываться, сколь великое дело есть *благодарность*!⁸ Сотвори милость, еще хоть мало побеседуй.

Еродий. О добродетельница моя! Пора мне за моим делом лететь.

Пишек. Друг мой сердечный! Я знаю, что отец твой, милосердная и благочестивая душа, не разгневается за сие.

Еродий. Чего ж вы желаете?

Пишек. Еще о сем же хоть мало побеседуем.

Еродий. Станем же и мы ловить птицу тысячу лет.

Пишек. Что се ты сказал?

Еродий. Вот что! Некий монах 1000 лет ловил прекраснейшую из всех птиц птицу.

Пишек. Знал ли он, что уловит?

Еродий. Он знал, что ее вовеки не уловит.

Пишек. Для чего ж себя пусто трудил?

Еродий. Как пусто, когда забавлялся? Люди забаву покупают. Забава есть врачевство и оживотворение сердца.

Пишек. Вот разве чудный твой глум и дивная диатриба!

Еродий. Воистину чудна, дивная и прекраснейшая птица есть вечность.

Пишек. О! Когда вечность ловил, тогда не напрасно трудился. Верую, что она слаще меда. Посему великое дело есть сердце, если оно есть вечность.

Еродий. О любезная мать! Истину ты сказала. Сего толикого дара и единого блага слепая неблагодарность, не чувствуя, за 1000 безделиц всякий день ропшет на промысл Вечного и сим опалается. Обратись, окаянное сердце, и взгляни на себя самое — и вдруг оживотворишься. Почему ты забыло себя? Кто откроет око твое? Кто воскресит память твою, блаженная бездна? Как воля твоя низвергла тебя в мрачную сию бездну, преобразив свет твой во тьму? Любезная мать, разумеете ли, откуда родится радуга?

NB Как внушительно и одновременно поэтично сказано! То обращение, покаяние, о котором твердят религиозные авторитеты всех конфессий, и то «обретение» истины, к которому призывают философы всех направлений, — совпадают между собой: покаяние («обращение») и внутреннее просветление оказываются одним и тем же процессом, если понять их как «взгляд внутрь себя», как воспомина-

ние о себе настоящем, приводящее к «оживотворению» — воскресению сердца. Не следует ли найти место этому учению, этому драгоценному опыту в нашей воспитательной практике?

П и ш е к. А скажи, пожалуйста, откуда? Я не знаю.

Е р о д и й. Когда смотрит на себя в зеркале пречистых облачных вод солнце, тогда его лицо, являемое в облаках, есть радуга. Сердце человеческое, взирая на свою самую ипостась, воистину рождает предел обуреваний, который есть радостная она дуга Ноева:

Прошли облака,
Радостная дуга сияет.
Прошла вся тоска,
Свет наш блистает.

Веселие сердечное есть чистый свет ведра, когда миновал мрак и шум мирского ветра.

Дуга, прекрасна сиянием своим, как ты ныне стемнела?

Денница пресветлая, как ныне с небес упала ты? Ау! Низвергла тебя гордость, дочь бесчувственной неблагодарности, предпочитившая хобот паче головы, сень преходящую паче мамврийского дуба. Что бо кто обожает, в то себя преобразует. Удивительно, как сердце из вечного и светлого преобразуется в темное и сокрушенное, утвердившись на сокрушении плоти тела своего. Таков, если себе зол, кому добр будет? «Разума же праведник себе друг будет и стези свои посреди себя упокоит». Сие есть истинное, блаженное самолюбие — иметь дома, внутри себя, все свое неукраденное добро, не надеяться же на пустые одежды и на наружные околицы плоти своей, от самого сердца, как тень от своего дуба, и как ветви от корня, и как одежда от носящего ее, зависящие. Вот тогда-то уже рождается нам из благодарности матери подобная дочь, по-эллински именуемая αὐτάρκεια (автаркия), сиречь самодовольность, быть самим собою и в себе довольным, похваляемая и превозносимая, как сладчайший истинного блаженства плод, в первом Павловом письме к Тимофею, в стихе 6-м так: «Есть приобретение великое благочестие с довольством». Вот вам два голубиных крыла! Вот вам две денницы! Две дочери благодарности — благочестность и самодовольность. «И полечу, и почию». Да запечатлеется же сия беседа славою отца моего сею: главизна воспитания есть: 1) благо родить; 2) сохранить птенцу молодое здоровье; 3) научить благодарности.

В Кажется, здесь сосредоточена вся основная мудрость педагогического опыта Сковороды. Чтобы «благо родить», надо самому быть психически и физически здоровым. Чтобы сохранить здоровье ребенку, надо быть медицински просвещенным. Чтобы научить благодарности, надо быть духовно возросшим и целостным воспитате-

зем. Как видим, третье — столь же важное условие благой жизни, как и два предыдущих, без него все предшествующие усилия родителей — дарование жизни своему питомцу и ее сохранение — напрасны...

П и ш е к. Ба! На что ж ты поднял крылья?

Е р о д и й. Прощайте, мать. Полечу от вас. Сердце мое меня осуждает, что не лечу за делом.

П и ш е к. По крайней мере поздоровайся с дочерьми моими.

Е р о д и й. Сделайте милость! Избавьте меня от вашего этикета.

П и ш е к. Мартушка моя поиграет тебе на лютне. Вертушка запоеет или потанцует. Они чрезвычайно благородно воспитаны и в моде у господ. А Кузя и Кузурка любимы за красоту. Знаешь ли, что они песенки слагают? И веришь ли, что они в моде при дворе у Мароккского владельца? Там сынок мой пажом. Недавно к своей родне прилетел оттуда здешний попугай и сказал, что государь жаловал золотую табакерку...

Е р о д и й. На что ему табакерка?

П и ш е к. Ха-ха-ха! На что? Наша ведь честь зависит, что никто удачнее не подражает людям, как наш род. Носи и имей, хоть не нюхай. Знаешь ли, как ему имя?

Е р о д и й. Не знаю.

П и ш е к. Имя ему Пешок. Весьма любезное дитя.

Е р о д и й. Бога ради, отпускайте меня!

П и ш е к. Куда забавен скакун! Как живое серебро, всеми суставами мает. Принц любит его, целые часы проводит с ним, забавляясь.

Е р о д и й. О сем его не ублажаю, не завидую. Прощайте!

П и ш е к. Постой, друг мой, постой! А о благом рождении не сказал ты мне ни слова? Так ли? О-о, полетел! Слушай, Вертушка! Что-то он, поднимаясь, кажется, сказал...

В е р т у ш к а. Он сказал, матушка сударыня, вот что: о благом рождении принесу вам карту.

П и ш е к. А когда же то будет?

Еродий не лгут. Он в следующем месяце мае опять посетил сию госпожу. Принес о благом рождении свиток, но не мог ничем ее утешить: столь лютая терзала ее печаль. Никогда более жестоко не свирепеет печаль, как в то время, когда сердце наше, основав надежду свою на лживом море мира сего и на лжекамнях его, узрит наконец опроверженное гнездо свое и разоряющийся город ложного блаженства. Господин Пешок, перескакивая из окна на окно, упал на двор из горних чертогов, сокрушил ноги и отставлен от двора. Сверх того, старшие дочери начали бесчинствовать и хамским досаждением досаждают матери. Вскоре она умерла, дом же стал пуст. Тогда, как железо на воде, всплыла наверх правда, что сильнее всего есть страх Бо-

жий и что благочестивая и самодовольная благодарность превосходит небо и землю.

Еродий, отлетая, повесил на цветущем финике лист сей:

СВИТОК

*о благом рождении детей ради благочестивых,
сострастных и здоровых родителей.*

Сей в первую и вторую луну, сиречь в квадру,
Сей, выйдя из пиров и бесед священных.
Узрев мертвеца или страшное зрелище, не сей.
Зачавшей сверх, не сей. Не в меру пьян, не сей.
Зачавшая да носит в мыслях и в зрелищах святых,
И в беседах святых, чуждая страстных бурь,
В тихом бесстрастии во зрении святых.

Тогда сбудется: «И пройдет дух холода тонкого, и там Бог»⁹
(Книга Царств).

По сем аист вознесся вверх, воспевая малороссийскую песенку сию:

Соловеечку, сватку, сватку!
Чи бывал же ты в садку, в садку?
Чи видал же ты, как сеют мак?
Вот так, так! Ссют мак.
А ты, шпачку, дурак...

Сию песенку мальчишки, составив лик, сиречь хор, или хоро-
вод, домашние его певчие во увеселение певали святому блажен-
ному епископу Иоасафу Горленко.

В Золотые слова! Страх Божий обязательно выражается в благо-
дарности Ему за дар жизни и постоянное поддержание ее в нас.
А коль скоро человек и сотворен «по Образу Божию», т.е. сущест-
вом разумным и способным совершать благо, то, когда он достига-
ет, наконец, цели своего сотворения, т.е. становится деятельно-
благодарным, приносящим настоящую пользу своим собратьям по че-
ловечеству, — в этот миг «небо и земля», т.е. все мироздание, вен-
цом которого Бог замыслил человека, также достигает своей
истинной цели.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Благодарный Еродий» — церковнославянское название Еродий происходит от греч. эродиос — «любящий Бога». Употреблением этого названия как имени собственного автор подчеркивает, что любовь ко Всевышнему — основа всех добродетелей и должна быть краеугольным камнем любой истинной педагогики.

² «Еродий познал время свое, Израиль же меня не познал» — Иер. 8, 7.

³ «...Именуемая Пишек» — благородному и благодарному аисту Еродию, говорящему о вере в Бога и о благом пути жизни, противопоставлена обезьяна как воплощение материалистического мировоззрения, во главу угла ставящего «чины и деньги».

⁴ «Сын, храни сердце твое» — Прит. 4, 23.

⁵ «Сын, дай мне сердце твое» — Прит. 23, 26.

⁶ «Сердце чистое создай во мне, Бог!» — Пс. 50, 12.

⁷ «...На страже с Аввакумом» — Авв. 2, 1.

⁸ «...Сколь великое дело есть благодарность!» — обезьяна, олицетворяющая, как сказано, материалистическое мировоззрение, постепенно убеждается в правоте «идеалиста» Еродия.

⁹ «И пройдет дух холода тонкого, и там Бог» — ср. III Цар. 19, 11–12.

М. И. Ковалинский. Жизнь Григория Сковороды

М.И.Ковалинский, лучший ученик, ревностный последователь и ближайший друг Сковороды, составил его жизнеописание в 1794 г. — в год смерти Сковороды. Биография донесла до нас такие черты личности и подробности жизни великого философа, которые могли быть сохранены только человеком, очень близко с ним общавшимся и глубоко понявшим его учение. Жизнеописание Сковороды распространялось в списках, первая печатная публикация относится к 1886 г. Но перед этим почти целый век рукописные списки биографии, получившие широкое хождение в разных слоях народа, способствовали популярности Г.С.Сковороды, его личности и его идей.

Non omnis moriar
(Horatius).

Во всем существующем есть нечто главное и всеобщее: в нечленовных ископаемых — земля; в растительных — вода; в животных — огонь; в человеке — разум и так далее.

Каждое бытие составляет особый круг, или мир свой, с различиями, делимостями, раздроблениями до непостижимости.

Каждая главность, или всеобщность, сих кругов имеет над собою и в себе главнейшее, всемирное, верховное, единое начало: все тем были.

Сие, распространяясь, разделяясь в способности, силе, свойствах, постепенности, осуществляет невидимые бытия разнообразно и, в снисхождении своем сгущаясь, составляет в человеке мысленность, в животных — чувство, в растительных — движение, в нечленовных ископаемых — существование.

Человек, то есть воплощенная способность мыслящая, в сем начале живет, движется и есть.

Сия всеглавнейшая, всемирная, невидимая сила едина — ум, жизнь, движение, существование, изливаясь из непостижимости в явление, из вечности — во всеобширность времени, из единства исключительного — до беспредельной множественности, образуя круг человечества, уделяя оному от главности своей благороднейшее преимущество — свободную волю.

На сей главизне, корне, начале основывается власть правительств, держава владык, сила царей, любовь родителей, честь мудрых, слава добродетельных, память праведных.

Множественность вносит различие, а сие предполагает неравенство и несовершенство; свободная воля предполагает выбор; сей же — нравственную способность, могущую познать добро, истину, совершенство, любить оное и искать предпочтительно. Отсюда происходит подвиг искания, и подвижник истины называется мудрый, а дело его — добродетель.

Парфянин и мидянин, иудей и эллин, раб и свободный равно участвуют в сем преимуществе всемирного, верховного, единого начала.

Подвиг, то есть правильное употребление свободной воли, делает разделения; и сей подвиг в выборе истинного, доброго, совершенного есть правда, воздающая всякому свое: полная — полным и тщетная — тщетным. Почему мудрый и праведный есть то же.

Поставленный между вечностью и временем, светом и тьмою, истиною и ложью, добром и злом, имеющий преимущественное право избирать истинное, доброе, совершенное и приводящий то в исполнение на самом деле, во всяком месте, бытии, состоянии, звании, степени есть мудрый, есть праведный.

Таков есть муж, о котором здесь предлежит слово.

Григорий, сын Саввы, Сковорода родился в Малой России, Киевского наместничества, Лубенской округи, в селе Чернухах, в 1722 году. Родители его были из простолюдов: отец — казак, мать — такого же рода. Они имели состояние мешанское, посредственно достаточное, но честностью, правдивостью, странноприимством, набожеством, миролюбивым соседством отличались в своем кругу.

Сей сын их, Григорий, по седьмому году от рождения примечен был склонностью к богочтению, дарованием к музыке, охотою к наукам и твердостью духа. В церкви ходил он самоохотно на клирос и пелал отменно, приятно. Любимое же и всегда почти твердое им пение его было сей Иоанна Дамаскина стих: «Образу златому, на поле Деире служиму, трие твои отроцы не брегаша безбожного веления» и проч.

По охоте его отец отдал его в Киевское училище, славившееся тогда науками. Григорий скоро превзошел сверстников своих успехами и похвалами. Митрополит Киевский Самуил Миславский, человек отличной остроты разума и редких способностей к наукам, будучи тогда соучеником его, оставался во всем ниже его при величайшем соревновании своем.

Тогда царствовала императрица Елизавета, любительница музыки и Малороссии. Дарования Сковороды к музыке и отменно приятный голос его подали случай быть ему выбранным ко двору в певческую музыку, куда и отправлен был он при вступлении на престол государыни.

Он не долго находился там. Императрица скоро предприняла путешествие в Киев и с нею весь круг двора. Сковорода, прибыв туда, при возвратном отбытии двора в С.-Петербург, получив увольнение с чином придворного уставщика, остался в Киеве и опять начал учиться.

Круг наук, преподаваемых в Киеве, показался ему недостаточным. Он возжелал видеть чужие края. Скоро представился повод к сему, и он воспользовался им всеохотно.

От двора отправлен был в Венгрию к Токайским садам генерал-майор Вишневский, который для находившейся там греко-русской церкви хотел иметь церковников, способных к службе и пению. Сковорода, известен знанием музыки, голосом, желанием быть в чужих краях, разумением некоторых языков, представлен был Вишневскому одобрительно и взят им в покровительство.

Путешествуя с генералом сим, имел он случай с позволения его и с помощью его поехать из Венгрии в Вену, Офен, Пресбург и прочие окольные места, где, любопытствуя по охоте своей, старался знакомиться наипаче с людьми, ученостью и знаниями отлично славимыми тогда. Он говорил весьма исправно и с особливою чистотою латинским и немецким языком, довольно разумел эллинский, почему и способствовался сими доставить себе

знакомство и приязнь ученых, а с ними новые познания, каких не имел и не мог иметь в своем отечестве.

Возвратясь из чужих краев, наполнен ученостью, сведениями, знаниями, но с пустым карманом, в крайнем недостатке всего нужнейшего, проживал он у своих прежних приятелей и знакомых. Как и сих состояние не весьма зажиточно было, то искали они случая, как бы употребиться ему с пользою его и общественною. Скоро открылось место учителя поэзии в Переяславе, куда он и отправился по приглашению тамошнего епископа.

Сковорода, имея основательные и обширные знания в науках, нежели каковые тогда были в училищах провинциальных, написал рассуждение о поэзии и руководство к искусству оной так новым образом, что епископу показалось странным и несообразным прежнему старинному обычаю. Епископ приказал переменить и преподавать по тогдашнему обыкновенному образу учения. Сковорода, уверен будучи в знании своем и точности дела сего, не согласился переменить и оставить написанные им правила для поэзии, которые были проще и вразумительнее для учащихся, да и совсем новое и точное понятие давали об оной. Епископ требовал от него письменного ответа образом судебным через консисторию, для чего он не выполнил повеления. Сковорода отвечал, что он полагается на суд всех знатоков в том, что рассуждение его о поэзии и руководство, написанное им, есть правильное и основанное на природе сего искусства. При том в объяснении прибавил латинскую пословицу: «*Alia res scriptum, alia plectrum*», то есть: иное дело пастырский жезл, а иное пастушья свирель.

Епископ, обратив незнание свое в непослушание его и самомнение о учености своей в гордость и высокоумие его, дал свое ручное повеление на докладе консистории следующее: «Да не живет в доме моем творящий гордыню». По сему Сковорода выгнан был из училища Переяславского не с честью. Сей был первый опыт твердости духа его.

Недостатки стесняли его крайне, но нелюбостыжательный нрав его поддерживал в нем веселость его.

Он перешел из училища жить к приятелю своему, который знал цену достоинств его, но не знал стеснения нужд его. Сковорода не смел просить помощи, а приятель не вздумал спросить его о надобности. И так переносил он нужды скромно, молчаливо, терпеливо, безропотно, не имея тогда, как только две худые рубашки, один камлотный кафтан, одни башмаки, одни черные гарусные чулки. Нужда обрабатывала в нем сердце полезнейше и насыла в нем семена терпения такие, которых плодами украсясь жизнь его сделала его мудрым и счастливым.

Не в далеком расстоянии имел жительство малороссийский знаменитый дворянин Стефан Томара, которому потребен был учитель для сына его. Сковорода одобрен был ему от знакомых и

приглашен им в дерсвню Каврай, где и поручен был ему сын в смотрение и науку.

Старик Томара от природы имел великий разум и, по службе обращаясь с иноземцами, приобрел нарочитые знания, однако придерживался много застарелых предубеждений, свойственных грубого воспитания людям, которые смотрят с презрением на все то, что не одето гербами и не расписано родословиями.

Сковорода начал больше возделывать сердце молодого воспитанника своего и, рассматривая природные склонности его, помогать только природе вращением направлением легким, нежным, нечувствительным, а не безвременно обременять разум его науками — и воспитанник привязался к нему внутреннею любовью.

Целый год продолжалось обращение его с сыном, но отец никогда не устаивал учителя ни одним словом разговора, хотя всякий день за столом он с воспитанником бывал у него. Чувствительно было такое унижение человеку, имевшему в низкой простоте благородное сердце. Но Сковорода сносил все то и, не смотря на презрение, на унижение его, исправлял должность свою по совестной обязанности. Договор был сделан на год, и он хотел сдержать слово свое.

В одно время, разговаривая он с воспитанником своим и видя любовь его к себе, а посему и обращаясь с ним откровенно и просто, спросил его, как он мыслит о том, что говорили. Воспитанник на тот случай отвечал неприлично. Сковорода возразил ему, что он мыслит о сем, как свиная голова. Служители тотчас донесли госпоже, что учитель называет шляхетского сына их свиною головою. Мать раздосадовала, разжаловалась супругу, требовала мшения за таковую дерзость. Старик Томара, зная внутренне цену учителя, но уступая настоянию жены, отказал ему от дому и должности и при отпуске его, в первый раз заговоря с ним, сказал ему: «Прости, государь мой! Мне жаль тебя!»

Тогда уже судьба начинала приуготовлять сердце его к несправедливостям людским, которые имел он испытать в продолжение жизни. Сковорода остался без места, без пропитания, без одежды, но не без надежды.

Убог, скуден, нужен приехал он к приятелю своему, одному сотнику переяславскому, человеку добродушному и страннолюбивому. Тут нечаянно представился ему случай ехать в Москву с Калиграфом, отправлявшимся в Московскую академию проповедником, с которым он, как приятель его, и поехал, а оттуда в Троице-Сергиеву лавру, где был тогда наместником многоученый Кирилл, бывший после епископом черниговским. Сей, увидя Сковороду, которого знал уже по слуху, и нашедши в нем человека отличных дарований и учености, старался уговорить его остаться в лавре для пользы училища, но любовь его к отечественному краю отвлекала его в Малороссию. Он возвратился

опять в Переяслав, оставя по себе в лавре имя ученого и дружбу Кирилла.

Дух его отдалял его от всяких привязанностей и, делая его пришельцем, пресельником, странником, выделял в нем сердце гражданина всемирного, который, не имея родства, стяжаний, угла, где главу приклонить, сторицею больше вкушает удовольствий природы, удовольствий простых, невинных, беззаботных, истинных, почерпаемых умом чистым и духом несмущенным в сокровищах вечного.

Не успел приехать он в Переяслав, как разумный Томара поручил знакомым своим уговаривать его, чтоб опять к сыну определился он учителем. Сковорода не соглашался, зная предрасудки его, а паче домашних его, но приятель его, будучи упрощен от Томары, обманом привез его в деревню к нему ночью спящего.

Старик Томара не был уже тот гербовый вельможа, но ласковый дворянин, который хотел ценить людей по внутреннему достоинству их. Он обласкал его дружески, просил быть сыну его другом и руководствовать его в науках. Любовь и откровенное обхождение сильнее всего действовали всегда на Сковороду. Он остался у Томары с сердечным желанием быть полезным, без договора, без условий.

Уединение руководствует к размышлениям. Сковорода, поселясь в деревне, подчиняя доуку нужд необходимых попечению любимого и возлюбившего его господина, обеспечивая себя искренностью его, предался любомудрию, то есть исканию истины.

Часто в свободные часы от должности своей удалялся в поля, рощи, сады для размышления. Рано поутру заря спутница ему бывала в прогулках его и дубравы — собеседники глумлений его. Лета, дарования душевные, склонности природные, нужды житейские звали его попеременно к принятию какого-либо состояния жизни. Суетность и многозаботливость светская представлялась ему морем, буруеваемым беспрестанно волнами житейскими и никогда плывущему к пристани душевного спокойствия не доставляющими. В монашестве, удалившемся от начала своего, видел он мрачное гнездо спершихся страстей, за неимением исхода себе задушающих бытие смертоносно и жалостно. Брачное состояние, сколько ни одобрятельно природою, но не приятствовало беспечному его нраву.

Не решая себя ни на какое состояние, положил он твердо на сердце своем снабдить свою жизнь воздержанием, малоудовольствием, целомудрием, смирением, трудолюбием, терпением, благодушьем, простотою нравов, чистосердечием, оставить все искательства суетные, все попечения любостяжания, все трудности излишества. Такое самоотвержение сближало его благоуспешно с любомудрием.

Душа человеческая, повергаясь в состояния низших себя степеней, погружаясь в зверские страсти, предаваясь чувствен-

ности, собственной скотам, принимает на себя свойства и качества их: злобу, ярость, песьюсть, зависть, хитрость, гордость и проч.; возвышаясь же подвигом доброй воли выше скотских влечений, зверских побуждений и бессловесных стремлений, восходит на высоту чистоты умов, которых стихия есть свет, разум, мир, гармония, любовь, блаженство, и от оных заимствует некоторую силу величественности, светлости, разумения высшего, пространнейшего, далечайшего, яснейшего и превосходнейшей святости в чувствах, которыми, преисполняясь внутренне, являет в воображении состояние бытия человеческого иногда одобрительно, иногда наказательно, увещательно, предварительно и указательно.

Сковорода видел опыт сего порядка и силы природы в себе самом и описывает сие в оставшихся по нем записках своих так:

«В полночь, ноября 24 числа, 1758 года, в селе Каврай казалось во сне, будто я рассматриваю различные охоты жития человеческого по разным местам. В одном месте я был, где царские чертоги, наряды, музыки, плясания; где любящиеся то пели, то в зеркала смотрелись, то бегали из покоя в покой, снимали маски, садились на богатые постели и проч. Оттуда повела меня сила к простому народу, где такие же действия, но особенным образом и порядком производились. Люди шли по улице со склянницами в руках, шумя, веселясь, шатаясь, как обыкновенно в черном народе бывает; так же и любовные дела сродным себе образом происходили у них. Тут, поставя в один ряд мужской, а в другой женский пол, рассматривали, кто хорош, кто на кого похож и кому достоин быть парюю. Отсюда вошел я в постоялые дома, где лошади, упряжь, сено, расплаты, споры и проч. слышал. Наконец, сила ввела меня в храм некий обширный и прекрасный: тут якобы в день сошествия Святого Духа служил я литургию с дьяконом и помню точно, что возглашал сие громко: «Ибо свят Ты, Боже наш» и проч. до конца. При сем по обоим хорам пето было протяжно: «Святый Боже...» Сам же я, с дьяконом пред престолом до земли кланяясь, чувствовал внутренне сладчайшее удовольствие, которого изобразить не могу. Однако и тут человеческими пороками осквернено. Сребролюбие с кошельком таскается и, самого священника не минуя, силой вырывает часть. От мясных обедов, которые в союзных почти храму комнатах отправляемы были, в которых из алтаря многие двери находились, во время литургии дух шибал до самой святой трапезы. Тут я видел следующее ужасное зрелище. Как некоторым не доставало к еде птичьих и звериных мяс, то они одетого в черную ризу человека, имевшего голые колена и убогие сандалии, убитого, в руках держа при огне, колена и икры жарили и мясо с истекающим жиром, отрезая и отгрызая, жрали; и сие делали как бы некие служители. Я, не стерпя смрада и свирепства сего, отвратил очи и вышел. Сей сон не меньше уладил меня, как и утрапил».

Я пишу жизнь человека сего в христианском веке, стране, народе и исповедании. Да прочтут книгу христианства — Святое Писание и увидят, что человек столько же способен быть прозорливцем, во плоти ангелом, богочеловеком, как и зверем, неразумливый да не разумеет!

Сковорода начал чувствовать вкус в свободе от суетностей и пристрастий житейских в убогом, но беспечальном состоянии, в уединении, но без расстройки с самим собою. Лжемудрствующее самолюбие, сия приукрашенная дочь внешнего разума, не могло обаять сердце его. Величественное свойство мыслящего бытия — волю углубил он со всем умствованием ее и желаниями в ничтожность свою и поверг себя в волю Творца, предавшись всецело жизни и любви Божией, дабы промысл Его располагал им, как орудием своим, куда хочет и как хочет.

Когда человек исходит из круга сомнения, самопроизволения, самолюбия своего, почитая все то землею пустою, непроходною и безводною, тогда чистый Дух Святой занимает все чувства его и восстанавливает царские истины, то есть возмывает в нем способности внутреннего чувства огнем любви Своей. Тогда высокое познание и разумение по мере расположения внутреннего и внешнего возникает из средоточия всех вещей, как тончайший, пронизательнейший огонь, с неизъясняемым удовольствием поглощаясь бездною света. В таком состоянии чувство человека взирает на Дух Вседержителя с радостью и поклонением, и сим-то образом смиренное самоотвержение человеческого может созерцать то, что есть в вечности и во времени, ибо все близ Его, все окрест Его, все в Нем есть.

Григорий, наполняясь живыми чувствами истины, изображал то пером в сочинениях простых, но сильных. Между прочими написал он стихи: «Оставь, о дух мой вскоре!..» Старик Томара, прочтя оные и узнав от него, что то была забава его, сказал ему: «Друг мой! Бог благословил тебя дарованием духа и слова».

Все время бытности его у Томары проходило в обучении сына его словесным наукам и языку, а себя — благочестию и самоудовольствию.

ВВ *Под самоудовольствием здесь, конечно, подразумевается не самолюбование или глупая гордыня, но довольство своей участью, столь свойственное образу жизни и учению Сковороды.*

Наконец молодому воспитаннику его надлежало поступить в другой круг упражнений, пристойных по свету и по роду, а Сковороде судьба预备овала звание издалече.

В Белгород прибыл на епископский престол Иоасаф Миткевич — муж, исполненный благосердия, добродетелей, учения. Сему архиерею был известен по законоискусству и по старой приязни игумен Гervasий Якубович, находившийся тогда в Переяславе. Иоасаф пригласил Гervasия разделить с ним епархию

альные труды и дружественную жизнь. Гervasий приехал в Белгород и, видя ревность Иоасафа к наукам, представил ему о Сковороде одобрителнейше. Епископ вызвал его к себе через Гervasия. Сковорода немедленно прибыл и по воле Иоасафа принял должность учителя поэзии в Харьковском училище в 1759 году.

Отличный образ его мыслей, учения, жизни скоро обратил к нему внимание всего общества тамошнего. Он одевался пристойно, но просто; пищу имел состоящую из зелий, плодов и молочных приправ, употреблял оную ввечеру, по захождении солнца; мяса и рыбы не вкушал не по суеверию, но по внутреннему своему расположению; для сна отделял он времени своего не более четырех часов в сутки; вставал до зари и, когда позволяла погода, всегда ходил пешком за город прогуливаться на чистый воздух и в сады; всегда весел, бодр, легок, подвижен, воздержан, целомудр, всем доволен, благодушествующ, унижен пред всеми, словоохотен, где не принужден говорить, из всего выводящий нравоучение, почтителен ко всякому состоянию людей, посещал больных, утешал печальных, разделял последнее с неимущими, выбирал и любил друзей по сердцу их, имел набожество без суеверия, ученость без кичения, обхождение без лести.

Год протек, и он, окончив срочное время, приехал к Иоасафу для препровождения обыкновенного в училищах времени отдохновения. Епископ, желая удержать его более при училище, поручил Гervasию, как приятелю его, уговаривать его, чтоб принял он монашеское состояние, обещая довести его скоро до сана высокого духовенства. Гervasий начал советовать Сковороде, предлагая желание архиерея, благовидность пользы его, предстоящую ему в сем поприще честь, славу, изобилие всего, почтение и, по его мнению, счастливую жизнь.

Не таковы должны были предложены побуждения для сердца Сковороды. Он, выслушав сие, возревновал по истине и сказал Гervasию: «Разве вы хотите, чтобы и я умножил число фарисеев? Ешьте жирно, пейте сладко, одевайтесь мягко и монашествуйте! А Сковорода полагает монашество в жизни нестяжательной, малодовольстве, воздержности, в лишении всего ненужного, дабы приобрести всенужнейшее, в отвержении всех прихотей, дабы сохранить себя самого в целости, во обуздании самолюбия, дабы удобнее выполнить заповедь любви к ближнему, в искании славы Божией, а не славы человеческой». Гervasий убеждал его милостию архиерея, дружбою своею, пользою церкви, но Сковорода, тверд духом и правилами, возразил ему в ответ: «Благодарствую за милость, за дружбу, за похвалу; я не заслуживаю ничего сего за непослушание мое к вам при сем случае». Гervasий, зная недостатки его и думая, что он, нуждаясь содержанием и знакомством в чужой стороне, должен будет согласиться на предложение его, оказал ему осту-

ду. Григорий, приметя сие, решился скоро. На третий же день, дождавшись в передней выхода его, подошел сказать ему все-смирненнейше: «Прошу вашего высокопреподобия на путь мне благословения». Гervасий, не глядя на него, благословил его с досадою, а Сковорода, с миром отойдя, тотчас отправился к новому приятелю своему в деревню Старицу, в окрестности Белгорода.

Старица было место, изобильное лесами, водотечами, удолями, благоприятствующими глубокому уединению. Сковорода, поселясь там, паче всего прилежал к познанию себя и упражнялся в сочинениях, относительных к сему. В лишениях своих, призывая в помощь веру, не полагал оной в наружных обрядах одних, но во умерщвлении самопроизволения духа, то есть побуждений, от себялюбия происходящих; в заключение всех желаний своих в волю всеблагого и всемогущего Творца по всем предприятиям, намерениям и делам. Он единственно занимался повелевать чувству своему и поучать сердце свое не дерзять господствовать над порядком промысла Божия, но повиноваться оному во всей смирненности.

Отец Гervасий донес епископу об отзыве Сковороды на предложения его и об отбытии его. Добродушный Иоасаф не подосадовал, но только пожалел о нем. Между тем Григорий продолжал пустынножительство в Старице.

Нигде столь не обозревает себя человек, как в уединении, и не напрасно сказано древним мудрецом: уединенный должен быть или царь, или зверь. Перебороть скуку, проклятое исчадие недовольства, занять ум и сердце упражнениями достаточными, ублажить их есть дело не иначе, как мудрого, обладающего собою царя уединенного, священника Божиего, понимающего вездесущее и всеисполнение Духа Господнего и поклоняющегося ему духом.

Сковорода, провождая там дни свои в бодрости духа, веселости, беспечалии, благонадежности, часто говаривал при посещающих его: «ὦ σκολίων! ὦ βιβλίων!» — «О свобода! О наука!»

Слух о необыкновенной жизни его и назидательном собеседовании привлек многих искателей знакомства его. Он, посещая некоторых по деревням, вздумал навестить Харьков. Некто из познакомившихся с ним, сделавшись приятелем его, просил, чтоб, будучи в Харькове, познакомился он с племянником его, молодым человеком, находившимся там для наук, и не оставил бы его добрым словом.

Сковорода приехал в Харьков, жил у знакомых своих несколько уже недель. В одно время, пришедши посетить училище и видя тут некоторых незнаемых им, спросил, не находится ли тут такой-то, племянник NN. Молодой тот человек случился на сие время быть там, и знакомые Сковороде сказали, что он самый тот есть. Сковорода, посмотря на него, возлюбил его и возлюбил до самой смерти. После увидел сей молодой чело-

век, что случай таковой был устроен для него перстом Божиим издалече.

Добрый пастырь Иоасаф, не теряя из виду Сковороды, желал всячески привлечь его опять в Харьковское училище и извлечь из дарований его пользу, которую он чувствовал во всей цене ее. Зная, что он не любит принужденности, пригласил его дружески и предложил ему должность учителя, какую хочет. Довольно было убедить Сковороду, чтоб дать только ему на выбор дело — то или другое. Он, имея в виду пользу, намереваемую для молодого нового друга своего, которого в сердце почитал уже таковым, как после сам о сем изъяснялся, рад был призыву епископа и взял предложение его всеохотно, с тем чтоб преподавать ему класс, ниже прежнего, синтаксический. Сверх того, взялся обучать эллинскому языку.

Прибыв из Белгорода в Харьков и вступая в должность, нашел он любимого своего молодого человека, который, однако, не знал и не смел мыслить, чтоб мог быть достойным дружбы его, хотя любил и удивлялся философской жизни его и внутренне почитал его.

Григорий часто начал посещать его и, по склонности молодого человека, занимать его музыкой и чтением книг, служивших поводом к разговорам и нравоучению. Открыв в молодом человеке сердце, какового желал он, и способности природные, какие любил он, обратил внимание свое на удобрение разума его и духа.

Молодой сей человек, будучи воспитываем до сего полуучеными школьными учителями, частью монахами, в руках которых тогда святилища наук находились, которые и положили ему в голову мнения о вещах странные, часто слыша от Сковороды противное тому и не могши согласить в понятии своем новых правил со старыми, видя же на самом деле жизнь его добродетельную, целомудрую, примерную, сомневался сам в себе и сожалел душевно, что такой добродетельный муж имел несогласные с учеными мнения и правила, особливо же до нравоучения и духовных знаний относительно, а посему и в заблуждениях находился.

Все книгочии-наставники его, да и весь свет, словом и делом внушали ему, что счастье человеческое состоит в том, чтобы иметь всего много: много чего есть, много чего пить, много во что одеваться и в утехах праздно веселиться. Сковорода один начал говорить ему: чтоб быть истинно счастливым, то все оное не нужно; что ограничение желаний, отвержение излишеств, обуздание прихотствующей воли, трудолюбие, исправление должности, в которую промысл Божий поставил кого, не за страх, но за совесть, суть пути к счастью. Сковорода говорил сие и жил так.

Велемудрые учили его, что добродетель гражданская одна есть ничто пред верховным существом, что Марк Аврелий, Тит,

Сократ, Платон и прочие славные в древности великими делами и сердцем люди должны быть несчастливы, потому что не имели исторического знания о вещах, случившихся после них. Сковорода утверждал, что во всех оных мужах действовал Дух Вышний, а посему и недостойны они осуждения, но почтения и подражания в любви к истине. И если Бог есть истина, то они были верные служители Его.

Философы, учившие молодого человека, толковали ему, что к такому, например, жизни состоянию больше и особенно привязано благословение Божие, а к иному меньше или же и проклятие, что ведение таинств и выполнение обрядов тайноводства есть совершенство и высокость человека. Сковорода учил, что все состояния суть добры и Бог, разделяя членов общества, никого не обидел; проклятия же налагает он только на сынов противления, которые, не вняв себе и не последуя званию природы, вступают в состояния по страстям, по обманчивым видам, по прихотям. И понеже не испытывали они в себе склонности врожденной, то и предал их верховный Раздаватель дарований в неискусен ум, да творят неподобное и будут прокляты, то есть несчастливы. Сковорода учил, что совершенство человека состоит в делании истинной пользы ближнему и что таинства и обряды тайноводства относительно к слову, а Царствие Божие есть в силе или в деле.

Молодой человек, напоен будучи измлада предубереждениями, слушая Сковороду, восчувствовал в себе возбужденную борьбу мыслей и не знал, чем разрешить оную. Прочие учителя его внушали ему отвращение к Сковороде, запрещали иметь знакомство с ним, слушать разговоров его и даже видиться с ним. Он любил сердце его, но дичился разума его; почитал жизнь, но не вмещал в ум рассуждений его; уважал добродетели, но устранился мнений его; видел чистоту нравов, но не узнавал истины разума его; желал бы быть другом, но не учеником его.

Трудно изгладить первые впечатления.

Сковорода продолжал преподавать синтаксис и эллинский язык общественно, а любимого своего молодого человека обучал особенно греческому языку и чтению древних книг, из которых любимейшие им были следующие писатели: Плутарх, Филон Иудейский, Цицерон, Гораций, Лукиан, Климент Александрийский, Ориген, Нил, Дионисий Ареопагитский, Максим Исповедник, а из новых относительно к сим; глава же всем — Библия. Сила, содержание и конец учебного их упражнения было сердце, то есть основание блаженной жизни.

Предприняв перевоспитывать его и желая больше и больше дать ему впечатлений истины, писал он к нему письма почти ежедневно, дабы, побуждая его к ответствованию, хотя кратко, на оные, приучить его мыслить, рассуждать, изыскиваться страстно, точно, прилично.

Предрассудки, возбуждаемые различием мнений, не позволяли сомнениям в юноше искорениться. Странное происшествие истребило оные до основания, и сие так описано в поденных записках сего молодого человека:

«1763 года, будучи я занят размышлениями о правилах, внушаемых мне Сковородою, и находя в уме моем оные несогласными с образом мыслей прочих, желал сердечно, чтоб кто-либо просветил меня в истине. В таком расположении находясь и поставя себя в возможную чистоту сердца, видел я следующий сон.

Казалось, что на небе, от одного края до другого, по всему пространству оного, были написаны золотыми великими буквами слова. Все небо было голубого цвета, и золотые слова оные казались не столько снаружи блестящими, но больше внутри сияли прозрачно светом и не совокупно написаны по лицу небесного пространства, но складами, по слогам и содержали следующее и точно таким образом: па-мять — свя-тых — му-че-ник — А-на-ни-я — А-за-ри-я — Ми-са-и-ла. Из сих золотых слов сыпались огненные искры, подобно как в кузнице из раздуваемых сильно мехами угольев, и падали стремительно на Григория С. Сковороду. Он стоял на земле, подняв вверх прямо правую руку и левую ногу, в виде проповедующего Иоанна Крестителя, которого живописцы некоторые в изображениях представляют в таком расположении тела и каковым Сковорода тут же мне вообразился. Я стоял близ его, и некоторые искры из падающих на него, отскакивая, падали на меня и производили во мне некую легкость, развязанность, свободу, бодрость, охоту, веселость, ясность, согревание и неизъясняемое удовольствие духа. Я в исполнении сладчайшего чувствования проснулся.

Путру, встав рано, пересказал я сие видение странное почтенному и добродетельному старику троицкому священнику Борису, у которого я имел квартиру. Старик, подумав, сказал мне с умилением: «Ах, молодой человек! Слушайтесь вы сего мужа; он послан вам от Бога быть ангелом-руководителем и наставником». С того часа молодой сей человек предался вседушной дружбе Григория, и с сего времени я в продолжение писания сего буду называть его другом по превосходству.

Представившиеся в великолепном виде написанные на небесах имена трех отроков были тех самых, которых история изображена в том любимом Сковородою Дамаскиновом стихе, который певал он при всяком случае в молодости своей по некоему машинальному побуждению, как о сем упомянуто в начале сего. Ни Сковорода о любимом сем стихе, ни друг его о виденном им никогда друг другу не рассказывали и не знали. По прошествии тридцати одного года, за два месяца до кончины своей, Сковорода, будучи у друга сего в деревне и пересказывая ему всю жизнь свою, упомянул о том стихе Дамаскиновом, что он всегда почти имел в устах его и, сам не зная почему, любил его паче прочих пений. Друг, сие услыша тогда и

приведя на память виденное им во сне за тридесять один год назад, в молчании удивлялся гармонии чудесной, которая в различные лета, в разных местах то одному в уста, что другому после в воображение полагала, в возбуждение сердец их к выполнению и явлению разума и силы истории оной на самом деле, в жизни их. Впрочем, друг его никогда ему о сем виденном не говорил и после.

Ежели по духовному разуму истории образ златой, на поле Деире служимый, есть мир сей, поле Деирово — время, печь огненная — плоть наша, разжигаемая желаниями, похотениями, суестрастиями, пламенями, жгущими дух наш; если трое отроков, не послужившие твари и не брегшие поклониться идолу златому, суть три главнейшие способности человеческие: ум, воля и деяние, не покоряющиеся духу мира сего, во зле лежавшего, и не повреждены огнем любострастной плоти, но, прохладжаясь свыше Духом Святым, песнословно изображают Деву-Богоматерь, девственное сердце, непорочность души человеческой; то огонь, падающий изобильными струями на Григория Сковороду из златовидных имен, написанных на небесах, трех отроков израильских, есть тайнообразовательное свидетельство почивающего на нем Духа Божиего.

Друг его начал давать место в мыслях и в сердце своим мнениям и правилам его и нечувствительно увидел себя на пути светлом чистого ума и несмущенного духа.

Сковорода, захотев возбудить мыслящую силу друга своего поучаться не в книгах одних, но паче в самом себе, откуда все книги рождаются, часто в беседах с ним разделял человека надвое: на внутреннего и внешнего, называя одного вечным, а другого — временным; того — небесным, сего — земным; того — духовным, сего — душевным; одного — творческим, сего — тварным. По сему разделению в одном и том же человеке усматривал он два ума, две воли, два закона, две жизни. Первого по Божественному роду его именовал он царем, господом, началом; другого же по земному бытию его — рабом, орудием, подножием, тварью. И как первому по преимуществу его принадлежало управлять, начальствовать, господствовать, другой же долженствовал повиноваться, служить, последовать воле одного, то в надлежащее соблюдение порядка сего святейшей природы приучал он себя во всех деяниях жизни придерживаться тайного гласа внутреннего, невидимого и неизъяснимого мановения Духа, которое есть глас воли Божией и которое люди, чувствуя втайне и последуя движению его, убажуются, не повинуюсь же побудителю сему и не памятуя одного, окаиваются. Он, испытав на самом деле святость тайного руководства сего, возбуждал внимание в друге своем и в прочих к сему святилищу внутренней силы Божией и часто приглашал прислушиваться к изречениям сего прорицалища нетленного Духа, которого голос раздается в сердцах непорочных, как друга, в развращенных, как су-

ды, в непокорных, как мстителя. Он называл его тем первобытным законом человеков, о котором говорит Святое Писание: «Нетленный Дух Твой есть во всех; тем же заблуждающих помалу обличаешь, и в них же согрешают, вспоминая, учишь, да, пременившись от злобы, веруют в Тебя, Господа!» Он утверждал, что сей был тот самый гений, которому, следуя во всем, добродушный Сократ, как наставнику своему, достиг степени мудрого, то есть счастливого.

Он говаривал с сильным убеждением истины: «Посмотри на человека и узнай его! Кому подобен истинный человек, господствующий во плоти? Подобен доброму и полному колосу пшеничному. Рассуди же: не стебель с ветвями есть колос, не солома его, не полова, не наружная кожица, одевающая зерно, и не тело зерна, но колос есть самая сила, образующая стебель, солому, тело зерна и проч., в которой силе все оное заключается невидимо. Она производит все то в явление весною, когда вся внешность на зерне согнила, дабы не причтено было плодое действие мертвой земле, то есть гниющей внешности, но вся бы слава отдана была невидимому Богу, тайною Своею десницею вседействующему, дабы Он один был во всем глава, вся же внешность прочая — пята. От колоса поступи к человеку. В колосе видел ты солому, полову, кожицу, но не там Бог. Где же? В невидимой силе растительной Господь Бог произрастил пшеницу колос невидимую силою. Посмотри же на телесность человека: не там сила Божия! Она в невидимости его закрылась. Подними же от земной плоти мысли твои и уразумей человека в себе, от Бога рожденного, не сотворенного в последнее жития время! Сила растительная зерна глава тела всего есть, тайная действительность невидимого Бога: познай в себе силу разумную, глагол Божий, Слово вечное, десницу Божию, закон, власть, Царство, невидимость, Образ Отца Небесного! Раскрой сердце твое для принятия веры и для обнятия того человека, который Отцу своему Небесному вместо силы Его и вместо десницы Его есть во веки веков. Сие семя твое, зерно твое есть пространнее небес и земных кругов, видимое сие небо и земля сия в нем сокрываются, и тебе ли сие семя сохранить не сможет? Ах! Будь уверен, что и самый нечувствительный волос головы твоей, потеряв наличность свою, в нем без всякого вреда закроется, сохранится, ублажится! О семя благословенное, человек истинный, Божий! Вся видимость есть подножие его. Сам он в себе носит Царство, онебеся всякого просвещаемого им и восполняя своим всеисполнением, воссев на месте Отца Небесного вовеки».

Сим немногим известным правилом водясь, он принимал на себя должности, располагал упражнения свои и забавы, переменил нечаянно местопребывания, делал знакомства, вступал в приязни, принимал в дружбу свою и не прежде решался делать что-либо зависящее от единственного выбора воли его, как посо-

ветуясь с внутренним духом, которого он называл иногда Минервою. Ибо, как Минерва, по баснословию, рождена из мозга Юпитерова, так дух наш происходит от Бога.

Как Бог дает дарования духа не в одну меру, но различно, по различию отраслей всецелого, то людей, вступающих в состояние жизни не по врожденной способности, называл Сковорода людьми без Минервы. Так часто, видя робкого военачальника, грабителя судью, гордого богослова и проч., с досадою говаривал: «Вот люди без Минервы!» Взглянув на изображение царствующей в веке его Екатерины II, находившееся у друга его в гостинном покое, сказал он с движением: «Вот голова с Минервою!»

Он мыслил, что счастье человека состоит в том, чтоб, узнав собственную в себе способность, по оной употребить себя в жизни. Так, многие богословы были бы, может быть, лучшими стряпчими по делам, многие ученые — разносчиками, многие судьи — пахарями, восначальники — пастухами, монахи — целовальниками и проч.

Отсюда, заключал он, происходит, что одно и то же самое состояние жизни одного ублажает, а другого окаянствует; одного воинский сан прославляет, а другого посямляет; одного царский венец приукрашает благословением, славою, бессмертием, а другого низвергает во тьму кромешную с проклятием имени его; одного богословие делает светильником мира, обладателем над сердцами, славным без славы, почетным без почестей, а другого — обманщиком, лицемером, лжецом высокомудрствующим; одного учение возвысило до небес, а другого низвело до ада; одному судейство доставило имя благодетеля, а другому — разбойника; одному начальство в похвалу и честь, а другому — в хулу и поношение; одного монашество осветило, а другого очернило и погубило веки...

Такое правдивое, но для многих колкое изъяснение скоро навлекло ему брань. Ложь и порок вооружили на него орудия свои в лицах многих. Но рука Господня была с ним, и он превозмогал ею все наветы глупых и злых человеков.

Занимаясь много другом своим, возводя ум его выше обыкновенных познаний, наведывался он искоренить в нем предубеждения, запечатленные от невежд и бабьих басней. Приметя, что страх смерти и боязнь мертвых обладали мучительною воображением его, предлагал он ему важные чтения, разрушающие сие ужасное мнение; беседовал часто о начале и раснашении существ каждого в свое основание, говоря, что венцу подобен век: начало и конец в единой точке заключаются. От зерна колос в зерно возвращается, от семени в семя яблоня закрывается, земля в путь земли идет и дух к духу. «Какое, — так рассуждал он, — есть основание первоначальное тварей?» Ничто. Воля вечная, возжелав облечь совершенство свои в явление видимости, из ничего произвела все то, что существует мысленно и телесно. Сии

желания Воли вечной оделись в мысленности, и мысленности — в виды, виды — в вещественные образы. Назначено поприще или круг каждому существу по образу вечного явить силы свои, то есть излияние невидимого во временной видимости, и опять вступить в свое начало, то есть в свое ничто. Край первый и край последний есть едино, и сие едино есть Бог. Все твари, вся природа суть приятелище, риза, орудие; все сие обвешает, совется, изменится; один Дух Божий, исполняющий Вселенную, пребывает вовеки. Богочеловек наш, говорил он, есть венец наш: не умираем, но изменяемся от смерти в жизнь, от тления в нетление. Умирают и умерли уже, им же бог — чрево их, и слава их — в стыде их. Грядет час и ныне есть, когда мертвые услышат голос сына Божиего и, услышав, оживут. Если же и ныне час есть, то почто на утро, на тысячу лет, на несколько веков и кругообращений планет откладываем жизнь, смерть, воскресение, суд, голос сына Божиего. Нося уже в себе огонь неугасаемый мучительных желаний и чувствий и червь неусыпаемый угрызений совести, можем ли сказать, что мы еще не осуждены, что голос сына Божиего не слышится в нас еще, что труба Божия не извела еще к нам судию страшного, праведного, судящего и слышит Он сердце наше?

Не довольствуясь беседою о сем, приглашал он друга своего в летнее время прогуливаться поздно вечером за город и нечувствительно доводил его до кладбища городского. Тут, ходя в полночь между могил и видимых на песчаном месте от ветра разрытых гробов, разговаривал о безрассудной страшливости людской, возбуждаемой в воображении их от усопших тел. Иногда пел там что-либо приличное благодушеству; иногда же, удалясь в близлежащую рощу, играл на флейтравере, оставя друга молодого между гробов одного, якобы для того, чтоб издали ему приятнее было слушать музыку. Сей, неприметно освобождаясь от пустых впечатлений, мечтательных страхов, в спокойствии сердечном внутренне воссылал благодарение промыслу Божию за ниспослание ему мудрого друга и наставника.

В 1764 году друг его вознамерился поехать в Киев для любопытства. Сковорода решился сопутствовать ему, куда и отправились они в августе месяце.

По приезде туда, при обозревании древностей тамошних, Сковорода был ему истолкователем истории места, нравов и древних обычаев и побудителем к подражанию духовного благочестия почивающих там усопших святых, но не жизни живого монашества.

Многие из соучеников его бывших, из знакомых, из родственников, будучи тогда монахами в Печорской лавре, напали на него неотступно, говоря кругом:

— Полно бродить по свету! Пора пристать к гавани, нам известны твои таланты, святая лавра примет тебя, как мать свое дитя, ты будешь столб церкви и украшение обители.

— Ах, преподобные! — возразил он с горячностью. — Я столботорения умножать собою не хочу, довольно и вас, столбов неотесанных, во храме Божиим.

За сим приветствием старцы замолчали, а Сковорода, смотря на них, продолжал: «Риза, риза! Сколь немногих ты опреподобила! Сколь многих окаянствовала, очаровала. Мир ловит людей разными сетями, накрывая оные богатствами, почестями, славою, друзьями, знакомствами, покровительством, выгодами, утехами и святынею, но всех несчастнее сеть последняя. Блажен, кто святость сердца, то есть счастье свое, не сокрыл в ризу, но в волю Господню!»

Монахи-старцы переменялись в лице, слушая сие; но звон позвал их, и они поспешили на молитву. Один из них просил Сковороду с другом его на завтра прогуляться за обитель. Согласясь, пошли все трое и сели на горе над Днепром. Отец Калиистрат (так назывался он), обняв тут Сковороду, сказал: «О мудрый муж! Я и сам так мыслю, как ты вчера говорил пред нашею братиею, но не смел никогда следовать мыслям моим. Я чувствую, что я не рожден к сему черному наряду и введен в оный одним видом благочестия, и мучу жизнь мою. Могу ли я?...» Сковорода отвечивал: «От человека не возможно, от Бога же все возможно».

По прошествии нескольких дней надлежало другу его возвращаться восвояси. Сковорода, будучи упрощен родственником своим, соборным печерским типографом Иустином, остался в Киеве.

Не прошло двух месяцев, как он приехал из Кисва опять в Харьков. Украину предпочитал он Малороссии за воздух и воды. Реки почти все цветут в Малороссии, отчего и воздух имеет гнилость. Он обыкновенно называл Малороссию матерью потому, что родился там, а Украину — теткою по жительству его в оной и по любви к ней.

В Харькове был губернатором Евдоким Алексеевич Шербинин — человек, не имевший учебного воспитания, но одаренный природным здравым разумом, любитель наук, талантов, музыки, в которой и сам он был весьма искусен и знающ. Наслышась о Сковороде, призвал он его к себе и, поговоря с ним, сказал ему:

— Честный человек! Для чего не возьмешь ты себе никакого известного состояния?

— Милостивый государь, — отвечивал Сковорода. — Свет подобен театру: чтоб представить на театре игру с успехом и похвалою, то берут роли по способностям. Действующее лицо на театре не по знатности роли, но за удачностью игры вообще похвывается. Я долго рассуждал о сем и по многом испытании себя увидел, что не могу представить на театре света никакого лица удачно, кроме низкого, простого, беспечного, уединенного; я сию роль выбрал, взял и доволен.

Губернатор, посматривая на него с удовольствием, полюбил его и сказал предстоящим:

— Вот умный человек! Он прямо счастлив; меньше было бы на свете дурачеств и неудовольствий, если бы люди так мыслили.

— Но, друг мой! — продолжал Щербинин, отведя его особенно из круга. — Может быть, ты имеешь способности к другим состояниям, в общежитии полезным, да привычка, мнение, предубереждение...

— Если бы я почувствовал сего дня, — прервал речь Скворода, — что могу без робости рубить турков, то с сего же дня привязал бы я гусарскую саблю и, надев кивер, пошел бы служить в войско. Труд при врожденной склонности есть удовольствие. Пес бережет стадо день и ночь по врожденной любви и терзает волка по врожденной склонности, несмотря на то что и сам подвергается опасности быть растерзанным хищниками. Ни конь, ни свинья не сделают сего, понеже не имеют природы к тому. Склонности, охота, удовольствие, природа, сила Божия, Бог есть то же. Есть склонности, есть природы злые, и сии суть явление гнева Божиего. Человек есть орудие, свободно и вольно подчиняющееся себя действию или любви Божией, то есть жизни, или гнева Божиего, то есть суда, добра или зла, света или тьмы. Сие напечатлено ощутительно на кругообращении дня и ночи, лета и зимы, жизни и смерти, вечности и времени. Бог есть Бог жизни, или любви, и Бог суда, или гнева. Все твари суть грубые служебные органы свойств сих Верховного Существа; один человек есть благороднейшее орудие Его, имеющее преимущество свободы и полную волю избрания, а потому и цену и отчет за употребление права сего в себе держащее. Отсюда, естественно, происходит понятие о правосудии, милосердии и благодати в Творце. А когда в Творце, то и в тварях, наипаче же приближенных к Нему даром разума. Отсюда власти, правительства, державы, семейства, общества, состояния, отсюда родители, цари, начальники, воины, судьи, господа, рабы; но один Бог во всех и все в Нем.

Щербинин в сладость послушал его и убеждал его ходить к нему чаще.

Скворода, держась приличия того лица, которое избрал он представлять на театре жизни, всегда удалялся от знатных особ, великих обществ и чиновных знакомств: любил быть в малом кругу непринужденного обращения с людьми откровенными; предпочитал чистосердечное обхождение паче всяких ласкательных приемов, в собраниях занимал всегда последнее место, ниже всех и неохотно входил в беседу с незнакомыми, кроме простолюдинов.

Любимое, но не главное упражнение его была музыка, которою он занимался для забавы и препровождал праздное время. Он сочинил духовные концерты, положи некоторые псалмы на музыку, так же и стихи, певасмые во время литургии, которых музыка преисполнена гармонии простой, но важной, проникающей, пленяющей, умиляющей. Он имел особую склонность и

вкус к акроматическому роду музыки. Сверх церковной, он сочинил многие песни в стихах и сам играл на скрипке, флейтравере, бандуре и гусях приятно и со вкусом.

В 1766 году по повелению благополучно царствующей Екатерины II к харьковским училищам по представлению Щербинина прибавлены некоторые науки под названием прибавочных классов. Между прочими назначено было преподавать благородному юношеству правила благонравия. Начальство признало способнейшим к сему Сковороде и пригласило его. Он охотнейше принял сие предложение и не захотел брать определенного за класс сей по окладу жалованья, почитая, что удовольствие, которое находит он быть в сем случае полезным по склонности своей, заменяет ему всякую мзду. По сему поводу написал он в то время сочинение, известное под сим именем: «Начальная дверь к христианскому добронравию для молодого шляхетства Харьковской губернии».

Сочинение сие содержало в себе простые истины, краткие коренные познания должностей, относительных до общежития. Все просвещенные люди признавали в оном чистые понятия, справедливые мысли, основательные рассуждения, чувствительные побуждения, благородные правила, движущие сердце к подобному себе концу высокому.

Но как все то основывалось на познании Бога и достойном почтении оного, то епископ белгородский, бывший тогда епархиальным, почитая такое рассуждение в устах светского человека за похищение власти и преимуществ своих, вознегодовал на него с гонением; требовал книжицу на рассмотрение; нашел некоторые неясности для него и сомнения в речах и образе учения, не соответствующий обыкновенному правилу, почему и препоручил своим спросить Сковороду, для чего он преподавал наставления христианского благонравия различным образом от обыкновенного. Сковорода отвечив: «Дворянство различествует одеянием от черни народной и монахов. Для чего же не иметь оному и понятий различных о том, что нужно знать ему в жизни? Так ли, — продолжал он в ответ, — государя разумеет и почитает пастух и земледелец, как министр его, военачальник, градоначальник? Подобно и дворянству такие ли прилично иметь мысли о Верховном Существо, какие в монастырских уставах и школьных уроках?» По сем ответе все замолчало.

Сковорода, побуждаясь Духом, удалился в глубокое уединение. Близ Харькова есть место, называемое Гужвинское, принадлежащее помещикам Земборским, которых любил он за добродушие их. Оное покрыто угрюмым лесом, в середине которого находился пчельник с одною хижиною. Тут поселился Григорий, укрываясь от молвы житейской и злословий духовенства.

Предавшись на свободе размышлениям и ограждая спокойствие духа безмолвием, бесстрашием, бессуетностью, написал он тут

первое сочинение свое в образе книги, названное им «Наркисс, или о том: познай себя». Прежние его, до того написанные малые сочинения были только отрывочные, в стихах и прозе.

Продолжая там же свое пустынножительство, написал он другое сочинение, под именем: «Книга Асхань, о познании себя самого», которое приписал другу своему.

Лжемудрое высокоумие, не в силах будучи вредить ему злословием, употребило другое орудие — клевету. Оно разглашало повсюду, что Сковорода охуждает употребление мяса и вина и сам чуждается оных. А как известно, что такое учение есть ересь манихейская, проклята от святых соборов, то законословы и дали ему прилагательное имя манихейского ученика. Сверх того, доказывали, что он называет вредными сами по себе золото, серебро, драгоценные вещи, одежды и проч. Как же Бог ничего вредного не сотворил, а все те вещи Им созданы, то и заключали, что он богохульник.

Притом поскольку Сковорода удаляется от людей, чуждается обществ и избегает состояния в общежитии, скрывается в леса, то и выводили естественным последствием, что он не имеет любви к ближнему, а потому и назвали его мизантропом, то есть человеконенавистником.

Сковорода, узнав о сем и не желая, чтоб добрые и простодушные сердца соблазнились о нем сими разглашениями клеветы, явился в город и, найдя в одном собрании приличный случай к объяснению правил своих, говорил так:

— Было время и теперь бывает, что для внутренней моей экономии воздерживаюсь я от мяса и вина. Но потому ли лекарь охуждает, например, чеснок, когда велит поудержаться от употребления одного тому, у кого вредный жар вступил в глаза? Все благосотворено от всещедрого Творца, но не всем всегда бывает полезно. Правда, что я советовал некоторым, дабы они осторожно поступали с вином и мясом, а иногда и совсем от того отводил их, рассуждая горячую молодость их. Но когда отец малолетнему сыну вырывает из рук нож и не дает ему употребления оружейного пороха, сам, однако же, пользуясь оными, то не ясно ли видно, что сын еще не может владеть правильно теми вещами и обращать их в пользу, ради которой они изобретены? Вот почему приняли меня за манихейского ученика. Не ложно то, что всякий род пищи и питья есть полезен и добр; но надлежит брать в рассуждение время, место, меру, особу. Не бедственно ли было бы сосущему грудь младенцу дать крепкой водки? Или не смешно ли работавшему в поте лица весь день на стуже дровосеку подать стакан молока в подкрепление сил его? Как же несправедливо почли меня за манихея, так и недостойно за человеконенавистника и ругателя даров Божиих.

Когда Бог определил мне в низком лице быть на театре света сего, то должно уже мне и в наряде, в одеянии, в поступках и в обращении со степенными, сановными, знаменитыми и по-

чтенными людьми соблюдать благопристойность, уважение и всегда помнить мою ничтожность пред ними. Сие сам я стараюсь сохранить и прочим советовал делать так же, отчего и попал я в оклеветание. Оглагольники мои, если бы приписывали мне обыкновенные слабости или пороки, то сносно было бы мне; но сии языковредные, представляя меня развращающим нравы, делают меня еще душегубителем, то есть еретиком, и под сим видом запрещают, отговаривают, отсоветывают вступать со мною в знакомство, в беседу, в обращение. Я говаривал молодым людям советоваться со своею природою, чтоб они на зрелище жизни могли сохранить благопристойность, приличную искусным действующим лицам; а если кто взял роль, не совсем сродную ему, то старался бы как можно удачнее оную представить и поступать без соблазнов, дабы хотя несколько жалобы между людьми и роптания пред Богом на состояния свои уменьшились.

Слушавшие тут друг на друга взглядывали, и никто ни слова не сказал ему на сие. Скворода, поклонясь всем, отправился тогда же в уединение.

В Изюмском округе, Харьковской губернии, имели жительство дворяне Сошальские, которых брат меньший просил тут же Сквороду пожить у него, предлагая ему спокойное пребывание в деревне его, где все по вкусу и охоте своей он мог найти, как и самого хозяина, ищущего любви его. Скворода поехал с ним в деревню его Гусинку, полюбил место и хозяев и поселился в недалеком расстоянии от деревни, в пасеке их. Тишина, безмятежие, свобода возбудили в нем все чувства тех драгоценных удовольствий, которые опытом известны одним мудрым и целомудрым. «Многие говорят (так писал он к другу своему): что делает в жизни Скворода? Чем забавляется? Я же во Господе возрадуюсь, возвеселюсь о Боге, Спасе моем! Радование есть цвет человеческой жизни, — продолжал он, — оно есть главная точка всех подвигов; все дела каждой жизни сюда текут. Суть некие, как без главной точки живущие, без цели, без пристани плывущие. Но о развращенных я не говорю: свое всякому радование мило. Я же поглумлюсь, позабавлюсь в заповедях Вечного. Все исходит в скуку и омерзение, кроме сей забавы, и пути ее — пути вечные».

Между сим круг жизни друга его доходил до той точки, на которой означает двупутие Геркулесово. Он вознамерился ехать в столицу для службы: в 1769 году отправился туда и прибыл в ноябре.

Свет представился ему во всей великости своих прелестей. Потоп мыслей покрыл разум его, и бездна желаний отверзлась пред сердцем его. Но, приучась от наставника своего — Сквороды относиться во всех своих предприятиях к мановению внутреннего духа, силою его пробудился от обаятельного удивления и, три года проживя в столице, всегда хранил под державою его,

соблюл душевное спокойствие. Блажен, если бы неуклонно во все текущие лета последовал сему великого совета ангелу!

В 1770 году Сковорода, согласясь, с Сошальским поехал в Киев. Родственник его, Иустин, был начальником Китаевской пустыни, что подле Киева. Сковорода поселился у него в монастыре и три месяца провел тут с удовольствием. Но вдруг приметил в себе внутреннее движение Духа непонятное, побуждающее его ехать из Киева: следуя сему по своему обыкновению, просит он Иустина, чтоб отпустил его в Харьков. Сей уговаривает его остаться. Григорий непреклонно настаивает, чтоб отправить его. Иустин закликает его всею святынею не оставлять его. Сей, видя нерасположение Иустина к отпуску его, пошел в Киев к приятелям попросить, чтоб отправили его в Украину. Те удерживают его, он отговаривается, что ему Дух настоятельно велит удалиться из Киева. Между сим пошел он на Подол, нижний город в Киеве. Прийдя на гору, откуда сходят на Подол, вдруг, остановясь, почувствовал он обонянием такой сильный запах мертвых трупов, что перенести не мог, и тотчас повернулся домой. Дух убедительнее погнал его из города, и он с неудовольствием отца Иустина, но с благоволением Духа отправился в путь на другой же день.

Приехав через две недели в Ахтырку-город, остановился он в монастыре у приятеля своего — архимандрита Венедикта. Прекрасное местоположение и приязнь добродушного монаха сего успокоили его. Тут вдруг получили известие, что в Киеве оказалась моровая язва, о которой в бытность его и не слышно было, и что город заперт уже.

Сердце его дотоле почитало Бога, как раб; оттоле возлюбило его, как друг. И о сем он рассказывал другу своему так: «Имея разожженные мысли и чувства души моей благоговением и благодарностию к Богу, встав рано, пошел я в сад прогуляться. Первое ощущение, которое осязал я сердцем моим, была некая развязанность, свобода, бодрость, надежда с исполнением. Введя в сие расположение духа всю волю и все желания мои, почувствовал я внутри себя чрезвычайное движение, которое преисполняло меня силы непонятной. Мгновенно изливание некое сладчайшее наполнило душу мою, от которого все внутреннее мое возгорелось огнем, и казалось, что в жилах моих пламенное течение кругообращалось. Я начал не ходить, но бегать, как бы носим неким восхищением, не чувствуя в себе ни рук, ни ног, но будто бы весь я состоял из огненного состава, носимого в пространстве кругообращения. Весь мир исчез предо мною; одно чувство любви, благонадежности, спокойствия, вечности оживляло существование мое. Слезы полились из очей моих ручьями и разлили некую умиленную гармонию во весь состав мой. Я проник в себя, ощутил как сыновнее любви уверение и с того часа посвятил себя на сыновнее повиновение Духу Божиему».

По прошествии двадцати четырех лет пересказывал он сие другу своему с особенным чувствованием, давая знать, сколь близ нас есть Бог, сколько промышляет о нас, хранит нас, как наседка птенцов своих, под крылья Свой собрав, если мы только не удаляемся от Него во мрачные желания воли нашей растленной.

Поживя несколько у отца Венедикта, отправился он опять в Гусинку к Сошальским, где и занялся упражнениями сочинений.

В 1772 году, в феврале месяце, друг его поехал в чужие края, и, быв во Франции в разных городах, прибыл в 1773 году в Швейцарию, в город Лозанну.

Между многими умными и учеными людьми, каковых в Лозанне нашел он, находился там некто Даниил Мейнгард, человек отменного разума природного, имевший дар слова, ученость редкую, обширные познания, благонравие философское. Он столько похож был чертами лица, обращением, образом мыслей, даром слова на Сковороду, что можно бы почесть его ближайшим родственником его. Друг Сковороды познакомился с ним, и они друг друга столько полюбили, что Мейнгард, имея у себя подле Лозанны прекрасный загородный дом, сад и величайшую библиотеку, просил его располагать оным всем в свое удовольствие, и сей пользовался всегда, как и многими сведениями от него.

Возвратясь из чужих краев и увидясь со Сковородою в 1775 году, рассказал ему друг его ту удивительную встречу, по которой он нашел в Лозанне похожего человека на него чертами лица, свойствами, образом мыслей и дружбою к нему. Сковорода возлюбил его заочно и с того времени начал подписывать на письмах и сочинениях своих имя свое так: Григорий вар (евр. сын) Савва Сковорода, Даниил Мейнгард.

И добрая и худая слава распространилась о нем во всей Украине, Малороссии и далее. Многие хулили его, некоторые хвалили, все хотели видеть его, может быть, за одну странность и необыкновенный образ жизни его, немногие же знали его таковым, каков он в самой точности был внутренне.

По разным обстоятельствам жил он у многих: иногда местоположение по вкусу его, иногда же люди по Минерве его привлекали его проживать некоторое время; непременно же жилища не имел он нигде, почитая себя пришельцем на земле во всем разуме слова сего.

Полюбя Тевяшова, воронежского помещика, жил у него в деревне и написал у него сочинение «Икона Алкивиадовская», которое и приписал ему в память признательности своей к дому сему. Потом имел пребывание в Бурлуках у Захаржевского, ради приятных положений природы жительствовавший у Щербинина в Бабах, в Ивановке у Ковалевского, у друга своего в Хотетове, в монастырях Старо-Харьковском, Харьковском училищном, Ахтырском, Сумском, Святогорском, Сеннянском и проч. по нескол-

ко времени. Иногда жил у кого-либо из сих и у других, совершенно не любя их пороков, но для того только, дабы чрез продолжение времени, обращаясь с ними, беседуя, рассуждая, нечувствительно привлечь их в познание себя, в любовь к истине, в отвращение от зла и примером жизни заставить любить добродетель. Впрочем, во всех местах, где жил он, избирал всегда уединенный угол, жил просто, один, без услуги.

Харьков любил он и часто посещал его. Новый тамошний начальник, услышав о нем, желал видеть его. Сковорода пришел к нему по приглашению его. Губернатор, увидя его в первый раз и посмотрев на него пристально, спросил его:

— Господин Сковорода! О чем учит Библия?

— О человеческом сердце, — отвечал он. — Поваренные ваши книги учат, как удовольствовать желудок; псовые — как зверей давить; модные — как наряжаться; Библия учит, как облагородствовать человеческое сердце.

Некто из ученых спросил его тут же, что есть философия.

— Главная цель жизни человеческой, — отвечал Сковорода. — Глава дел человеческих есть дух его, мысли, сердце. Всяк имеет цель в жизни, но не всяк главную цель, то есть не всяк занимается главою жизни. Иной занимается чревом жизни, то есть все дела свои направляет, чтобы дать жизнь чреву; иной — очам, иной — волосам, иной — ногам и другим членам тела; иной же — одеждам и прочим бездушным вещам; философия, или любомудрие, устремляет весь круг дел своих на тот конец, чтоб дать жизнь духу нашему, благородство сердцу, светлость мыслям, как главе всего. Когда дух в человеке весел, мысли спокойны, сердце мирно, то все светло, счастливо, блаженно. Сие есть философия.

Из Харькова опять отправился он в Гусинку, любимое свое пустынножительство.

Любомудрие, поселясь в сердце Сковороды, доставляло ему благосостояние, возможное земнородному. Свободен от уз всякого принуждения, суетности, искательств, попечений, находил он все свои желания исполненными в ничтожестве оных. Занимаясь сокращением нужд естественных, а не распространением, вкушал он удовольствий, не сравненных ни с какими счастливыми. Когда солнце, возжегши бесчисленные свечи на смарагдо-танной плащанице, предлагало щедрою рукою чувствам его трапезу, тогда он, принимая чашу забав, не растворенных никакими печальми житейскими, никакими воздыханиями страстными, никакими рассеянно-суетными, и вкушая радования высоким умом, в полном упокоении благодушества говаривал: «Благодарение всеблаженному Богу, что нужное сделал нетрудным, а трудное ненужным!»

Когда усталость в размышлениях заставляла его переменить упражнения свои, тогда он приходил к престарелому пчельнику, недалеко жительствовавшему в пчельнике, брал с собою в сото-

варищество любимого пса своего, и трое, составя общество, разделяли между собою вечерю.

Ночь была ему местом упокоения от напряжений мысленных, нечувствительно изнуряющих силы телесные, а легкий и тихий сон для воображения его был зрелищем зрелищ, гармониею природы представляемых.

Полуночное время имел он обычай всегда посвящать на молитву, которая в тишине глубокого молчания чувств и природы сопровождалась богомыслием. Тогда он, собрав все чувства и помышления в один круг внутри себя и обзрев оком суда мрачное жилище своего земного человека, так воззывал оные к началу Божию: «Востаньте, ленивые и всегда книзу поникшие ума моего помыслы! Поднимитесь и возвыситесь на гору вечности!» Тут мгновенно брань открывалась, и сердце его делалось полем рати: самолюбие, вооружась с миродержителем века, светским разумом, собственными брэнности человеческой слабостями и всеми тварями, нападало сильнее на волю его, дабы пленить ее, воссесть на престоле свободы ее и быть подобным Вышнему. Богомыслие, вопреки, приглашало волю его к вечному, единому, истинному благу его, вездесущему, всеисполняющему, и заставляло его облачиться во все оружие Божие, дабы возмог стать противу козней лжемудрия. Какое брение! Сколько подвигов! Воспумели и смутились: надлежало бодрствовать, стоять, мужаться. Небо и ад борется в сердце мудрого, и может ли он быть празден, без дела, без подвига, без пользы человечеству? Так за полуночные часы проводил он в бранном ополчении против сил мрачного мира.

Воссиявшее утро облекало его во свет победы, и в торжестве духа выходил он в поле разделять славословие свое со всею природою.

Сей был образ жизни его! «Не б́рю же, не сею, не покупаю, не воинствую,— так писал он к другу своему из пустыни, — отвергаю же всякую житейскую печаль. Что же делаю? Се, что, всегда благословия Господа, поем воскресение его. Учусь, друг мой, благодарности: се мое дело! Учусь быть довольным о всем том, что от промысла Божия в жизни мне дано. Неблагодарная воля есть ключ адских мучений; благодарное же сердце есть рай сладостей. Ах, друг мой! Поучайся в благодарности, сидя в доме, идя путем, засыпая и просыпаясь; приеми и обращаю все во благо: доволен сущими; о всем приключаящемся тебе не воздавай безумия Богу; всегда радуясь, о всем благодаря, молись».

Можно было жизнь Сковороды назвать жизнью. Не таково было тогда состояние друга его.

Обращение в великом свете, удаля его мало-помалу от его самого, заведя в лестные внешности, усыпая в нем доверие ко внутреннему голосу духа, простудя жар истинного любомудрия, возглаго в нем разум светский и возбудило свойства, собственные сему кругу бытия.

Свет благоприятствовал его своими дарами, наложив на него усыпление, дал ему жену, друзей, приятелей, благодетелей, преданных знакомых, свойственников, житейские связи и выгоды. Но дары сии напоены были соком корня их и свойствами начала их. Он увидел в счастии превращение, в друзьях — измену, в надеждах — обман, в утехах — пустоту, в союзах — самовидность, в ближних — остуду, в своих — лицепрятие.

Таковы были последствия светского круга, в который попал он, оставя сам себя.

Удручен, изможден, истощен волнениями света, обратился он в себя самого, собрал рассеянные по свету мысли в малый круг желаний и, заключа оные в природное свое добродушие, прибыл из столицы в деревню, надеясь там найти берег и пристань житейскому своему обуреваю.

Свет и там исказил все. В глубоком уединении остался он один, без семейства, без друзей, без знакомых, в болезни, в печалях, в беспокойствах, без всякого участия, совета, помощи, соблезнования. Тогда он, возведя очи свои на зрелище света, на круг обстоятельств своих, на заблуждения свои, которых он сделался жертвою, и видя, что не на камне основан был храм житейского счастья его, в сердечном чувстве сожаления, ободрясь добродушием своим, воспел оную преисполненную истины песнь:

«О Иерихон проклятый, как ты меня обманул!» и проч.

Промысл Божий воззрел на него в развалинах бытия его, воздвигнул дух мудрого, сердце друга, и Сковорода семидесятитрехлетний, по девятнадцатилетнем несвидании, одержим болезнями старости, несмотря на дальность пути, на чрезвычайную ненастную погоду и на всегдашнее отвращение к краю сему, приехал в деревню к другу своему, село Хотетово, в двадцати пяти верстах от Орла, один разделить с ним ничтожество его.

Бодрость духа, веселость нрава, мудрая беседа, свободное сердце от всякого рабства света, суетности, пристрастия, торжество благодушия, утвержденное на семидесятилетних столбах жизни и увенчиваемое при исходах века спокойствием вечности, возбудили в друге его усыпленные силы разума, восперили чувства его, возвысили желания, устроили волю к воле Вседержителя.

Сковорода привез к нему сочинения свои, из которых многие приписал ему; читывал оные сам с ним ежедневно и между чтением занимал его рассуждениями, правилами, понятиями, каковых ожидать должно от человека, искавшего истины во всю жизнь не умствованием, но делом и возлюбившего добродетель ради собственной красоты ее.

Речь доходила тут до разных толков или сект. Всякая секта, говорил он, пахнет собственностью, а где собственномудрие,

гут нет главной цели или главной мудрости. Я не знаю мартынистов, продолжал он, ни разума, ни учения их; ежели они особничают в правилах и обрядах, чтобы казаться мудрыми, то я не хочу знать их; если же они мудрствуют в простоте сердца, чтоб быть полезными гражданами обществу, то я почитаю их; но ради сего не для чего бы им особничиваться. Любовь к ближнему не имеет никакой секты: на ней весь закон и пороки висят. Закон природы, как самонужнейший для блага человеческого, есть всеобщий и напечатлен на сердце каждого, дан всякому существу, даже последней песчинке. Благодарение всеблаженному Богу, что трудное сделал ненужным, а нужное нетрудным!

Искание философского камня или превращение всех вещей в золото и соделание состава из одного, дабы продлить человеческую жизнь до нескольких тысяч лет, есть остаток египетского плотолюбия, которое, не могши продлить жизни телесной, при всех мудрованиях своих нашло способ продолжать существование трупов человеческих, известных у нас под именем мумий. Сия секта, говорил он, меряя жизнь аршином лет, а не дел, несообразна тем правилам мудрого, о котором пишется: «Пожив мало, исполнил лета долгие». Сверх того, она ласкательствует соблазнительно суетности человеческой, похотоугодиям, гордости, зависти, любостяжанию; дает в мыслях перевес тленности, в сердце повод к саддукейству.

Друг его доводил беседу до истории Святого Писания. «Многие, — сказал Сковорода, — не разумея меня или не хотя разуместь, клеветают, якобы я отвергаю историю Ветхого и Нового Завета, потому что признаю и исповедую в оной духовный разум, чувствую богописанный закон и усматриваю сущее сквозь буквальный смысл. Я пополняю сим историю, а не разоряю, ибо, как тело без духа мертво, так и Святое Писание без веры; вера же есть невидимых извещение. Когда я хвалю доблесть воина, неустрашимость, мужество, храбрость его, то сим не уничтожаю нарядов его, ни оружия его. Наряд, убранство, оружие воина есть история, а разум и слава сей истории есть дух воина, дело его. Когда я, смотря на прекрасный храм, превозношу похвалами симметрию, пропорцию, великолепие, то, относя сие к искусству создателя, к красоте целого, отвергаю ли, исключаю ли кирпич, известь, железо, песок, воду, каменщиков, ваятелей и проч., как будто бы ничего того не бывало? Я удивляюсь разуму храма, но тем не отмечаю наружности одного.

Читая Святое Писание в намерении научиться в нем богочитанию, богобоязливости, любви ближнего, повиновению начальству, покорности ко властям предлежащим, усовершению сердца во всех отношениях его, когда я найду, например, историю, что Аарон-первосвященник золотого тельца иудейского, сделанного ими в небытность его и поклоняемого от

них, бросил в огонь и растопил, то я не останавливаюсь тут на химической работе, помня всегда, что Библия не есть наука химии, но книга священная, поучающая святости нравов человека, способного внимать учению ее. Я научаюсь из сей истории, что сердце человеческое не может быть без упражнения и что когда удаляется от оногo мысль священная, понятие истины, дух разума, то оногo мгновенно повергается в занятия подлые, неприличные высокому роду его, и чтит, величает, боготворит презренное, ничтожное, суетное. Сей разум истории назидает меня много больше и споспешествует внутреннему моему усовершению, нежели как если бы я, узнав, как золото переделывать мгновенно изo всего и все претворять в оногo, занялся хотением или упражнением богатиться, или химичесвовать.

Я верю и знаю, что все то, что существует в великом мире, существует и в малом, и что возможно в малом мире, то возможно и в великом по соответствии оных и по единству всеисполнение исполняющего Духа. Но для сего не добиваюсь я знать, как и когда Моисей разделил море жезлом в великом сем мире, в истории, а поучаюсь, как бы мне в малом моем мире, в сердце, разделить смесь склонностей, природы непорочной и растленной, и провести волю мою непотопленно по пути житейского бытия, дабы доставить себе в свое время свободу мыслей, то есть веселие духа, или так называемое счастье в жизни.

Не туда ли взывают нас оные слова, часто провозглашаемые в храмах наших: «Премудрость прости»? Что бо есть простое, если не дух? Что сложное, что смесь, состав, соткание, если не плоть, история, обряд, наружность? Сими словами высокими побуждаемся к возвышению мыслей наших выше видимого обряда служения, выше буквального смысла, выше исторического богопочитания. Распространи разумение слов сих по всему кругу Вселенной, по всему лицу бытия твоего и увидишь Невидимого, силу Божию, Дух Господень, воскресение. Что бо есть воскресение, если не простота, очищенная от тленного состава, от множественности, от делимостей.

Но сии исторические христиане, обрядные мудрецы, буквальные богословы, человеки, Духа не имея, хулят то, чего не разумеют».

Иногда разговор его с другом касался смерти. Страх смерти, говорил он, нападает на человека всего сильнее в старости его. Потребно благовременно заготовить себя вооружением против врага сего, не умствованиями — они суть не действительны, но мирным расположением воли своей к воле Творца. Такой душевный мир приуготовляется издали, тихо в тайне сердца растет и усиливается чувством сделанного добра по способностям и отношениям бытия нашего к кругу, занимаемому нами. Сие чувство есть венец жизни и дверь бессмертия.

Впрочем, преходит образ мира сего и, как сон встающего, уничтожается.

Имел ли ты когда, продолжал он, приятные или страшные сновидения? Чувствования сих мечтательных удовольствий или страха не продолжались ли только до пробуждения твоего? Со сном все кончилось. Пробуждение уничтожило все радости и страхи сонной грезы. Так всякий человек по смерти. Жизнь временная есть сон мыслящей силы нашей. В продолжение сна сего радости и печали, надежды и страхи касаются в мечтании чувства нашего. Придет час, сон кончится, мыслящая сила пробудится, и все временные радости, удовольствия, печали и страхи временности сей исчезнут. В иной круг бытия поступит дух наш, и все временное, как сон встающего, уничтожится. Жена когда родит, младенец вступает в новый порядок вещей, новое поприще бытия, новую связь существ вместо той, в какой находился он в бытность свою во чреве матери. И какое тут различие? Чрево матери — и великий мир сей! По вступлении младенца из того в сей все предшедшее, теснота, мрак, нечистоты отрешаются от бытия его и уничтожаются.

Знаю, что многих умы ищут равновесия в награждениях и наказаниях, полагая на свои веса меру и число дела человеческие и суд Божий. Друг мой! Величайшее наказание за зло есть делать зло, как и величайшее воздаяние за добро есть делать добро. Любовь добродетели подобна свету огня. Зажги огонь — тотчас свет осияет глаза твои; возлюби, восчувствуй охоту к добродетели — тотчас сердце твое осветится веселием. Исполни, произведи в дело добродетели любовь, то корень сердца твоего напоишь туком блаженства. И каких благословенных плодов можешь ожидать от сего! Любовь к порокам подобна потушенному огню: погаси огонь, тотчас тьма покрыла очи твои; не знаешь, куда идешь, нет тебе различия вещей; мир не существует для тебя лучшею и величайшею частью: се наказание уже постигло тебя с самым действием. Да не соблазняют тебя казистые удовольствия развратных! Загляни внутрь их: тут огонь мучений не угасает и червь угрызений не усыпает. Если Бог везде, то может ли беззаконник быть без Него? Нет! Ах, нет! Бог есть в нем, Судия его, Мститель, терние его, огонь и жупел, Дух бурен, часть чаши их. Дух и Вечность есть то же. Посему разумеи жизнь вечную и муку вечную.

Говорили иногда о превратностях света. Они суть то, чем быть должны, сказал он тут: тут весна, лето, осень, зима суть свойства, не отделяемые от круга света, подобно как утро и вечер от круга дневного. Все во времени содержимое должно быть коловратно, конечно, перемененно: не разумен, не счастлив, кто ищет, кто требует постоянства и вечности в нем! Когда же нет постоянства в нем, то и любовь к нему должна иметь конец; отсюда печали, воздыхания, слезы отчаяния. Не говори мне о высоких чувствительных душах! Слезы их суть излияние

природы, а не пристрастий, и есть некое утешение плакать в свой час.

Вечность, ах, вечность едина есть беспечалие, постоянство, надежда. Положим сердца наши в силу ее и уделим себе от сокровищ ее в бренной сей временности телесного бытия. Вечность и время един состав суть, но не едино: одно — свет, другое — тьма; одно — добро, другое — зло; одно — глава, другое — хвост.

Услышав в окрестности места о прибытии Сковороды к другу своему, многие желали видеть его, и для того некоторые приехали туда в село Хотетово.

Из начальства правления орловского молодой человек, подойдя к нему, приветственно сказал:

— Р.С.! Прошу полюбить меня.

— Могу ли полюбить вас, — отвечал Сковорода, — я еще не знаю.

Другой из числа таковых же, желая свести с ним знакомство, говорил ему:

— Я давно знаю вас по сочинениям вашим; прошу доставить мне и личное знакомство ваше.

Сковорода спросил его:

— Как зовут вас?

— Я называюсь так, именем и прозванием NN, — отвечал сей.

Сковорода, остановясь и подумав, сказал ему:

— Имя ваше не скоро ложится на моем сердце.

Простота жизни, высота познаний, величайший и долготелный подвиг Сковороды в любомудрии опытным раздирали ризу лицемерия высокоумствующих и обнажали пустоту их. Они, прикрывая зависть свою и наготу сердца листвием сожаления, говорили другим: «Жаль, что Сковорода ходит около истины и не находит ее!» В то время, когда сей увенчиваем уже был знаменами истины, они, обвешаны знаменами соблазнов, гордо и бесстыдно являлись в личине истины.

Старость, осеннее время, непрерывная мокрая погода умножили расстройку в здоровье его, усилили кашель и расслабление. Он, прожив у друга своего около трех недель, просил отпустить его в любимую им Украину, где он жил до того и желал умереть, что и сбылось. Друг упрашивал остаться у него, зиму провести и век свой скончать со временем у него в доме. Но он сказал, что дух его велит ему ехать, и друг отправил его немедленно.

Напутствуя его всем потребным, дав ему полную волю по нраву его выбрать, как хочет он, куда, с кем, в чем ехать ему, представил ему для дороги в случае надобности нужный запас, говоря:

— Возьмите сие; может быть, в пути болезнь усилится и заставит где остановиться, то нужно будет заплатить...

— Ах, друг мой! — сказал он. — Неужели я не приобрел еще доверия к Богу, что промысел Его верно печется о нас и дает все потребное во благовременность?

Друг его замолчал с приношением своим.

1794 года, августа 26 числа, отправился он в путь из Хотова села в Украину. При расставании, обнимая друга, сказал: «Может быть, больше я уже не увижу тебя. Прости! Помни всегда во всех приключениях твоих в жизни то, что мы часто говорили: свет и тьма, глава и хвост, добро и зло, вечность и время. Дух мой признал тебя способнейшим принять истину и любить ее».

Приехав в Курск, пристал он к тамошнему архимандриту Амвросию, мужу благочестивому. Проживя несколько тут из-за беспрерывных дождей и улуча ведро, отправился он далее, но не туда, куда намеревался. В конце пути своего почувствовал он побуждение ехать в то же место, откуда поехал к другу, хотя совершенно не расположен был. Слобода Ивановка помещика Ковалевского было то местопребывание, где несколько времени жил он прежде и куда прибыл скончать течение свое.

Болезни старостью, погодою, усталостью от пути приблизили его к концу его. Проживя тут больше месяца, всегда почти на ногах еще, часто говаривал с благодушием: «Дух бодр, но тело немощно». Помещик, видя изнеможение его крайнее, предложил ему некоторые обряды для приуготовления к смерти. Он, как Павел-апостол, почитая обряды обрезания ненужными для истинно верующих, отвечал подобно как Павел же иудеям обрядствующим. Но, представя себе совесть слабых, немощь верующих и любовь христианскую, исполнил все по уставу обрядному и скончался октября 29 числа, поутру, на рассвете, 1794 года. Перед кончиною завещал предать его погребению на возвышенном месте близ роши и гумна и следующую сделанную им себе надпись написать:

Мир ловил меня, но не поймал.

Имеются многие сочинения его, из которых лучшие доставил он, писанные все рукою своею, другу своему и о всех приложил список своеручный при письме к другу следующего содержания:

Число творений моих

1. Наркисс, узнай себя.
2. Симфония: рек — сохраню пути моя.
3. Симфония: аще не увеси.
4. Неграмотный Марко.
5. Алфавит мира: о природе.
6. Разговор «Кольцо».

7. Древний мир.
8. Жена Лотова.
9. Брань архангела Михаила с Сатаною.
10. Икона Алкивиадовская.
11. Беседа I. Сион.
12. Беседа II. Сион.
13. Беседа III. Двое.
14. Диалог: Душа и Нетленный Дух.
15. Благодарный Еродий.
- 15а. Убогий Жаворонок.
16. О христианском добронравии, или катехизис.
17. Асхань, о познании себя.

Переводы:

1. О старости (Цицерона).

Плутарховы сочинения:

2. О Божием правосудии.
3. О смерти.
4. О хранении от долгов.
5. О спокойствии душевном.
6. О возжелении богатств.

7. О уединении... (Сидрония).

Кроме сочинений и переводов сих, многие на российском, латинском, эллинском языке, находятся письма его весьма поучительные, писанные к другу и прочим; многие стихословия и другие сочинения, которых собрание частью хранится у друга его.

Как он писал для своей стороны, то и употреблял иногда малороссийские наречия и правописание, употребляемое в произношении малороссийском: он любил всегда природный язык свой и редко принуждал себя изъясняться на иностранном; эллинский предпочитал всем иностранным.

Друг его написал сие на память добродетелей его, в благодарность сердцу его, в честь отечества, в славу Бога.

1795 г., февраля 9, в селе Хотетове.

Надгробная надпись:

Григорию Саввичу Сковороде,
в Боге скончавшемуся
1794 года,
октября 29-го дня.

Ревнитель истины, духовный богочец,
И словом, и умом, и жизнью мудрец;
Любитель простоты и от сует свободы,
Без лести друг прямой, доволен всем всегда,
Достиг на верх наук, познавши дух природы,
Достойный для сердец пример, Сковорода.

М.К.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Сковорода Г.* Сочинения: В 2-х т. — М., 1973. — (Философское наследие).
2. *Сковорода Г.* Полное собрание сочинений: В 2-х т. — Киев, 1973.
3. *Сковорода Г.* Литературные твори. — Киев, 1972.
4. *Табачников И.А.* Григорий Сковорода. — М., 1972. — (Мыслители прошлого). — Библиогр.
5. *Барабаш Ю.* Знаю человека... Григорий Сковорода: Поэзия. Философия. Жизнь. — М., 1989.
6. *Сковорода Г.* Сочинения в стихах и прозе. — СПб., 1861.
7. *Сковорода Г.* Собрание сочинений (с заметками и примечаниями В. Бонч-Бруевича). — СПб., 1912.
8. *Баглей Д.И.* Украинский странствующий философ Г.С.Сковорода. — Харьков, 1923.
9. *Билыч Т.А.* Г.С.Сковорода — выдающийся украинский философ XVIII века. — Киев, 1953.
10. *Эри В.* Григорий Саввович Сковорода. Жизнь и учение. — М., 1912.
11. *Бобринский Г.С.* Сковорода. — Париж, 1931.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Д.В.Щедровицкий</i> И словом, и умом, и жизнью мудрец	5
Сочинения Г.С.Сковороды	16
Начальная дверь к христианскому добронравию	16
Преддверие	17
Глава 1-я О Боге	18
Глава 2-я О вере вселенской	19
Глава 3-я О промысле общем	20
Глава 4-я О промысле, особенном для человека	20
Глава 5-я О десягословии	23
Глава 6-я Об истинной вере	25
Глава 7-я Благочестие и церемония — разнь	25
Глава 8-я Закон Божий и предание — разнь	26
Глава 9-я О страстях, или грехах	26
Глава 10-я О любви, или чистосердечии	27
Примечания	28
Разговор пяти путников об истинном счастье в жизни (Разговор дружеский о душевном мире)	30
Примечания	65
Разговор, называемый алфавит, или букварь мира	69
Песня	70
Письмо Тевявяшову	71
Дружеский разговор о душевном мире	74
Несколько окрухов и крупиц из языческого богословия	82
Басня о котах	88
Картина изображенного беса, называемого <i>грусть</i> , <i>тоска</i> , <i>скука</i>	89
Приметы некоторых сродностей	93
Сродность к хлебопашеству	95
Сродность к воинству	96
Сродность к богословию	98
Хор природных благовестников	100
Несколько символов, сиречь гадательных или таинственных образов, из языческого богословия	107
Басня Эзопова	113
Примечания	115

Наркисс	118
Разглагол о том: Узнай себя	118
Чудо, явленное в водах Наркиссу	121
Разговор о том: Знай себя	122
Разговор 2-й о том же: Знай себя	128
Разговор 3-й о том же: Знай себя	130
Разговор 4-й о том же: Знай себя	136
Разговор 5-й о том же: Знай себя	141
Разговор 6-й о том же: Знай себя	144
Разговор 7-й. Об истинном человеке или о воскресении	147
Симфония, сиречь согласие священных слов со следующим стихом: «Сказал: сохраню пути мои, чтобы не согрешать языком моим...»	156
Примечания	163
Благодарный Еродий	165
Письмо С.Н.Дятлову	165
Главизна и твердь книжицы	166
Притча, нареченная «Еродий»	167
Примечания	185
Приложение	
М.И.Ковалинский. Жизнь Григория Сковороды	186
Библиография	220

Издательский Дом
Шалвы Амонашвили

Готовит к изданию девятый комплект

**«АНТОЛОГИИ ГУМАННОЙ
ПЕДАГОГИКИ»:**

Аристотель
Рерих
Спенсер
Гессен
Рубинштейн С.Л.

Издание выстроено по условному принципу:
мудрость древних, Восток, Запад, Россия,
современные педагоги-гуманисты.

Книги при подготовке к изданию прочитаны
учителями-практиками. Мысли первого
читателя изложены на полях

**По вопросам приобретения
обращайтесь по адресу:**

Издательский Дом Шалвы Амонашвили
МГПУ лаборатория гуманной педагогики
113184, Россия, г. Москва, ул. Новокузнецкая, д. 16,
тел.: (095)959-55-54 доб. 120, 121

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

Григорий Сковорода

Составитель:

Дмитрий Владимирович Щедровицкий
(вступительная статья, составление, примечания)

Первый читатель:

Петр Николаевич Цыплаков

Редакционно-издательская подготовка, оформление и макет
Издательского Дома Шалвы Амонашвили

Лицензия ИД № 02878 от 20.10.2001 г.
Подписано к печати 12.12.2002 г. Формат 60×90¹/₁₆.
Усл. печ. л. 14. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Заказ № 2565.

Издательский Дом Шалвы Амонашвили
МГПУ лаборатория гуманной педагогики
113184, Россия, г. Москва, ул. Новокузнецкая, д. 16
Тел.: (095) 959-55-54 доб. 121, 120

Отпечатано с готовых диапозитивов в ФГУП ордена «Знак Почета»
Смоленской областной типографии им. В. И. Смирнова.
214000, г. Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2.

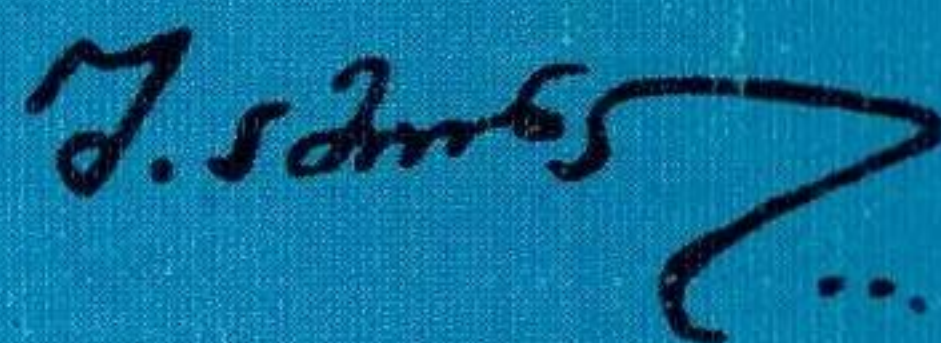
ISBN 5-89147-037-3

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

В «Антологии...»
используется ранее
неприменявшийся
в практике российского
учебного книгоиздания
прием фокусирования
на страницах книги
не всегда совпадающих
позиций —
автора классического
наследия;
составителя тома, ученого,
излагающего свои взгляды
во вступительной статье
и комментариях,
и первого читателя,
учителя, сегодня смотрящего
в глаза своим ученикам,
призванного сегодня
реализовывать **идеи**
гуманной педагогики.

Духовно-философское учение
Сковороды есть мудрость,
которая дана свыше.
Ищущий найдёт в нем путь
к самопознанию, желающий —
поймет суть сердца своего,
а у кого есть ум,
тот «внемлет грому сему:
плоть ничтоже, дух животворит!»
Читать Сковороду с пристрастием
это тоже самое, что жаждущему
прильнуть к живительному
ручейку.

Шалва Амонашвили